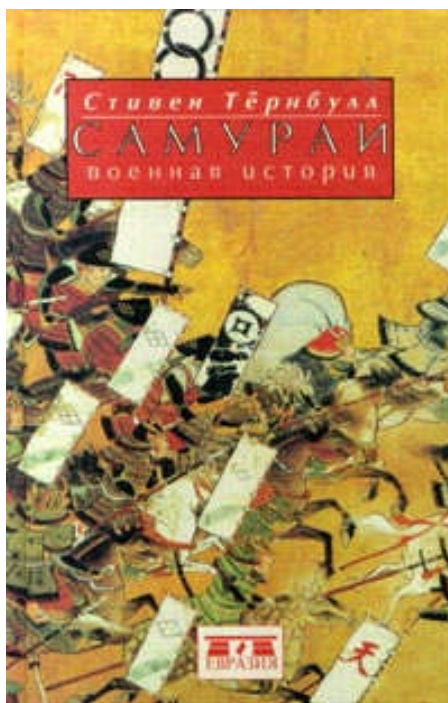

Стивен Тернбулл Самурай. Военная история

«Тёрнбулл С. Самурай. Военная история»: Евразия;
Санкт-Петербург; 1999

Аннотация

Книга посвящена истории японского воинского сословия с момента его зарождения до падения во второй половине XIX в. Она написана живым, образным языком и основывается на добротном историческом материале.

На страницах этой книги мир средневековых японских воинов, которые играли важную роль в истории VII-XIX веков, раскрывается перед читателем во всем многообразии и полноте.

Предисловие

От переводчика

Излишним было бы говорить, что книга Стивена Тёрнбулла «Самураи. Военная история» – одно из лучших обобщающих исследований по данной теме. Как и должно быть в настоящей военной истории, описания битв и кампаний тесно переплетены здесь с политикой, экономикой, религией, личными амбициями и страстями японских правителей и полководцев. Несмотря на то, что текст содержит массу японских терминов, имен и названий, мало что на первый взгляд говорящих рядовому читателю, книга читается очень легко. Специальные термины тут же разъясняются, к тому же их оказывается не так уж и много, а по мере углубления в текст герои тысячелетней японской истории, все эти Тайра, Минамото, Кусуноки, Такэда и Токугава начинают восприниматься как старые знакомые. Автор не перегружает текст названиями японских боевых подразделений, мер длины, денежных единиц и пр. Они присутствуют только там, где это необходимо. В русском переводе английские футы были переведены для удобства в метры, однако английские мили решено было оставить, а не переводить в километры, поскольку речь чаще всего идет о расстояниях приблизительных. В главе о японском вторжении в Корею для обозначения частей японской армии используется слово *division* – дивизия, что, хотя и кажется некоторой модернизацией, довольно точно передает суть – речь идет о боевых единицах численностью 15–20 тысяч человек. Как признает сам автор, при подготовке нового издания книги им были исправлены некоторые ошибки и неточности, допущенные в первом издании. В новом издании была замечена только одна неточность, которую мы позволили себе исправить при переводе. На с. 25 (оригинала), где Кадзивара Кагэтоки перечисляет свою родословную и подвиги своих предков перед битвой при Ити-но-тани, он

вовсе не утверждает, как показалось С. Тёрнбуллу, что он участвовал в осаде крепости Канэдзава под началом Минамото Ёсиизэ. Он вполне определенно говорит о деяниях своего предка Гонгоро Кагэмаса. По-видимому, автор воспользовался не очень точным переводом соответствующего места из «Хэйкэ моногатари». Обращение к русскому переводу (сделанному И. Львовой, Москва, «Художественная литература», 1982 г., с. 420) позволило сделать необходимое исправление.

Никитин А. Б.

К изданию 1996 г.

Двадцать лет назад, заканчивая рукопись этой книги, я начал предисловие фразой: «Слово «самурай» стало привычным». Оно стало еще более обыденным благодаря успеху этой книги, и я рад, что теперь в серии «Японская библиотека» появилось первое ее переиздание в мягкой обложке.

Естественно, что за последние двадцать лет, написав еще десяток книг, я нашел в «Самураях» некоторые ошибки, которых не мог заметить, когда только что закончил рукопись. Настоящее издание позволило мне еще раз проверить весь текст, и мне было приятно отметить, что всё это ошибки второстепенные, касающиеся в основном дат и некоторых терминов. Помимо этих исправлений, текст не требовал особой редакции, однако я воспользовался случаем и удалил некоторые оценки и суждения, а также различные комментарии, показавшиеся мне не совсем точными. Так, например, я характеризовал ряд сражений при Каванакадзима как «галантный турнир» – едва ли подходящее определение для кампании 1561 г., когда потери со стороны Уэсуги составили 72%!

Я решил не добавлять новых глав к этой книге, поскольку последующие мои публикации в достаточной мере ее дополняют. Описание периода Эдо содержится, как и

прежде, в одной главе. То была «эпоха мира» – для военной истории большего и не надо. Мало что здесь говорится и о самураях как покровителях искусств. На этих страницах самурай предстает исключительно как воин.

Эта книга о людях, поэтому я не приношу извинений за то, что привожу в ней большое количество японских имен. Чтобы облегчить задачу читателю, я игнорирую странный самурайский обычай менять имя каждые несколько лет и называю каждого тем именем, под которым он более всего известен. Сперва идет, по старинному японскому обычаю, родовое имя, затем личное. Так, например, Токугава Иэясу (т.е. Иэясу из дома Токугава) начал свою жизнь как Такэтиё, а в возрасте пятнадцати лет его стали звать Мацудайра Мотонобу. Год спустя он был уже Мацудайра Мотоясу. Когда ему исполнилось двадцать, он заменил данное ему имя на Иэясу, а в двадцать семь отказался от своего родового имени ради фамилии Токугава. После смерти он был обожествлен как Тоо-сё-гу. В этой книге я всюду называю его Токугава Иэясу.

Я упростил также чтение дат, переведя на европейский стиль все встречающиеся в хрониках и эпических произведениях даты лунного календаря при помощи «Таблиц японской хронологии» Брамзена. Транскрипции имен даны по системе Хепбёрна. Чтобы избежать тавтологии и безобразного смешения японских и английских слов, я сохранил некоторые суффиксы в именах и названиях, а именно: -гава (река), -дзи (буддийский храм или монастырь), -яма (гора или холм), -сима (остров).

Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить следующих лиц и организации за предоставление иллюстраций для этой книги и за оказанную помощь в работе над ней: Пола Норбри из Японской библиотеки, Роджера Клива из Оспри Паблишинг, которым я благодарен за своевременные и полезные советы при подготовке первого издания; Гилберта Смита – за переводы с японского; К. Б. Гарднера, помощника хранителя Отдела восточных рукописей и печатных книг

Британской библиотеки, который помогал мне в поисках нужной литературы и предоставил японские оригиналы, положенные в основу моих карт и схем; Джона Андерсона, позволившего использовать свою коллекцию, чтобы проиллюстрировать развитие вооружения, и всех моих коллег в Северном отделении Британского общества То-кэн, организации, так много сделавшей для поощрения серьезных исследований в области японского оружия. Особо я хочу поблагодарить моего друга Яна Боттомли, коллекция которого послужила материалом для нескольких иллюстраций и который предоставил мне возможность пользоваться своей неопубликованной монографией о японском защитном вооружении, написанной в соавторстве с Дж. Хопкинсом.

Б. В. Робинсон из Музея Виктории и Альберта, Х. Р. Робинсон из Арсенала Лондонского Тауэра, д-р Наёси Ии, мэр Хиконэ, Ёсинобу Токугава, директор фонда Токугава Рэймэйкай, Ёсими Хаяси, директор музея Акидзуки в Фукуока, Лаури Аллен из Рида, Австралия, Луи Аллен из Даремского университета оказали мне помощь и дали полезные советы при подготовке книги. И. Дж. Кларк и Э. Дж. Хит дали практические советы, связанные с процессом публикации; синьора С. Росси любезно предоставила переводы с итальянского. Д-р М. Тондж, мой бывший коллега по Даунинг-колледжу, Кембридж, снабдил меня некоторыми ценными корейскими материалами. Я хотел бы поблагодарить Японское общество Лондона за разрешение пользоваться его протоколами.

И еще я хочу поблагодарить мою дорогую супругу Джо, без постоянной поддержки и помощи которой эта работа не увидела бы свет.

Стивен Тернбулл

Отдел восточноазиатских исследований
Лидсский университет, ноябрь 1995 г.

Япония вошла в современный мир в 1868 г. под знаком реставрации власти императора, призрачной фигуры, которая на протяжении многих веков была отстранена от реальной власти гегемонами из самурайского сословия, правителями-воинами. По сути в реставрации Мэйдзи, по крайней мере на ранних ее этапах, было мало радикального или революционного, ибо осуществили ее представители того же самурайского сословия, а император остался тем же, чем он был с древнейших времен – гарантом легитимности власти других людей. За одно десятилетие новые правители-самураи направили Японию на путь модернизации, и хотя по ходу дела им пришлось отказаться от феодальных привилегий собственного класса, бывшие самураи фактически стали лидерами во всех сферах жизни современного японского общества. Что еще более важно – они привнесли в современную эпоху тот самурайский дух воинской чести, которому суждено было определять поведение японца по крайней мере до конца второй мировой войны, когда японские солдаты шли в бой со старинными самурайскими мечами и погибали под огнем врага в самоубийственных психических атаках.

История самураев – это история Японии на протяжении большей части последнего тысячелетия, и поэтому не следует приписывать самурайские традиции исключительно прошлому. Прежде всего, невозможно понять современное японское общество и поведение японцев, не представляя себе ценностей прежней Японии, а эти ценности развивались прежде всего в среде самураев. Более всех прочих современных народов японцы связаны узами той личной преданности и долга, которые обычно называют «феодальными». Применим ли термин «феодальный» к нынешним условиям или нет, в поведении современных японцев явственно проступает многое из того, что является наследием их самурайского прошлого.

Помимо того, что история самураев многое объясняет в

поведении японцев, она сама по себе чрезвычайно увлекательна и колоритна. Никто точно не знает, когда в Японии появились самураи. Древнейшие письменные источники, дающие о них какие-либо определенные сведения, относятся к X в. Кажется очевидным, однако, что появление провинциальной военной элиты должно восходить к гораздо более раннему времени, возможно – к периоду доисторических гробниц IV – V вв. С X в. самураи постепенно увеличивали свои земельные владения, а к концу XII в. верховная власть в Японии окончательно переходит в руки самурайской верхушки.

Удивителен не сам факт перехода власти к самураям, а то, что это произошло не путем низвержения или уничтожения класса придворной аристократии в Киото, представители которой до тех пор управляли страной в качестве министров императорского двора, а за счет его постепенного вытеснения. Самураи, в массе своей грубые воины из отдаленных провинций, восхищались светскими манерами и классической культурой придворных и охотно стремились подражать им. После того как в XIV в. центр военной власти был перенесен в Киото, самураи стали приобщаться к придворной жизни и сами превратились в покровителей искусств. Правившие в то время сёгуны Асикага гораздо больше преуспели именно в этом, а не в поддержании мира. Годы их правления (1336–1573) отмечены почти непрерывными гражданскими войнами.

Таким образом, когда к концу XVI в. прекратились войны и мир надолго воцарился при сёгунах из дома Токугава, в среде самураев уже сложились не только кодекс поведения воина, но и богатая традиция покровительства изящным искусствам. Период Токугава (1600–1867) дал самураям и первую возможность обратить внимание на искусство управления страной не одними лишь принудительными методами. Продолжительность этого периода и мир, почти не нарушавшийся военными столкновениями, свидетельствуют о приспособляемости

самураев к новым условиям, об их успешном превращении из военного сословия в администраторов. В то же время, даже в век всеобщего мира, их никогда не покидало сознание, что они воины; именно в период Токугава самураи выработали кодекс бусидо, или «путь воина». Романтизируя воинскую силу предшественников и рассуждая о своей новой моральной и интеллектуальной ответственности в качестве гражданских правителей, самураи воплотили в бусидо моральные принципы, которым японцы продолжали следовать, даже когда вмешательство западной цивилизации вынудило их совершить переход в новую эру.

После поражения во второй мировой войне японцы предпочли на какое-то время забыть о бусидо, однако в последние годы они вновь смогли увидеть свое прошлое в его истинном свете и с энтузиазмом восприняли телесериалы, фильмы и книги, рассказывающие о подвигах лихих самураев былых времен.

Стивен Тёрнбулл создал живое захватывающее повествование о самураях. Начав с самых ранних свидетельств о воинских традициях в мифологии доисторической Японии, он проследил эволюцию самурайского сословия от самых истоков через века славы и власти до разложения в начале периода Мэйдзи. Его рассказ построен на весьма солидной основе. Прежде всего его интересует военная история, он дает превосходные описания сражений и военных походов, но всегда рассматривает войны и развитие военного дела на фоне тех исторических и социальных явлений, которые их породили. Многие современные англоязычные авторы, пишущие о Японии, уделяют внимание исключительно военной истории. «Самураи» – это нечто большее, чем описание походов и сражений.

Пол Варли

Колумбийский университет

Глава I

Боги и герои

Когда Небо и Земля были единым целым, а мужское и женское начало еще не разделились, все сущее представляло собой хаотическую массу, содержащую зародыш жизни.

Затем появилось подобие ростка тростника, возникшее из хаоса, когда более легкие и чистые элементы поднялись вверх, чтобы образовать Небо, а более тяжелые осели и стали Землей. Эта загадочная форма превратилась столь же мгновенно, как и возникла, в первое божество, Куни-токо-тати, «Божество – Владыку Августейшей Средине Неба».

Затем возникли другие боги. Все они рождались по одному, пока не появилась пара божеств, Идзанаки и Идзанами, т.е. Зовущий Мужчина и Зовущая Женщина. Когда они вместе стояли на плавучем мосту Неба и с любопытством смотрели на плавающую внизу Землю, старшие боги дали им украшенное драгоценными камнями коралловое копье. Они погрузили его в Океан и взбудоражили его воды. Когда они вынули копье, с его наконечника упали капли. Капли застыли и образовали острова, и на один из них спустилась божественная пара. Они установили коралловое копье в качестве центрального столба и опоры своего дома. Так была создана Япония.

Это начало японской истории изложено в старейших японских хрониках, «Кодзики» и «Нихонги», составленных в начале VIII в. В этой мифе творения мы уже видим основополагающие аспекты японской традиции, наиболее важные из которых – концепция божественного происхождения японских правителей и использование оружия в качестве символа власти. Если бы наш анонимный хронист захотел выступить не только как летописец, но и как пророк, он не смог бы отыскать более подходящей метафоры для истории последующих десяти столетий, ибо до новейшего времени боевому оружию, воплощенному в японском мече,

суждено было оставаться основой общества, а характер борьбы и военных столкновений определял его развитие.

В какой-то мере семена будущего конфликта были посеяны с самого начала, ибо капли воды, упавшие с наконечника копья, застыли самым беспорядочным образом. Вместо того чтобы слиться в один участок суши, они разбились на тысячи мелких кусочков, которые затем произвольно соединились, образовав четыре главных острова. Самый крупный из них, Хонсю, принял форму вытянутого полумесяца. У его южной оконечности возник более компактный Кюсю, который, видимо, из чистой вредности, образовал рваный западный край. Небольшой остров Сикоку втиснулся между двумя другими, оставив между собой и Хонсю прекрасный длинный пролив, называемый Внутренним морем. Четвертый остров, Хоккайдо, свернулся у холодной северной оконечности Хонсю. Он упал так далеко на севере, что им пренебрегали до сравнительно недавнего времени, и поэтому в нашем рассказе он не будет принимать участия. Таким образом, читателю предстоит иметь дело только с тремя главными островами и еще с горсткой более мелких, о которых будет сказано по ходу повествования.

Помимо своих сложных очертаний, Японские острова имеют к тому же непростое географическое положение. Япония расположена в сотне миль от южной оконечности Корейского полуострова. Лежащие на пути два маленьких островка сокращают расстояние между Японией и Кореей до пятидесяти миль. Это достаточно близко, чтобы путешествие на материк было возможным, но слишком далеко, чтобы оно было легким. Благодаря этому японцы могли получать из Азии все, что им было нужно, и не допускать проникновения того, чего им не хотелось. За всю историю самураев была лишь одна попытка иноземного вторжения на Японские острова. Впрочем, и японцы всего лишь раз вторгались на материк – широкие водные пространства препятствуют этому в обоих направлениях.

Несмотря на выгодное географическое положение,

творцы Японии создали страну, пригодную только для героев. Сама форма островов представляет собой препятствие для сообщения. По капризу лукавых богов 80% суши занимают горы, около 600 из них возвышается не менее чем на 2 000 метров, а одна, легендарная Фудзи, достигает 4 000 метров. В горах множество быстрых рек и чистых озер, они покрыты густой растительностью. Добавьте сюда еще климат с жарким влажным летом и снежной зимой, с бурной весной и меланхоличной осенью. Оставшиеся 20% плодородных земель распределите всего между тремя областями, прибавьте периодические землетрясения и тайфуны, напоминающие местным жителям о невидимой длани Творца, и вы получите страну, которая с борта современного самолета смотрится как кусок измятого зеленого бархата. К тому же в то время, о котором пойдет речь, элементарная проблема выживания уже имела оттенок приключения.

Три крупных области с наиболее плодородной землей расположены вдоль восточного края Хонсю. Самая большая из них – равнина Канто, занимающая около 5 000 квадратных миль. Другие две равнины – это Ноби и Кинаи. Борьба за обладанием этими землями определяет всю японскую историю. Веками они привлекали основную массу японского населения, а сейчас там расположены три великих мегаполиса – Токио, Нагоя и Осака.

Равнина Кинаи, расположенная в самом центре Хонсю, является как бы «пупом» Японии, подобно тому как озеро Бива, северный берег которого обступили горы, а воды устремляются к морю, аккуратно делит страну на две равные части. К тому же до недавнего времени столица государства всегда находилась на равнине Кинаи, почему эта область и получила название «внутренних провинций». В этой книге термины «западная» и «восточная» Япония употребляются в соответствии с расположением этих земель по отношению к равнине Кинаи. В течение многих лет основные магистрали Японии пролегали вдоль побережья – либо на запад, вдоль Внутреннего моря на западный Хонсю, Кюсю и Сикоку, либо

на восток и на север, где проходит древняя дорога Токайдо, прославленная художником Хиросигэ в большой серии его ксилографий. Окинув взглядом место действия, вернемся опять к богам.

Не надо долго вчитываться в древнюю хронику, чтобы встретить первое упоминание настоящего меча. Это оружие принадлежало Идзанаки. Им он убил своего сына, Бога огня, рождение которого причинило страшную боль Идзанами. Богиня была так удручена случившимся, что удалилась в подземный мир. Исполненный раскаяния из-за первого в мире убийства и скорбя о жене, Идзанаки, подобно Орфею, спустился за ней в подземное царство, чтобы вырвать Идзанами из когтей богов Ада. Его попытка не удалась; на обратном пути его преследовали восемь Богов грома и прочие злые духи, от которых он весьма искусно отбилсЯ своим мечом. Вернувшись, он совершил многочисленные омовения, чтобы очиститься от адской скверны.

Бог огня не был их единственным отпрыском. Ему предшествовали еще два божества. Старшей была Аматаэрасу – Богиня Солнца, за ней последовал Сусаноо – Вспыльчивый муж. Сусаноо представляется существом неуравновешенным, подверженным вспышкам ярости. Он выплескивал свою ярость, меча грома и молнии. Во время одного из таких припадков он дошел до того, что швырнул в свою нежную сестру дохлого жеребца. Она бежала от него и скрылась в пещере. Все существа были весьма огорчены этим обстоятельством, ибо когда Богиня Солнца спряталась, мир погрузился во мрак. Они собрались, чтобы придумать способ выманить ее из укрытия, и решили преподнести ей самые прекрасные дары из всех возможных. Некий Одноглазый бог, как его прозывали, выковал для нее железное зеркало. Этот кузнец-небожитель по традиции считается отцом оружейного ремесла. Примечательно, что греческие циклопы также славились как искусные металлурги.

Другим подарком было ожерелье из драгоценных камней, которое вместе с зеркалом повесили на дерево у

входа в пещеру. Музыка и смех побудили Аматаэрасу выглянуть из пещеры, и она увидела свое отражение в зеркале. Пораженная собственной красотой, она стояла и смотрела, а тем временем вход в пещеру завалили камнями, прежде чем она успела вернуться туда. Так миру был возвращен свет.

Но по крайней мере один раз буйный нрав Сусаноо принес какую-то пользу. В земле Идзумо обитал гигантский змей с восемью головами и восемью хвостами, и его хвосты заполняли восемь долин. Его глаза были подобны солнцу и луне, на его хребте росли леса. Этот змей, глотавший людей, особенно любил молодых девушек. Сусаноо вызвался убить змея. Выбрав в качестве наживки привлекательную девушку, он спрятался неподалеку, держа в руке отцовский меч, а в качестве дополнительной приманки для чудовища припас изрядное количество сакэ (японского рисового вина). Змей наконец приполз и, не обращая внимания на девушку, погрузил все восемь голов в сакэ и с наслаждением выпил. Вскоре змей опьянел и стал легкой добычей для Сусаноо, который выскочил из засады и стал яростно рубить его на куски. Когда он дошел до хвоста, клинок отскочил, и он обнаружил, что там спрятан волшебный меч. Этот прекрасный клинок он подарил сестре, и поскольку та часть змея, где он был найден, была окутана черными тучами, он назвал его «Амэ-но муракомо-но цуруги», или «Меч Клубящихся Туч».

По праву первородства Аматаэрасу унаследовала Землю и через некоторое время послала своего внука Ниниги править Японскими островами, сотворенными ее родителями. Когда Ниниги готовился покинуть Небо, она дала ему три предмета, которые должны были облегчить ему путь: те самые зеркало, драгоценности и меч. Получив эти вещи, которым суждено было стать регалиями японских императоров, принц Ниниги спустился с Неба на вершину горы Такатико на Кюсю. Он женился и со временем передал регалии своему внуку Дзимму, первому земному императору

Японии.

В «Микадо» Гилберта и Салливана Пу Ба заявляет, что может проследить свою родословную «вплоть до атомного ядра первичной протоплазмы». Возможно, Гилберт и был знаком с японским мифом о творении, описывающим зарождение жизни из бесформенного хаоса; тем не менее, как это ни странно, нынешний император Японии может перечислить 124 поколения царственных предков – это древнейший из существующих ныне правящих домов. Хотя, надо признать, реальное существование Дзимму, первого императора, – факт весьма сомнительный. По легенде, Дзимму с мечом в руке переправился с Кюсю на Хонсю, по пути выиграл множество битв, сражаясь со всевозможными врагами, в том числе с восьмьюдесятью земляными пауками, которых он быстро уничтожил, причем опять-таки с помощью хмельного напитка. Согласно традиции, он взошел на трон 11 февраля 660 г. до н.э., и этот день в Японии до сих пор является национальным праздником.

Археология дает более приземленные, но не менее убедительные свидетельства присутствия человека на Японских островах на протяжении последних 100 000 лет. Первые 90 000 лет Япония была связана с азиатским материком. Затем, в конце последнего ледникового периода, таяние ледников привело к поднятию уровня мирового океана, и Япония оказалась отрезанной от материка теми самыми проливами, которые сыграли столь важную роль в ее последующей истории.

В изолированной от материка Японии жили аборигены. Около 500 г. до н.э. их начали вытеснять пришельцы монголоидного типа, предки современного населения страны. Они прибывали постепенно на протяжении последующих нескольких сотен лет, принесли с собой гончарный круг, бронзу, железо, культуру риса. Острые железные мечи, самые смертоносные изделия их мастерства, помогли этим завоевателям потеснить туземные племена. Естественно, имели место и смешанные браки, чем объясняется

относительная волосатость японцев по сравнению с другими монголоидами.

Ко времени десятого императора, которого звали Судзин (около 200 г. н.э.), в мифах стала преобладать примитивная форма анимизма, который впоследствии стали считать исконной религией Японии, синто – «путем богов». Характерной чертой синто является то, что определенные места: водопады, вершины гор, нагромождения скал необычайной красоты – считаются местами обитания богов. Подобные места становились средоточием культа, и, как правило, рядом с ними строились синтоистские святилища, легко узнаваемые по характерной форме ворот, напоминающей греческую букву пи. Согласно учению синто вся вселенная едина, а святые места являются теми уголками творения, где человек может слиться с природой и почтить ее Творцов. Синто не объясняет этот мир, но приглашает человека принять в нем участие, отождествляя себя с такими природными явлениями, как деревья, земля, вода, рождение, жизнь и смерть.

Это ощущение гармонии с природой как нельзя лучше проявляется в основанном императором Судзином великом святилище в Исэ, воздвигнутом в честь Аматаэрасу, Богини Солнца. Этот замечательный комплекс зданий отличается чрезвычайной простотой конструкций, и, чтобы подчеркнуть тот факт, что это не памятник, а живая часть окружающей среды, святилища с момента их основания каждые двадцать лет сносятся, а затем отстраиваются вновь.

Ничего удивительного, что традиция синто тесно связана с институтом императорской власти, который претендует на происхождение от божества из Исэ. По этой причине храмы Исэ особо почитаются японцами; как мы увидим в дальнейшем, именно к Исэ японцы обращались в критические моменты своей истории.

Император Судзин сделал еще два важных нововведения. Столкнувшись с угрозой мятежа, он создал институт военачальников четырех областей страны. Они

носили титул сёгунов (что можно перевести примерно как «главнокомандующий») – первый случай употребления этого термина, впоследствии получившего столь большое значение. Другое его нововведение было более простым, но не менее важным – он ввел подоходный налог.

Императору Судзину наследовал Кэйко, на сыне которого, принце Ямато, мы остановим теперь наше внимание. Этот персонаж представляет собой переходную стадию между богами и героями. Он в какой-то мере является предшественником самураев последующих времен. Он все еще борется с чудовищами, однако при этом наделен вполне человеческими чертами. Стоит подробнее рассмотреть легенду о Ямато, поскольку в нем узнается архетип самурайской традиции. Говорить «в нем», возможно, терминологически и неверно, ибо Ямато – скорее всего собирательный образ, а его подвиги, должным образом приукрашенные и преувеличенные, были совершены многими воинами, жившими в первые века нашей эры.

Храбростью Ямато мог бы соперничать с рыцарями Круглого Стола. Примечательно при этом отсутствие в нем рыцарского духа. Его карьера мастера меча началась с того, что он убил своего старшего брата за то, что тот опоздал к обеду. Это так шокировало его отца, императора Кэйко, что Ямато был сослан на Кюсю, где его воинственная натура могла бы принести какую-то пользу в битвах с врагами трона. Прежде чем отправиться туда, юноша посетил свою тетку, верховную жрицу великого святилища в Исэ, которая вручила ему священный «Меч Клубящихся Туч». Первую победу в этом походе Ямато одержал тем не менее при помощи хитрости, а не благодаря умению владеть мечом. Подобравшись к дому врага, он увидел там сильную охрану; в доме тем временем готовились к пиру. Принц переоделся девушкой и присоединился к общему веселью, сев между двумя вражескими вождами. Когда они достаточно опьянели, он выхватил спрятанный под одеждой меч и зарубил обоих. Выполнив свою миссию, Ямато отправился домой и по дороге

победил еще одного местного вождя в провинции Идзумо. Он снова прибегнул к хитрости для достижения своей цели. Сперва он подружился с этим вождем, так что тот стал считать принца едва ли не братом. Затем сделал меч из дерева и стал носить его как настоящий. Однажды он пригласил вождя искупаться в реке. Они оставили мечи на берегу, а когда вылезли из воды, принц предложил вождю в знак дружбы обменяться мечами. Тот охотно согласился, а затем принял вызов Ямато на дружеский поединок. Несчастный вождь, естественно, вскоре обнаружил, что новый меч сделан из дерева, и принц Ямато без труда убил его.

До сих пор принц Ямато поступал не очень красиво; во всяком случае, он мало соответствовал идеалу самурая-воина. Однако когда он вернулся домой, его характер почему-то резко изменился. Он превращается в архетип бродячего героя-воина, который умирает рано и трагически – сюжет, вновь и вновь повторяющийся в истории самураев.

Как только Ямато вновь отправился в странствия, гигантский змей, убитый Сусаноо, чудесным образом воскрес, встал у него на пути и потребовал, чтобы тот вернул «Меч Клубящихся Туч». Ямато попросту перепрыгнул через змея и продолжал путь. Единственным другим препятствием в его странствиях стала прекрасная девушка по имени Ивато-химэ, в которую он страстно влюбился. В конце концов он все-таки заставил себя покинуть ее и продолжил свой путь к горе Фудзи. Здесь тайные враги принца пригласили его принять участие в охоте на оленя, и когда он увлекся погоней за зверем, они подожгли высокую траву, намереваясь сжечь его живьем. Принц выхватил волшебный меч из ножен, проложил себе путь через горящую траву и спасся. С тех пор этот меч стал известен как «Кусанаги-но цуруги» («Меч, Раздвигающий Траву»).

Едва избежав смерти, он вернулся к Ивато-химэ. Зная, однако, что он не может остаться с ней навсегда, Ямато оставил ей на память свою величайшую ценность – «Меч Клубящихся Туч», или «Раздвигающий Траву», который

Ивато-химэ приняла со слезами и повесила на тутовое дерево. Гигантский змей, разъяренный тем, что Ямато ускользнул от него, поджидал его в засаде. Ямато, как и в прошлый раз, нимало его не испугался, опять перепрыгнул и продолжил свой путь. Однако на этот раз он случайно задел змея ногой. Вскоре у него начался жар, который распространился по всему телу. Купание в холодном ручье принесло ему некоторое облегчение, жар спал, но болезнь не покидала его, и он слег. Больной принц вновь захотел увидеть Ивато-химэ. Вскоре она предстала перед ним – как оказалось, она следовала за ним в его странствиях. Принц воспрял духом, но его здоровье все ухудшалось. Наконец он умер и превратился в белую птицу, которая улетела на юг.

Трагический конец жизни Ямато содержит черты, которые мы встретим еще не раз: герой одинок, его повсюду преследуют враги, ему суждено умереть молодым. Представление о самурае как об одиноком герое-воине живо по сю пору, и Ямато стоит первым в ряду этих героев.

Оставив в стороне легендарную сторону предания о Ямато, мы можем представить себе сложившуюся в то время в Японии ситуацию. Нация была разделена на ряд кланов, сильнейшим из которых был клан императора. Он стремился осуществлять свое право управлять страной, основанное на божественном происхождении от Солнечной Богини. Император либо сам командовал войском, либо назначал сёгуном какого-либо военачальника высокого ранга. Сёгун назначался на короткий срок, обычно только на время очередной кампании. Боевое оружие было собственностью государства, в мирное время оно хранилось на складах и извлекалось лишь для войны или учений. В ранний период не существовало таких понятий, как самураи или военное сословие: все поданные несли воинскую повинность, хотя некоторые кланы и имели особые привилегии. Например, члены клана Отомо были потомственными дворцовыми стражами.

Подобная жизнь, когда смерть была делом обычным,

укрепила дух нации; спартанские привычки родственников первых императоров-воинов были унаследованы самураями. Для ранних императоров чистота была сродни благочестию. Памятуя о возвращении Идзанаки из Ада, они проводили бесчисленные церемонии ритуального очищения, особенно после сражений. То был не страх смерти, а неприязнь к скверне и разложению, которые она несет. Считалось необходимым покинуть любой дом, где кто-либо умер. Это правило распространялось и на императорский дворец, поэтому на протяжении первых нескольких веков в Японии не было постоянной столицы.

Императоры и столицы появлялись и исчезали, храм Солнечной Богини в Исэ сносился и восстанавливался каждые двадцать лет, а институт императорской власти, поддерживаемый зеркалом знания, священным мечом и царственными драгоценностями, процветал и обретал силу.

Был случай, когда супруга императора сыграла свою роль в расширении границ империи. Императрица Дзинго совершила поход в Корею, предвосхищая более позднее вторжение, которое имело место тысячу лет спустя. При этом ей помогали сами боги. Она в то время была беременна и, вернувшись в Японию, родила сына, будущего императора Одзина. После смерти он был обожествлен как Хатиман, бог войны, впоследствии особо почитаемый самураями.

Впрочем, Хатиман, как и другие божества синтоистского пантеона, недолго оставался объектом безраздельного поклонения японцев, ибо с начала VI в. в Японию начинают проникать иноземные культы. Миссионер из одного государства в южной Корее привез туда первое изображение Будды.

Учению Будды к тому моменту, когда оно достигло Японии, было уже около тысячи лет. Первое, что усмотрели японцы в новой религии, была сверкающая золотом статуя Будды. Привлекательность нового учения и богатство связанной с ним китайской культуры представляли угрозу всевластию императора, и оно поначалу встретило сильное

сопротивление. Как это ни странно, самым восторженным сторонником буддизма стал член императорской фамилии, принц Сётоку. Он был человеком просвещенным, стремился свести воедино учение Будды и свою родную религию, чтобы божества синто рассматривались как воплощения самого Будды. В 607 г. Сётоку отправил первое из многочисленных посольств в Китай, и ко времени своей смерти в 621 г. в возрасте 49 лет он разработал для Японии систему реформ, основанных на китайском учении о государстве. Его идеи и планы, однако, пережили его и были отчасти воплощены в жизнь высокопоставленным придворным по имени Фудзивара Каматари. Он был первым из длинного ряда Фудзивара, оставивших след в японской истории.

Великие Реформы включали очень сложную систему преобразований и имели далеко идущие последствия. В основе их лежало постепенное ослабление патриархальной клановой системы Японии, которая угрожала стабильности императорской власти, и замена ее бюрократической системой, контролируемой императором и построенной по китайской модели. Фудзивара, таким образом, стал реконструировать Японию, превращая ее в миниатюрную версию танского Китая. Все установления, традиции и нравы танской империи следовало скопировать и приспособить к условиям Японии, поскольку у китайцев была тогда, по их собственному мнению, самая совершенная система правления. С той самой удивительной японской способностью всему подражать и все приспособливать к своим нуждам, которая проявляется и в наши дни, народ страны Восходящего Солнца стал с увлечением копировать жизнь народа страны заката. Наиболее конкретным из мероприятий Фудзивара было основание в 710 г. первой постоянной столицы Японии – Нара. Город был спланирован по образцу столицы танского Китая – Чанъани. Чанъань, город в плане квадратный, с широкими прямыми улицами, расположенными под прямым углом друг к другу, был скопирован с уменьшением примерно в два с половиной раза,

так, чтобы сторона квадрата была равна трем милям, но и эта площадь оказалась чересчур велика для его населения, и западная часть города так и осталась незастроенной.

Тридцать лет спустя Нара поразила эпидемия оспы. Начался мор. Буддийские монахи вознесли молитву об избавлении от бедствия, и она оказалась столь действенной, что император Сёму в благодарность решил воздвигнуть огромную бронзовую статую Будды и поместить ее в гигантский деревянный храм. Нара был выбран отчасти потому, что рядом с городом уже стояло два буддийских монастыря: Хорюдзи (основанный в 607 г.) и Якусидзи (основанный в 680 г.). Теперь в Нара должен был появиться новый храм, размерами и величием превосходящий все виданное до тех пор. Он получил имя Тодайдзи – «Великий Восточный Храм». Во всех провинциях Японии также следовало основать буддийские монастыри, чтобы обеспечить японцам защиту и покровительство Будды.

Можно подумать, что о Богине Солнца совсем забыли, однако это было не так. С должным почтением к своим предкам император Сёму отправил гонца к жрецам в Исэ, чтобы узнать, что думает о его проекте Аматаэрасу. Она, очевидно, одобрила его план, ибо как только посланец вернулся, началась работа по отливке гигантской статуи. Будда был изображен сидящим, с поднятой для благословения рукой. Более позднюю копию статуи (оригинал погиб при пожаре) можно видеть и сейчас. Она отлита из бронзы, высота ее равна 16 метрам. Тысячи рабочих трудились над ней днем и ночью, на нее пошло так много бронзы (нынешняя весит 551 тонну), что стала сказываться нехватка этого металла. В 749 г. на севере Хонсю было найдено золото, и вскоре его добыли в количестве, достаточном для того, чтобы покрыть всю статую драгоценным металлом. Дайбуцудэн, здание в комплексе Тодайдзи, в котором помещается статуя, до сих пор остается самым большим в мире деревянным строением под одной крышей, даром что при последующих перестройках его

размеры несколько сократили.

Церемония посвящения, состоявшаяся в 749 г., была не менее примечательна, чем само здание. Император Сёму в сопровождении знатнейших людей страны прибыл в Тодайдзи и встал перед гигантской статуей. Он приблизился к ней с южной стороны, как подданный, приносящий присягу властелину, и объявил себя смиренным слугой трех драгоценностей: Будды, учения и монашеской общины. Больших уступок иноземному божеству нельзя и представить, поскольку своими словами и действиями император Сёму фактически провозгласил буддизм государственной религией Японии и тем самым дал толчок целой цепочке событий, в конце концов позволивших буддийскому монашеству обрести власть, которой суждено было поколебать и самый императорский трон.

Для последующей истории самураев важны не столько успехи, сколько неудачи Великих Реформ. Главной из них был провал реформы землевладения: в соответствии с ней вся земля должна была стать собственностью государства, которое затем перераспределяло бы ее из расчета по два тана (около 0,2 гектара) на каждого мужчину старше пяти лет и двух третей тана на каждую женщину. Новые владельцы должны были платить налоги и нести разные повинности, включая определенный срок обязательной военной службы.

Эта система таила определенную опасность, которая еще более возрастала, когда землевладельцы добивались от правительства концессий в виде должностных наделов: земли, выделенной в соответствии с занимаемой должностью; дарованной земли, что говорит само за себя; заслуженных наделов, которые давались в награду за особые заслуги. Должностные наделы и земли, данные за особые заслуги, облагались только рисовой податью, но дарованные земли оказались каким-то образом полностью освобожденными от налогов, поскольку считались непосредственным подарком императора. Для получения дарованных земель требовался лишь императорский указ, и стоявшие за тронем силы

увидели в этих не облагаемых налогом землях средство вернуть себе прежнее могущество. Дарованные земли имели еще и то преимущество, что они становились неотчуждаемой семейной собственностью. Постепенно, когда благодаря хитрым манипуляциям бюрократической системы многие должности стали наследственными, то же свойство приобрели и должностные наделы.

Одной из категорий земельных владений, не подлежавших перераспределению, были владения монастырей и храмов. Еще до освящения Тодайдзи буддийское духовенство почувствовало, в какую сторону дует экономический ветер, и постаралось, чтобы его благочестивые деяния избавили его не только от эпидемии оспы, но и от налогов. С такими концессиями и при том покровительстве со стороны бюрократии, о котором мы уже говорили, богатство и могущество храмов выросло неимоверно, в то время как правительство отчаянно искало новые земли для раздачи. В качестве примера можно рассмотреть опись имущества Тодайдзи. В 747 г., за два года до освящения статуи Великого Будды, Тодайдзи, благословенный с самого дня своего основания, имел в своем владении 1 000 домов в центральных провинциях. В 758 г. император Сёму даровал этому монастырю 5000 домов, разбросанных по тридцати восьми провинциям Японии. В этих условиях храмы и монастыри превращались в экономические центры, привлекавшие народ. Императорский двор уделял простолюдинам мало внимания, а духовенство брало их под свое крыло, учило людей строить мосты и плотины, обучало разным ремеслам. Эта благотворительность основывалась на богатом опыте, ибо среди священнослужителей были самые образованные люди Японии. Многие из них учились в Китае, и сочетание китайской экономической науки с огромным богатством делало спекуляцию земельными участками интересным занятием. Указ 746 г. запретил храмам торговать землей, однако на обработку целинных земель запрета не было, и

двор даже рассматривал это как дело общественно выгодное.

К концу восьмого века великие монастыри Нара стали влиять не только на экономическую, но и на политическую жизнь. Соседний монастырь Кофукудзи, основанный в 669 г., вырос столь же быстро.

Неприязнь между храмом и двором, выразившаяся в сплетнях, затрагивавших главу буддийской общины и императрицу, привела к решению перенести столицу. В 784 г. двор переехал из Нара в Нагаока, в нескольких милях к северу, но это новое место оказалось неудобным, и в 794 г. столица была перенесена в Киото. Там она и оставалась до 1868 г., когда столицей стал современный Токио.

Образцом для новой столицы вновь стала Чанъань. Этот новый шедевр градостроительного искусства, окруженный вишневыми деревьями и плакучими ивами, являл взору такую красоту и изящество, что его называли Хэйан-Кё, «Столица Мира и Покоя». Но если придворные и надеялись обрести мир и покой на улицах Киото, им вскоре пришлось разочароваться, и одной из причин этого стало вмешательство буддийской общины.

В 767 г. родился монах по имени Сайтё, известный ныне под своим посмертным именем Дэнгё Дайси. Почувствовав отвращение к чересчур мирским устремлениям своих собратьев в Нара, Сайтё удалился в горы в поисках духовного мира. Его скитания привели его наконец на холмы к западу от озера Бива, и здесь в 788 г. у вершины горы Хиэй он основал монастырь Энрякудзи. Это произошло за шесть лет до основания Киото, так что, когда рядом стали строить столицу, монастырь Сайтё уже стоял в пяти милях к северо-востоку от нее, среди густо поросших лесом холмов. Для суеверных придворных такое положение Энрякудзи имело большое значение, поскольку, согласно правилам китайской геомантии, зло могло напасть на город прежде всего с северо-востока – со стороны, считавшейся «воротами демонов». Поскольку основанию новой столицы должны были сопутствовать сколь можно более благоприятные

условия, наличие Энрякудзи было сочтено очень хорошим предзнаменованием, и недавно основанный монастырь стали считать божественным хранителем Киото. Еще одним свидетельством благосклонности богов стало наличие на горе Хиэй святилища важного синтоистского божества, Царя гор. На Энрякудзи посыпались благодеяния, которых не знал даже монастырь Тодайдзи. По мере того как он рос, его строения заняли всю гору Хиэй, и настоятель Энрякудзи основал дочерний храм Миидэра (или Ондзэджи) у подножия горы рядом с озером Бива. Через несколько лет монастыри Киото уже могли соперничать богатством и влиянием с древними монастырями в Нара. В Южной Столице, как назывался теперь Нара, жители негодовали, видя, что у них отбирают привилегии и лишают покровительства.

Как мы уже видели, знать и монастыри довольно легко избегали уплаты налогов. Более мелким землевладельцам или тем, кто не был связан с могущественными аристократическими семьями, уклониться было гораздо труднее. Решение напрашивалось само собой: они номинально передавали свои владения землевладельцу, который платил небольшой налог или совсем его не платил – например, монастырю. Новый владелец регистрировал эти земли под своим именем, таким образом выводя их из списка подлежащих налогообложению, а затем возвращал прежнему владельцу. Все, что такой «защитник» требовал от «дарителя», сводилось к ежегодной подати, гораздо ниже установленной нормы налога, и к молчаливому соглашению не разглашать условия сделки. По мере того как развивалась эта система, известная как кисин, формы дарственных передач становились все сложнее. Землевладелец мог счесть выгодным действительно передать свою землю храму и стать содзи, маноральным управляющим этой землей. Поскольку крестьяне, работавшие на этих свободных землях, были избавлены от тирании официальных сборщиков налогов, люди стекались в феодальные поместья и в храмовые владения. Магнат, который принимал «в дар» земли, получал

ощутимую выгоду: для увеличения дохода с угодий ему не надо было возделывать целинные земли. Такую сделку, выгодную обеим сторонам, было непросто выявить – коррупция проникла в среду высшей бюрократии, покрывавшей систему кисин. Выходили указы, запрещавшие подобную практику, но слишком многие успели нагреть на этом руки, и все продолжалось по-прежнему. Семейство Фудзивара особенно преуспело в извлечении выгоды из кисин. Следует вспомнить, что именно основатель этого прославленного дома начал воплощать в жизнь программу реформ принца Сётоку. С тех пор как Каматару пришел к власти, Фудзивара процветали. Они заняли ключевые места в императорском совете и начали просачиваться в императорскую фамилию. Они избрали весьма простой путь, выращивая и воспитывая прекрасных дочерей, которые выходили замуж за наследных принцев. В этом они так преуспели, что между 724 и 1900 гг. не менее пятидесяти пяти из семидесяти шести наследовавших друг другу императоров были рождены женщинами из клана Фудзивара.

В течение восьмого и девятого веков императорский двор превратился в клуб Фудзивара, а сами императоры, потомки воинов, перестали походить на простых смертных и уподобились божествам. Император даже не упоминался по имени, которое заменялось эвфемистическими титулами; наиболее известный из них – микадо, буквально – «почтенные врата». Появилась практика отречения императора: он еще молодым передавал свои полномочия родственнику-ребенку, которым легче было манипулировать и чья власть была чисто номинальной. Рождение большого количества принцев неизбежно вызывало сложности. В каждом поколении были недовольные, которых обошли при выборе наследника престола, не говоря уже о родственниках императора, не принадлежавших к клану Фудзивара, у которых шансов на повышение в должности было еще меньше. Эти аристократы тактично покидали столицу, чтобы поискать удачи в других местах. В то время такая практика казалась удобной. Лишние

члены правящего дома селились далеко от Киото, многие из них вступали в браки с представителями древних кланов. Двор, сам того не ведая, сеял зубы дракона, из которых вскоре должны были вырасти воины.

Глава II

Будда и Буси

В предыдущей главе мы рассмотрели крах земельной реформы, первую неудачу в программе Великих Реформ. Вслед за ее провалом система всеобщей воинской повинности, служба в армии за данную правительством землю, была подорвана практикой кисин. Создать регулярную национальную армию так и не удалось. В Киото, где знатные семьи соперничали друг с другом за синекуру, каковой было несение караула в покоях императора, не было недостатка в желающих «поступить на военную службу», однако в восточных и северных провинциях, где обитали аборигены эмиси, проблема безопасности стояла очень остро. Эмиси были искусными лучниками и свирепыми воинами. Помимо войн с эмиси, надо было еще время от времени подавлять восстания и бороться с бандитами и разбойниками. Поскольку система всеобщей воинской повинности не срабатывала, обеспечение безопасности в этих отдаленных провинциях стало заботой местных землевладельцев. Придворные аристократы в столице наслаждались праздной жизнью, описание которой дошло до нас в таких романах, как «Повесть о принце Гэндзи», и меньше всего желали принимать на себя обязанности сёгуна, отправляться на край света и воевать с врагами трона. Они были настолько увлечены столичной жизнью, что даже гарнизоны в провинциях были сокращены, а солдаты переведены в столицу и зачислены в городскую стражу.

Людьми, которым выпала задача поддерживать закон и порядок, были землевладельцы, разбогатевшие, вероятнее всего, благодаря практике кисин. Были среди них и обедневшие аристократы, в поисках удачи покинувшие двор и бежавшие от засилья Фудзивара. Под началом этих землевладельцев находились многочисленные мелкие держатели земель и крестьяне, которых система кисин сделала зависимыми. Не требовалось много времени, чтобы

эта экономическая зависимость переросла в вассальные отношения. Связи, возникшие благодаря кисин, укреплялись, когда заинтересованные стороны вступали в родственные отношения. Вассалы были лично преданы господину и готовы были следовать за ним в минуту опасности.

Сторонники могущественных землевладельцев называли себя самураями. Приблизительный смысл слова «самурай» – «тот, кто служит» (от глагола самурау или сабурау – служить). В первоначальном значении этот термин не ассоциировался с военной службой, однако со временем его значение изменилось. Другое слово, буси, известно нам в словосочетании буси-до, «путь воина». Буси, однако, не подразумевало отношений между слугой и господином, его можно считать общим термином для обозначения воина, солдата.

Было бы неверным рассматривать возникновение самурайства как демократическое движение храбрых крестьян, объединившихся под эгидой избранного ими вождя для защиты собственных интересов. За редким исключением, все могущественные землевладельцы, вокруг которых формировались военные дружины, были знатного происхождения, порой даже отпрысками императорской фамилии. Любопытно, что в провинции, хотя при выборе военачальников предпочтение отдавалось людям действительно обладавшим военными талантами, аристократическая родословная была немаловажным подспорьем при вербовке сторонников. По мере того как росла их поддержка, возрастало и чувство причастности, основанное на новом понимании клана. Кланов дореформенной эпохи, ради уничтожения которых, собственно, и проводились реформы, возродились как самурайские кланы. Благодаря системе кисин клан стал гораздо более крупной социальной единицей, чем прежде: вокруг семейного ядра сплачивались многочисленные люди и целые семьи, не связанные с ним родственными узами. Главенство принадлежало одной семье, а все остальные

самураи были ей не родственниками, а наследственными вассалами.

Как мы уже видели, восток и север Японии были центрами военной активности: именно там, а точнее – на равнине Канто, стало формироваться сословие самураев. В Канто сложились идеальные условия для этого. Эта провинция находилась в 300 милях от Киото и была избавлена от тлетворного влияния столицы. Там были сотни квадратных миль нетронутой плодородной земли, а периодические нападения эмиси подогревали воинский дух населения. Боевые качества канто-буси были признаны еще в эпоху Хэйан – в этой провинции набирали солдат даже для защиты Кюсю.

Для двора в Киото такое положение вещей казалось естественным, однако аристократия, по-видимому, должна была окончательно погрязнуть в придворных интригах, чтобы не заметить опасности, которая таилась в усилении самурайских кланов. В результате правительство полностью передало все военные и полицейские функции горстке удаленных от двора аристократов, связанных родственными узами с провинциальными кланами и верных их местным интересам. В прошлой главе мы сравнили высылку на восток знати, не принадлежавшей к клану Фудзивара, с посевом зубов дракона. Теперь эти семена дали всходы и, подобно урожаю Ясона, порождали вооруженных людей.

Среди кланов Востока на первом месте стоят два имени. Это кланы Тайра и Минамото. Клан Тайра обязан своим возникновением политике удаления от двора лишней знати, имя Тайра впервые было принято неким Таками, внуком императора Камму, основателя Киото, который правил в 781–806 гг. Понимая, что ему не дадут продвинуться при дворе, молодой человек отправился на Восток и поселился на равнине Канто. Его сын дослужился до ранга наместника провинции, шесть его внуков также достигли высоких чинов. Имя Тайра стало популярным, с ними охотно роднились, заключали сделки кисин, у них было много сторонников.

Со временем Минамото сделались соперниками Тайра. Они тоже происходили от императорской фамилии и вынуждены были переселиться на Восток, поскольку рождение слишком большого числа принцев обременяло бюджет двора. Первым Минамото был Цунэмото, сын одного из этих принцев и внук императора Сэйва. От этого рода со временем отделилось еще несколько ветвей, такие, как Мураками-Гэндзи и Уда-Гэндзи. «Гэндзи» – китайское произношение знака, который по-японски читается как «Минамото». Равным образом Тайра часто именовались «Хэйкэ» или «Хэйдзи». И Тайра, и Минамото прославились своими военными заслугами перед правительством. Прежде чем приводить примеры их подвигов, взглянем сперва на самих самураев.

К счастью, художники старой Японии оставили нам многочисленные изображения первых самураев. Эти произведения, чаще всего длинные свитки, на которых разворачивается повествование, а также сохранившиеся образцы оружия и доспехов дают наглядную картину военной жизни того времени. Примерно тогда же японский доспех приобрел ту специфическую форму, которая делает его столь легко узнаваемым.

Ранние доспехи, известные нам только по раскопкам гробниц IV – V вв. н.э., были пластинчатыми. В V в. на смену им пришел другой тип вооружения, заимствованный с азиатского континента. Азиатский «ламеллярный» доспех, собранный не из пластин, а из многочисленных скрепленных вместе чешуек, восходит к защитному вооружению Древнего Египта и Ассирии. Заимствовав сам принцип, японцы разработали свой уникальный стиль. В VI и VII вв. пластинчатый доспех представлял собой большой неуклюжий кафтан. Со временем он превратился в те доспехи, которые носили самураи. То были первые настоящие самурайские доспехи, известные как ёрои.

Принцип конструкции ёрои очень прост. Несколько кусков металла или кожи плотно соединяются вместе, образуя

гибкую эластичную полосу. Полоса, состоящая из кодзанэ, как назывались эти чешуйки, достигала в ширину около 30 см. Длина же ее определялась тем, для какой части доспехов она предназначалась. Полоса покрывалась кожей и тщательно лакировалась для защиты от коррозии. Несколько таких полос связывалось вместе толстым шелковым или кожаным шнуром. Эти шнуры, так называемые одоси, т.е. шнуровка доспехов, были разноцветными и создавали покрывавший доспехи узор.

Весь собранный таким образом доспех имел вид коробки. Три стороны коробки – передняя, левая и задняя – были соединены вместе. Сперва надевалась правая часть – вайдатэ, которая плотно привязывалась под мышкой и через левое плечо. Большие тяжелые наплечники, содэ, крепились к наплечным ремням при помощи шнурков или ремешков, а чтобы они не болтались и не задирались, оставляя руки открытыми, они сзади крепились к агэмаки – детали в виде креста, сплетенной из толстых шнуров. Агэмаки, обычно красного цвета, подвешивали к кольцу в верхней части наспинника.

Прочие части доспеха можно рассмотреть на примере кон ито одоси ёрои, или «панциря с синей шнуровкой», который хранится в святилище Оямадзуми на острове Омисима во Внутреннем море. Эти доспехи, одни из старейших из дошедших до наших дней, были тщательно восстановлены во всем своем великолепии. То, что кажется нагрудником, на самом деле цурубасири – пластина, облегчающая скольжение тетивы лука при выстреле. Как и все гладкие поверхности доспехов, она покрыта слоем крашеной кожи, которая обычно украшалась изысканным орнаментом. Перед цурубасири укреплены две подвески для защиты шнуров, поддерживающих доспехи, которые закреплялись на продолговатых пуговицах. Над правой стороной груди находится сэндан но ита – подобие миниатюрного наплечника. Слева – кюби но ита, неподвижно закрепленная железная пластина, покрытая кожей.

В то время самураи носили бронированный рукав, котэ, только на левой руке, чтобы правая оставалась свободной для натягивания тетивы лука. Бронированный рукав выглядел как обычный матерчатый мешок, с внешней стороны усиленный железными пластинами, который привязывался под мышкой. Под броню самураи надевали ёрои хитатарэ – украшенный вышивкой и помпонами халат. Большие мешковатые штаны заправлялись в поножи, а широкие рукава затягивались шнурками у запястий. Для удобства левый рукав не заправлялся в котэ, а выпускался наружу и затыкался за пояс. Поножи представляли собой просто три согнутых железных пластины, которые привязывались к ноге. Ботинки из медвежьей шкуры и кожаные перчатки для стрельбы из лука завершали вооружение самурая ниже шеи.

На свитках изображены типичные тяжелые шлемы, которые носили с ёрои. Сам шлем состоял из нескольких железных пластин, скрепленных большими коническими заклепками, головки которых выступали над поверхностью шлема. На макушке было большое отверстие, именуемое тэхэн. Для нас, возможно, шлем с отверстием представляется чем-то непривычным, однако оно, вероятнее всего, использовалось, чтобы пропускать через него пук волос: волосы служили подкладкой. Впоследствии, когда появились шлемы с подкладкой, от отверстия отказались. Большой изогнутый назатыльник (сикоро) собирался из кодзанэ, как и другие части доспехов. Обратите внимание, что края сикоро выгибаются вверх и наружу для защиты лица. Эти выступы – фукигаёси – покрывались тисненой кожей, как и козырек шлема. Наконец, шлем был украшен небольшой агэмаки, прикрепленной к его тыльной стороне.

Шлемы некоторых воинов, изображенных в этой книге, имели забрало в виде железных пластин, прикрепленных к лобной части и закрывающих щеки. Эта деталь лучше всего представлена на изображении свирепого буси в «Хэйкэ моногатари», который несет отрубленную голову.

Судя по сохранившимся изображениям, описанное здесь

одевание самурая не было униформой. Некоторые различия в одежде, по-видимому, были связаны с рангом воина. Принципиальное различие существовало между конным воином и пехотинцем. Последний носил не коробчатый ёрои, а более простые доспехи, облегающие тело, так называемые домару.

Что касается наступательного оружия, следует заметить, что почти все воины имели меч, кинжал, лук и тяжелое копье или алебарду причудливой формы – нагината. В то время японский меч еще не был окружен той таинственностью, которая возникла вокруг него впоследствии. Тем не менее к XI в. меч уже стал великолепным оружием, его конструкция и способ употребления уже достигли своего конечного смертоносного совершенства. Но все же это было просто оружие, такое же, как и все прочие, и легендам о самурайском мече, как и о самих самураях, еще предстояло сложиться. Мечи ранних воинов больше всего напоминали тип, известный как тати, который носился на поясе лезвием вниз. Это был, судя по изображениям на свитках, единственный общепринятый способ ношения меча, поскольку только так его и можно было носить с громоздкими доспехами ёрои. К ножнам был прикреплен деревянный или плетеный диск, на который наматывалась запасная тетива для лука. Лук в то время был самым важным оружием, знаком принадлежности к самурайскому сословию. Луки были сложносоставные, как и большинство типов азиатских луков. Их собирали из бамбуковых планок, отдельные детали делались из других сортов дерева, сверху их обматывали волокном ротановой пальмы. Одной из любопытных особенностей японского лука является то, что при стрельбе его держали не посередине, а в месте, находящемся примерно в трети длины от нижнего конца. Так из него было удобнее стрелять с седла. Самурай были в основном конными лучниками, они часами упражнялись, пуская длинные бамбуковые стрелы со скачущей лошади. Наконечники стрел разной формы служили разным целям. Открытые V-образные, похожие на ножницы

наконечники, возможно, предназначались для разрезания скрепляющих доспехи шнуров, хотя первоначально они, вероятнее всего, использовались для охоты. Был любопытный наконечник в виде большой деревянной репы со сквозными отверстиями, который свистел при полете стрелы. Такие наконечники использовались для подачи сигналов и для устрашения врага. Стрелы носили в колчане, который подвешивался справа и откуда стрелы вытаскивали вниз, а не через плечо, как на Западе.

Описанные здесь доспехи и оружие явно свидетельствуют о том, что мирная бюрократия, стоявшая у власти со времени Великих Реформ, стала уступать давлению со стороны новых военных кланов. Войны с эмиси по поручению правительства давали самураям в приграничных районах хорошую практику, но настоящая военная наука постигалась в бою против себе подобных. Влияние отдельных восстаний и мятежей на общий ход японской истории было незначительным, однако они способствовали формированию самурайских традиций. В последующие годы самураи вдохновлялись призывом подражать деяниям предков. При вызове на поединок в обычае стало провозглашать свою родословную и историю своего дома. Основателями этих домов стали самураи, сражавшиеся под началом таких вождей, как Минамото Ёсиэ, в кампаниях, известных как «Первая девятилетняя война» и «Вторая трехлетняя война». Именно их деяния перечислялись два или три века спустя.

Ёсиэ олицетворял начало военной традиции в клане Минамото, и его потомки с гордостью выкрикивали его имя среди грохота битвы. Впервые он прославился во время Первой девятилетней войны (1051–1063), в которой сражался его отец.

Самый север Хонсю, где находятся провинции-близнецы Дэва и Муцу, был последним аванпостом власти Киото. Помимо официального наместника, сюда назначался также чиновник, ответственный за благополучие (!) эмиси. По старой традиции эту должность

занимали представители семейства Абэ, она стала наследственной, и к 1050 г. занимавший ее Абэ Ёритоки стал настолько злоупотреблять своим положением, что правительство сочло необходимым его сместить. На должность наместника и главнокомандующего был тогда назначен Минамото Ёриёси. Ёриёси и раньше участвовал в кампаниях против разных мятежников под началом своего отца, но именно присутствие в войске его старшего сына Ёсииэ, которому тогда было пятнадцать лет, прославило грозное имя Минамото на всю страну.

В 1057 г., после нескольких беспорядочных стычек, мятежный Абэ Ёритоки был убит шальной стрелой, однако его сын Садато продолжал борьбу. В конце 1057 г. Садато укрепился с 4 000 воинов под Кавасаки, где его атаковали Минамото, отец и сын, у которых было всего 1 800 воинов. Атака не удалась, и когда Минамото отступили, чтобы перегруппироваться, началась страшная снежная буря. Под прикрытием бурана Абэ Садато предпринял контратаку на Минамото. Те отступили с боями, и из всего их арьергарда в живых остались только Ёриёси, Ёсииэ и еще пять командиров. За проявленную им при отступлении храбрость Ёсииэ получил прозвище «Хатиман-таро» – «Первенец Хатимана, бога войны».

В 1062 г. Минамото, получив подкрепления от дружественного клана Киёвара, вернулись с 10 000 воинов. Абэ Садато отчаянно сопротивлялся, укрепив свои позиции у Куриягава частоколом. Это была страшная битва. Тринадцатилетние мальчики сражались вместе со стариками, и даже женщины вступили в сражение, которое продолжалось без перерыва два дня и две ночи. Наконец сказался численный перевес на стороне Минамото, и Садато сдался. Через несколько месяцев Ёсииэ вернулся в Киото с головой Садато. На протяжении всей истории самураев подобный трофей считался лучшим доказательством успешного выполнения задачи. Согласно легенде, сражаясь перед частоколом у Куриягава, Ёсииэ в трудную минуту обратился с молитвой к

своему патрону Хатиману и обещал ему, что в случае победы он воздвигнет в честь него храм. Поэтому в 1063 г., когда Ёсиэ ехал в Киото с кровавыми трофеями войны, он остановился в Цуругаока, ныне части города Камакура рядом с Токио, и основал там храм Хатимана Цуругаока, храм чести и славы Минамото.

Старший Минамото – Ёриёси – умер в 1082 г., а год спустя Ёсиэ предпринял кампанию, получившую название Второй трехлетней войны. Киёвара, который был союзником Минамото во время Первой девятилетней войны, получил в награду высокий пост на северном Хонсю. Как и Абэ до него, он стал злоупотреблять своей властью, а его сын и внук извлекали выгоду из его злоупотреблений. Против них и выступил Ёсиэ.

Боевые действия во Второй трехлетней войне свелись в основном к затяжной осаде окруженной частоколом крепости Канэдзава, что позволило Ёсиэ применить на практике всю военную науку, которую преподавал ему отец. На подступах к крепости Канэдзава Ёсиэ заметил стаю диких гусей, беспорядочно кружившихся над дальним лесом. Он сразу же понял, что там устроена засада. Самое примечательное в этом эпизоде то, что сведения о возможной связи между кружащимися птицами и засадой Ёсиэ почерпнул из древнего китайского трактата о военном искусстве. Вот свидетельство того, что представители нового военного сословия настолько серьезно относились к своей профессии, что изучали литературные произведения, которые за несколько поколений до них сочли бы крайне примитивными и грубыми.

Осада продолжалась; в братстве воинской жизни и в пламени войны закалялись самурайские доблесть, храбрость и верность. Осажденные отбивали приступ за приступом, и Ёсиэ снова и снова вдохновлял своих людей на подвиги. В своем лагере он отвел отдельные места для храбрецов и для трусов, и в конце каждого дня кампании каждому самураю указывалось место, которое он заслужил. Со временем

проявился и тот самурайский фатализм, который вскоре стали считать одной из особых черт этих воинов. Один шестнадцатилетний самурай по имени Камакура Гонгоро Кагэмаса во время штурма был ранен стрелой в глаз. Он спокойно вырвал древко и застрелил врага, выпустившего стрелу. Когда наступило затишье, его товарищ-самурай попытался извлечь застрявший наконечник, но он так крепко засел, что тот смог выдернуть его, только наступив ногой на лицо Гонгоро. Гонгоро протестовал, говоря, что топтать ногами лицо самурая – оскорбление и что его товарищ заплатит жизнью за это.

Любопытным продолжением этой истории является то, что сто лет спустя один из потомков Гонгоро вспомнил и упомянул этот самый эпизод. Когда Кадзивара Кагэтоки, не менее славный самурай, вступил в бой в сражении при Ити-но-тани в 1184 г., он, согласно «Хэйкэ моногатари», так объявил о себе врагу: «Я Кадзивара Кагэмаса Кагэтоки, в пятом поколении потомок Гонгоро Кагэмаса из Камакура, прославленный воин из восточной страны, и я один равен тысяче! В возрасте шестнадцати лет при осаде Сэмбуку Канэдзава в Дэва он был в авангарде Хатиман-таро Ёсииэ, и стрела пробила его шлем и вонзилась в левый глаз. Он не дрогнув вырвал эту стрелу, поразил насмерть ранившего его стрелка и прославился воинской доблестью в грядущих веках». Любопытно, что в этом пересказе враг убит уже той же самой стрелой, которая ранила Гонгоро.

Осада Канэдзава затянулась, и даже самураи Минамото стали просить Ёсииэ отступить. Он отказался и приказал им сжечь деревянные хижины, где они укрывались от холода, поскольку утром Канэдзава будет принадлежать им. В последней отчаянной атаке Минамото действительно одержали победу, и коллекция Ёсииэ пополнилась множеством голов.

К несчастью для Ёсииэ, императорское правительство еще до начала кампании отказало ему в просьбе официально наделить его полномочиями сёгуна. Поскольку он предпринял

эту кампанию по собственной инициативе и на собственные средства, награды ему не полагалось. В гневе Ёсииз швырнул головы в канаву и сам роздал награды своим самураям. Это было необходимо, ибо в те времена верность до самой смерти была крепко связана с материальной заинтересованностью.

Двор таким образом продемонстрировал твердый контроль над распределением военных полномочий. Если бы Ёсииз рассматривался как военачальник, подавляющий мятеж, он обязательно должен был бы действовать по поручению правительства. Вторая трехлетняя война носила характер частной стычки между Минамото и Киёвара, и вручение награды победителю в такой частной войне могло бы стать очень опасным прецедентом.

В подавлении многих других мятежей участвовали Тайра, еще один самурайский род. К услугам Тайра прибегали в основном на юге и на западе Японии, в то время как Минамото сосредоточили свои усилия на севере и на востоке. Тайра прославились главным образом как усмирители пиратов вдоль побережья Внутреннего моря и на берегах Кюсю. Таким образом они обезопасили морские пути для торговли с Китаем. Как клан Минамото был связан с храмом Хатимана в Цуругаока, так и Тайра патронировали святилище Ицукусима на Миядзима, прелестном острове во Внутреннем море, в 12 милях от Хиросимы. Тайра сделали Ицукусима своим родовым святилищем, заботились о нем и осыпали дарами.

К началу XII в., таким образом, в Японии выделилось три сильных клана: Фудзивара, державшие бразды правления и контролировавшие генофонд императорской фамилии, покорители мятежников Минамото и усмирители пиратов Тайра. Была, кроме того, еще одна растущая военная сила, которую мы сейчас рассмотрим.

С того времени как столицу перенесли из Нара в Киото, возникла вражда между старыми храмами Нара и недавно основанными на горе Хиэй монастырями Энрякудзи и Миидэра. В августе 963 г. по приказу императора во дворце

состоялся религиозный диспут, на котором обсуждались некоторые принципы веры и куда из монастырей Нара и с горы Хиэй были приглашены двадцать монахов. Диспут оказался бесплодным и послужил поводом к дальнейшим раздорам. Не было мира и внутри самих монастырей. В 968 г. монахи Тодайдзи даже подрались со своими соседями из Кофукудзи из-за спорного участка земли. В 981 г. неудачный выбор настоятеля Энрякудзи привел к тому, что монахи этого монастыря разделились на две партии и даже пытались убить одного из претендентов на этот пост.

В изменчивой политической ситуации растущие богатства храмов становились заманчивой приманкой для самурайских вождей, готовых на время забыть о религии. Существовала также угроза со стороны правительственных сборщиков налогов, которые гораздо смелее действовали на подлежащих налогообложению монастырских землях, чем в «дарованных» владениях самураев. Вследствие этого монастыри горы Хиэй сочли необходимым содержать собственную армию, чтобы защищать свои права и привилегии и противостоять любым посягательствам со стороны. Монастырь Кофукудзи вынужден был последовать за ними, когда монахи Энрякудзи напали на святилище Гион в Киото, которое подчинялось Кофукудзи. Вскоре вокруг большинства великих монастырей в Киото и Нара собрались тысячи вооруженных людей, и в течение двух последующих столетий их выступления тревожили суеверных придворных и устрашали рядовых жителей Киото.

Сохэй (монахи-воины), как они себя называли, представляли собой значительную силу. В искусстве войны они не уступали формирующемуся сословию самураев. Чтобы увеличить численность своих армий, монастыри намеренно убеждали людей принять монашество ради того лишь, чтобы обучить их военному делу. Этими рекрутами оказывались чаще всего беглые крестьяне или мелкие преступники, они же в основном и сражались за монастыри. Служение богам по традиции было делом благородных, однако многие

священнослужители высокого ранга – гакусё (ученые монахи) с готовностью вступали в бой, если возникала такая необходимость. В Киото главным источником причиняемых монахами беспокойств была гора Хиэй, поэтому там они получили имя ямабуси (воины горы). Выбор названия был не совсем удачным, поскольку существовала (и по сей день существует) секта бродячих монахов ямабуси, что значит «спящие в горах» (на письме знаки различаются), и это привело к большой путанице.

Два иллюстрированных свитка изображают монахов-воинов во всех деталях. Первый из них – «Тэнгу дзоси». Здесь монахи изображены в своих широких тяжелых рясах с закрывающими лицо капюшонами. Их верхняя одежда была окрашена в черный или желтый цвета, иногда она подкрашивалась маслом клевера, что придавало ей светло-коричневый оттенок, иногда ее оставляли просто белой. На ногах монахи носили сандалии или гэта (деревянные башмаки). Другие свитки изображают более воинственно настроенных монахов. Многие из них натянули рясы поверх доспехов, которые, судя по форме кусадзури (набедренников), представляют собой не ёрои, а простые домару пехотинцев. Некоторые облачены в ёрои и хатимаки – нечто вроде тюрбанов вместо обычных капюшонов. Свиток «Касуга гонгэн рэйкэнки» изображает сохэй Кофукудзи, защищающих свой храм. Многие из защитников, которые, как мы можем предположить, все являются монахами, предпочли своим монашеским одеяниям более практичные доспехи. Необычную фигуру в этой группе представляет стоящий за деревом воин в повязке на лице с прорезью для глаз – несомненно, для того, чтобы сохранить инкогнито. Традиционным оружием монахов были нанигата, о которых мы уже говорили. Вариант, который использовали в то время, назывался собудзукири нанигата: его клинок достигал в длину более метра. В бою его использовали как рубящее оружие, и он наносил страшные раны.

Другим оружием монахов был страх перед богами,

представителями которых они себя считали. У каждого монаха были четки, и он всегда готов был «велеть своим бусинам» обрушить проклятие на голову того, кто его обидит. Это особенно действовало на придворных, жизнь которых была подчинена строгим требованиям религии и которые верили в предсказания. Гора Хиэй была их священным стражем, несмотря на то, что этот дом божий давно уже превратился в логово разбойников. Вероятно, из каждых пяти монахов-воинов четверо даже не проходили обряда посвящения по всей форме, ограничившись символическим бритьем головы.

Часто монахи вдохновляли себя в бою присутствием большого переносного микоси (ковчега), в котором, как считалось, обитало божество. Его несли на длинных шестах до двадцати монахов. Враждебные действия против микоси расценивались как нападение на самого бога. Во время мятежа, который последовал за убийством монаха с горы Хиэй одним из придворных, великий микоси горы Хиэй, в котором обрелся дух Царя гор, внесли впереди армии монахов на улицы Киото. Монахи стояли вокруг него и в качестве проклятия читали нараспев шестьсот свитков буддийской сутры «Дай ханья кё». Иногда микоси оставляли на улице, а сами монахи возвращались на гору. Там он и стоял на страх горожанам, пока требования монахов не удовлетворяли.

Однако в полной мере всю свою ярость монахи приберегали для собственных диспутов. То были не религиозные войны, как мы их себе представляем: спор между монастырями обычно возникал из-за земли или престижа. Вопрос зачастую решался путем сожжения враждебного монастыря. Заключались союзы между монастырями – впрочем, они легко и распадались. В 989 и 1006 гг. Энрякудзи воевал против Кофукудзи. В 1081 г. Энрякудзи объединился с Миидэра против Кофукудзи, и во время этого столкновения монахи Кофукудзи сожгли Миидэра и унесли много добычи. Позже, в том же году,

монахи Энрякудзи поссорились с Миидэра и снова сожгли его. В 1113 г. монахи Энрякудзи сожгли храм Киёмидзу из-за разногласий, связанных с выбором настоятеля. В 1140 г. Энрякудзи вновь объявил войну Миидэра, а в 1142 г. монахи Миидэра напали на Энрякудзи. Этот длинный список пополнялся до тех пор, пока вылазки воинствующих монахов не растворились в великой войне, охватившей всю страну.

Все началось с незначительного инцидента. В январе 1081 г. люди Оми, которые подчинялись Энрякудзи, напали на жителей Оцу, которые были подданными Миидэра. Хотя люди Оцу и принесли жалобу в Энрякудзи, ничего предпринято не было. Тогда они обратились в Миидэра, где им посоветовали никогда больше не выполнять работ для Энрякудзи. Это привело в ярость монахов Энрякудзи, которые в июне выслали войско против Миидэра. В Миидэра их уже ждали. Первое нападение было отбито, но они с удвоенной силой снова пошли на штурм. Настоятель Энрякудзи лично руководил военными действиями и так подстегивал пыл своих сторонников, что, когда пламя угасло, уничтоженными оказались 294 зала, 15 хранилищ сутр, 6 звонниц, 4 трапезных, 624 монашеских обители и более 1 500 жилых домов – по сути дела, весь монастырский комплекс за исключением нескольких зданий. Вслед за этим монахи Миидэра в свою очередь двинулись на Энрякудзи с большой армией. Правительство, сильно обеспокоенное, послало солдат, чтобы усмирить их, однако в сентябре военные действия возобновились, а в столице пошли слухи, что два монастыря готовы объединиться и напасть на Киото. Императорский двор в полном ужасе обратился к единственной силе, способной противостоять такому вторжению, и для защиты столицы назначил сёгуном Минамото Ёсиизэ. Этот решительный человек, покрытый славой Первой девятилетней войны, которому два года спустя предстояло выступить на Вторую трехлетнюю войну, с готовностью принял назначение. Самураи укрепили столицу, но ожидавшееся нападение так и не состоялось, и Ёсиизэ

вернулся к своим обычным обязанностям.

Десять лет спустя, в 1092 г., двор вновь счел полезным использовать Минамото против монахов. По поручению правительства Минамото Ёситика, второй сын Ёсиизэ, конфисковал поместье в провинции Мино, недавно основанное Энрякудзи. Он вполне справедливо считал, что он всего лишь поступает в соответствии с законом, запрещавшим храмам торговать землей. Монахи тем не менее настаивали на своем и послали большое войско в Киото. Столкнувшись с силами Минамото, они нехотя отступили.

Несмотря на все бунтарство монахов, императорская фамилия продолжала одаривать монастыри землями, золотом и серебром. Возможно, двор надеялся завоевать их расположение подобной демонстрацией религиозного рвения, но это на них не действовало. Всякий раз, когда двор пытался вмешаться в дела духовенства, поднимался страшный шум, и ярость монахов выплескивалась на улицы города. И двор, и клан Фудзивара, хотя и обладали достаточной силой, чтобы разоружить монастыри, были слишком ревностными буддистами и не решались поступить с монахами так, как те заслуживали. Несмотря на присутствие в столице самураев, монахи все больше и больше наглели.

В 1146 г. молодой самурай по имени Тайра Киёмори в первый раз вступил в конфликт с монахами. Киёмори был талантливым молодым человеком неясного происхождения. Официально его отцом считался Тайра Тадамори, великий усмиритель пиратов, которому в награду за его заслуги была дарована любимая наложница императора. Девять месяцев спустя она родила сына, того самого Киёмори, так что молодой Киёмори мог в какой-то мере претендовать на принадлежность к императорскому роду. В день праздника Гион в 1146 г. один из приближенных Киёмори затеял ссору с монахом из святилища Гион. Поклявшись отомстить за нанесенное его роду оскорбление, Киёмори с отрядом самураев напал на монахов-воинов Гион, которые в тот момент несли микоси. Киёмори с полным пренебрежением к

религиозным предрассудкам пустил в микоси стрелу. Стрела ударила в висевший перед ковчегом гонг, повсюду разнеся весть о неслыханном святотатстве. Разгневанные нападением на микоси, монахи Энрякудзи послали в Киото 7 000 монахов-воинов, которые, выкрикивая всевозможные проклятия, потребовали немедленной высылки Киёмори из столицы. Некоторые члены клана Фудзивара, завидовавшие растущему влиянию Киёмори и подобных ему самураев, уговаривали императора подписать указ об изгнании, однако двор, безопасность которого теперь целиком зависела от самураев, оправдал Киёмори, приговорив его лишь к уплате небольшого штрафа.

В течение тех двух веков, о которых мы говорили, монахи Энрякудзи не менее семидесяти раз являлись во всеоружии к императору с различными требованиями, не говоря уже о столкновениях между храмами и внутри них. Таким образом храмы, которые способствовали провалу земельной реформы и росту частных земельных владений, заставили двор опираться на силу самураев как в столице, так и в отдаленных провинциях. Мало того, именно монахи способствовали наступлению в Японии эпохи владычества военных кланов, ибо благодаря их вторжениям как Тайра, так и Минамото смогли разглядеть, что император-то голый!

Одно из самых известных высказываний о монахах принадлежит отрекшемуся императору Сиракава, который, выглянув из дворца во время одной из их демонстраций, с грустью заметил: «Хоть я и правитель Японии, есть три вещи, над которыми я не властен: водопады на реке Камо, падение игральные костей и монахи горы».

Теперь призвание самураев для разрешения внутренних проблем двора вместо обеспечения внешней защиты от монахов, мятежников и эмиси стало лишь вопросом времени. Такой случай представился в 1156 г., во время «смуты Хогэн», названной так по имени года той эры, когда она имела место. Предпосылки этой смуты имеют сложную историю. Вкратце их можно изложить следующим образом.

В эпоху Хэйан среди императоров Японии сложилась практика отречения от престола в сравнительно молодом возрасте, в пользу какогонибудь малолетнего сына или племянника. Поступавшие так именовались «императорами-иноками», поскольку при отречении от престола считалось подобающим обрить голову и принять монашеский сан. К 1150 г. в стране был малолетний император Коноэ и одновременно два отрехшихся императора – отец и сын, Тоба и Сутоку. Поскольку здоровье императора Коноэ оставляло желать лучшего, решено было назначить наследного принца на случай его внезапной кончины. При дворе не было недостатка в принцах крови, поэтому выдвигались разные кандидатуры, но, когда император Коноэ вдруг умер от яда, все пришло в смятение. Бывший император Сутоку пожелал вновь взойти на трон, поскольку его отречение состоялось, мягко говоря, под давлением, а бывший император Тоба пожелал отдать престол другому своему сыну. Его сторонники взяли верх, и 22 ноября 1155 г. императором стал четвертый сын Тоба, Го-Сиракава. Бывший император Сутоку, подстрекаемый партией Фудзивара, вознамерился вернуть трон силой. Вокруг было достаточно воинов, к которым можно было обратиться за помощью, включая разных выскочек из провинций, недавно начавших делать карьеру, не говоря уже о многочисленных отрядах монахов-воинов. Именно в этот момент, 20 июля 1156 г., скончался бывший император Тоба. Исполненный сыновней почтительности Сутоку отправился на торжественные похороны. При входе ему сообщили, что согласно последней воле его покойного отца ему запрещается присутствовать при церемонии. Сутоку, смертельно оскорбленный, приказал всем верным ему самураям в ближайших провинциях собрать войска и как можно быстрее ввести их в столицу. Такое же послание было отправлено монахам-воинам в Нара.

Самураи, ответившие на призыв Сутоку и на аналогичный призыв правящего императора Го-Сиракава,

делились не по кланам, а в соответствии с более личными обязательствами и придворными рангами. Таким образом, силы, собравшиеся с обеих сторон во время смуты Хогэн, включали представителей как Минамото, так и Тайра. На стороне Сутоку войсками Тайра командовал Тадамаса, дядя Киёмори. Войсками Минамото предводительствовали тогдашний глава клана – Тамэёси, внук Хатиман-таро Ёсиизэ, и один из его сыновей, прославленный Тамэтомо, человек огромного роста и превосходный стрелок их лука.

В рядах воинов Тамэёси явно не хватало его сына и наследника Ёситомо, который поддержал противоположную сторону. Он первым откликнулся на призыв Го-Сиракава и привел 400 отборных самураев под знамена своего государя. 29 июля к ним присоединился Тайра Киёмори, который за двенадцать лет до этих событий так разозлил монахов-воинов. Были посланы войска для захвата стратегических позиций на подступах к столице, которые должны были сдерживать ожидавшееся наступление монахов. Через десять дней после смерти бывшего императора Тоба все присутствовавшие на его похоронах разделились на два лагеря. Сторонники императора Го – Сиракава расположились в императорском дворце, а силы Сутоку стояли в двух милях оттуда, в старой императорской резиденции Сиракава-дэн. Здесь Сутоку устроил военный совет, на котором председательствовали Минамото Тамэёси и его сын, великан Тамэтомо. Последнему было всего семнадцать лет, но он, как рассказывают, был более двух метров роста и обладал невероятной физической силой. Его лук достигал двух с половиной метров в длину, чтобы согнуть его, требовались усилия трех обыкновенных людей. По какой-то причине, от рождения или от усиленных тренировок, его левая рука была сантиметров на десять длиннее правой, что позволяло ему дальше оттягивать тетиву и выпускать стрелы с ужасной силой. Кроме того, он был невероятно самоуверен и предложил, исходя из здравого военного опыта, предпринять ночную атаку на дворец. «На стороне императора, – продолжал он, – нет храбрецов, кроме

моего брата Ёситомо, но если он выйдет на поединок со мной, я прострелю ему горло. А что значат слабые стрелы какого-то Киёмори? Я опрокину его рукавом моего доспеха или отброшу в сторону ногой!» Но мудрому совету Тамэтомо не последовали, поскольку главный военный советник Сутоку, Фудзивара Ёринага, предпочел осторожность. Он предложил дожждаться утра, в надежде, что тогда к ним успеют присоединиться монахи – воины. Тамэтомо, к сожалению, пришлось уступить мнению старшего авторитета, хотя он и понимал, что это приведет их к гибели. Похоже, что ни утра, ни монахов им было не дожждаться, ведь монахи с тем же успехом могли присоединиться и к противнику. Тамэтомо к тому же подозревал, что они сами вскоре подвергнутся такой же ночной атаке, какую замышлял он.

Так началось первое сражение между самураями Тайра и Минамото. Хроника событий ночи 29 июля 1156 г., изложенная в «Хогэн моногатари», или «Истории смуты Хогэн», производит впечатление галантного турнира между двумя армиями. Все классические формальности самурайской войны были соблюдены до последней буквы – то, чему уже никогда не суждено было повториться. Произошло и несколько забавных случаев. Так, например, когда Тайра Киёмори начал наступление, он неожиданно вспомнил, что в этот день, двенадцатый день лунного календаря, восток считается несчастливой стороной. Он соответственно предпринял обход с севера, чтобы не посылать стрелы в сторону востока. Перед началом сражения великан Тамэтомо поспорил с одним из братьев: кому из них надлежит первым вступить в бой. Это был один из первых примеров той мании, которой впоследствии были одержимы самураи. В данном случае пришли к соглашению: брат повел людей в атаку, а Тамэтомо отправился защищать самый опасный участок, который должен был указать ему брат.

Согласно «Хогэн моногатари», сражение началось с боевых кличей, провозглашения родословных и перечисления личных заслуг. Затем последовала перестрелка в темноте, во

время которой Тамэтомо посеял смятение в рядах противника, прострелив насквозь одного самурая и ранив той же стрелой другого. Тамэтомо удерживал Западные ворота, и именно на эту позицию двинулся его старший брат Ёситомо. Тамэтомо, рассчитывая напугать его и заставить отступить, направил стрелу в его шлем. Стрела сорвала одну из выступающих заклепок и застряла в воротах. Тамэтомо уже готов был выпустить следующую стрелу, когда его вызвали на бой два самурая, которые обратились к нему следующим образом: Мы, Оба Кагэёси и Сабуро Кагэтика, потомки Камакура Гонгоро Кагэмаса, который, когда ему было шестнадцать лет, во время Трехлетней войны, под началом Хатиман-таро, во время штурма крепости Канэдзава в провинции Дэва, шел в бой в первых рядах и был ранен стрелой в левый глаз... Стрела вырвала ему глаз, который повис на передней пластине шлема, но он послал стрелу в ответ и убил своего врага.

Опять та же самая история, однако любой потомок Камакура Гонгоро, несомненно, был достойным противником для Тамэтомо. Тамэтомо вложил в лук «гудящую стрелу-репу» и послал ее. С громким визгом стрела полетела и срезала левое колено Оба Кагэёси, стоявшего от него в двадцати метрах. Затем она попала в его коня, и ее деревянный наконечник разлетелся на куски. Сабуро Кагэтика спрыгнул с коня и, чтобы не дать противнику завладеть головой Кагэёси, взвалил раненого товарища на плечо и унес с поля боя.

Минамото Ёситомо понял, что отец и брат готовы защищаться до последнего, и велел поджечь Сиракава-дэн. Дождя не было уже несколько дней, к тому же дул сильный ветер. Здание вспыхнуло, как хворост, и вскоре пламя горящего дворца озарило небо на многие мили вокруг. Защитникам не оставалось ничего, кроме бегства, ибо известная японская традиция кончать жизнь самоубийством тогда еще не сложилась. В свете горящего здания сторонники Сутоку сделались отличной мишенью для лучников. При этом

погиб Фудзивара Ёринага, высказавшийся против предложенной ночной атаки, а всех остальных вождей взяли в плен, включая дядю Киёмори, Тадамаса, и двух доблестных Минамото – Тамэеси и Тамэтомо. Так закончилась недолгая, но кровавая смута Хогэн. Эта непродолжительная и не столь уж важная по своему политическому значению стычка ознаменовала выход на политическую арену самураев как самостоятельной силы, с которой правительство отныне вынуждено было считаться.

Теперь самым насущным вопросом стало, как же поступить с побежденными сторонниками Сутоку. Единственным из поддерживавших его старших членов клана Тайра был непопулярный Тадамаса, дядя Киёмори, и последний без сожаления велел его казнить. Этим он подал пример Ёситомо, но только дерзнет ли тот послать на казнь собственных отца и брата? Если не решится, – сказал император Го-Сиракава, – казнь будет поручена Киёмори. Такой позор лег бы несмываемым пятном на семейство Минамото, и с великим сожалением Ёситомо был вынужден приказать своим самураям обезглавить отца. Тамэтомо пощадили: его отправили в ссылку, но при этом в качестве меры предосторожности перерезали жилы на руке, чтобы он никогда уже не мог пользоваться луком. Тем не менее за годы изгнания рука его зажила, и свою последнюю стрелу он выпустил в лодку, полную самураев Тайра. Стрела пробила обшивку под самой ватерлинией, и лодка затонула со всем экипажем. Тамэтомо отступил и покончил с собой, вспоров себе живот кинжалом – первый известный случай харакири, столь характерного для самураев способа расставаться с жизнью. Бывший император Сутоку тоже был изгнан – он умер в нищете в 1164 г.

Все эти события были тем более ужасными в глазах современников, что за предшествующие три с половиной столетия не был казнен ни один из высших императорских чиновников. К тому же двор еще носил траур по бывшему императору Тоба, и в такое время предавать казни

преступников противоречило всем правилам. И все же семьдесят сторонников Сутоку склонили голову над кровавой ямой в Рокудзё-го-хара.

Теперь новый император Го-Сиракава был в безопасности. Это был его триумф, хотя настоящим победителем оказался Тайра Киёмори, чье продвижение при дворе стало молниеносным. Киёмори обладал более политическим, нежели военным талантом; он стал переигрывать Фудзивара в их собственной игре в заключение выгодных браков. В будущем, надеялся Киёмори, все жены и наложницы императоров будут из Тайра, а не из Фудзивара. Конечно, при дворе оставались еще и Минамото – те из них, кто выбрал нужную сторону в 1156 г. И среди них, конечно, был Минамото Ёситомо, чье скорбное выражение лица вскоре привлекло внимание одного из придворных Фудзивара – Фудзивара Нобуёри. Происки Нобуёри были направлены против другого Фудзивара, по имени Синдзэй; ради этого он задумал небольшой заговор и как-то между делом шепнул на ухо Ёситомо роковое слово: «мечь»!

Тем временем император Го-Сиракава, ради которого сражались в последней войне, вскоре решил, что с него достаточно быть императором, и отрекся в пользу своего пятнадцатилетнего сына по имени Нидзё. Таким образом, после всех неприятностей, вызванных практикой отречения императоров, Япония снова получила императора-инока.

Заговор, очевидно, готовился в полной тайне, и 14 января 1160 г. пришло время нанести удар. Ничего не подозревая, Тайра Киёмори и его старший сын Сигэмори покинули Киото, чтобы совершить паломничество в Кумано, в восьмидесяти милях к югу от столицы. Заговорщики выждали пять дней, чтобы дать Киёмори отъехать подальше, и ночью, на пятые сутки, напали на дворец бывшего императора, который стоял на Сандзё (третьей главной улице). Пятьсот самураев Минамото бросилось к воротам, и вскоре весь дворец Сандзё был охвачен пламенем. Бывшего императора Го-Сиракава схватили, а императора Нидзё

окружили в императорском дворце и держали там под стражей.

Иллюстрированный свиток, известный как «Хэйдзи моногатари», описывает события этих нескольких бурных дней, получивших название «смуты Хэйдзи», опять-таки по наименованию соответствующей эры. Несомненно, нет более наглядного изображения самураев в действии, чем та часть свитка, которая озаглавлена «Сожжение дворца Сандзё». Дым и пламя поднимаются над дворцовыми крышами, а грубые деревенские буси ищут под настилом пола, кого бы еще обезглавить. Повсюду сбившиеся в кучу люди и лошади, спасающиеся бегством придворные дамы, сломанные доски. После нападения на дворец Минамото отдали долг Фудзивара Нобуёри, напав на дом его врага Синдзэя. Синдзэй бежал, но далеко уйти ему не удалось, как засвидетельствовано в другой части «Хэйдзи моногатари», где изображена группа самураев, возвращающихся к сидящему в повозке Нобуёри со столь желанной для него добычей.

Один из по-своему забавных эпизодов штурма дворца Сандзё заслуживает особого упоминания. Отступающие силы Тайра вели арьергардный бой, когда на Тайра Ёримори, одного из младших братьев Киёмори, напал самурай Минамото, вооруженный кумадэ. Это оружие напоминает железную лапу хищника, насаженную на длинную деревянную рукоятку. Нападавший взмахнул своим кумадэ, когти вонзились в шлем Ёримори и застряли в нем. Прежде чем самурай успел стащить Ёримори с коня, тот повернулся в седле и перерубил мечом рукоять кумадэ. Затем он отступил, ко всеобщему восторгу, с неожиданным трофеем, все еще торчавшим в шлеме.

До сих пор заговорщикам сопутствовала удача, но Киёмори узнал о заговоре еще на пути в Кумано и теперь с горсткой людей возвращался в Киото. Вдохновляемый своим доблестным сыном Сигэмори, предводитель Тайра смело въехал в столицу и направился прямо в Рокухара, резиденцию Тайра, которую еще не успели захватить Минамото. С этого

момента чаша весов склонилась на сторону Тайра. В ночь на 4 февраля Тайра провели смелую операцию и выкрали императора Нидзё из-под самого носа у Минамото. Сторонники Тайра переодели юного императора девушкой и провели его по лабиринту дворцовых переходов мимо стражи Минамото. Одновременно с ним из ставки Минамото бежал отрекшийся император Го-Сиракава.

Когда известие об этом двойном несчастье дошло до Нобуёри, тот был пьян. Только к утру он осознал всю серьезность положения, а через два часа тысяча самураев Тайра под предводительством Сигэмори и Ёримори напали на ставку Минамото. Минамото удавалось удерживать позицию до тех пор, пока Тайра не выманили их, имитировав отступление. По мере того как Минамото выбегали наружу, Тайра прорывались внутрь, пока защитники и нападавшие полностью не поменялись местами. Тогда Ёситомо решил всеми силами атаковать Рокухара, ставку Тайра. Этот штурм потерпел неудачу, так как один из вождей Минамото отказался принять в нем участие. То был Ёримаса, воин, долгие годы служивший императору и не пожелавший пожертвовать годами верной службы в угоду интересам клана. Ёситомо вынужден был бежать из Киото на восток. Выбравшись из столицы, его отряд напоролся прямо на монахов Энрякудзи. Понеся большие потери, Минамото пробились к мосту Сэта у южной оконечности озера Бива, и здесь Ёситомо приказал своим людям разойтись.

Ёситомо и три его сына, Ёсихира, Томонага и Ёритомо, бежали в горы. Младшему, Ёритомо, было четырнадцать лет, он совершил обряд гэмбуку (совершеннолетия) незадолго до смуты Хэйдзи. Их продвижению мешали бури и снегопады, их задерживал раненый Томонага, который умолял отца убить его. В конце концов Ёситомо согласился выполнить эту ужасную просьбу, но жертва оказалась бесполезной, поскольку Тайра вскоре их все равно настигли. Ёситомо был убит в ванной.

Последовала серия таких зверских казней, что отсечение

головой Тамэёси после смуты Хогэн показалась бы сущим пустяком. По приказу Киёмори палач обезглавил Минамото Ёсихира и Фудзивара Нобуёри. Тело Томонага эксгумировали и обезглавили, чтобы выставить его голову на обозрение вместе с головой его отца и головами многочисленных самураев более низкого ранга. В живых остались четыре юных сына Минамото. Ёритомо, сражавшийся рядом с отцом, был сослан в Идзу, где его должны были воспитывать в доме Тайра. Остальные все еще находились при матери. Узнав о смерти мужа, его вдова Токива бежала из Киото, прижимая младшего сына к груди, другой был привязан у нее за спиной, а старший держал ее за руку. С тех пор бегство Токивы стало источником вдохновения для многих японских художников. Кровавые отпечатки ее ног на снегу символизировали красный цвет знамен Тайра, пятнающий белое знамя Минамото. Токива могла бы скрыться, если бы не безжалостный Киёмори, который пытал ее мать до тех пор, пока пожилая дама не выдала местонахождение дочери. В конце концов, однако, какой-то проблеск гуманности тронул сердце Киёмори, чему немало способствовала блистательная красота Токивы, и он согласился пощадить ее сыновей при условии, что она станет его наложницей. Трех мальчиков не казнили и не сослали, а отправили для обучения в разные монастыри (см. приложение II, родовое древо Минамото).

Со смертью изгнанника Тамэтомо в 1164 г. остался в живых лишь один взрослый Минамото – почтенный старец Ёримаса, который отказался воевать во время смуты Хэйдзи. Он очевидно не представлял угрозы для Тайра, и его терпели при дворе. К 1180 г. Тайра Киёмори стал фактически властелином Японии, а отрекшийся император Го-Сиракава полностью от него зависел. В том же году осуществилась заветная мечта Киёмори, ибо с восшествием на престол императора Антоку он стал дедом императора. Он, наконец, переиграл Фудзивара в их собственной игре.

Киёмори, должно быть, был весьма удивлен, когда в том же 1180 г. узнал о заговоре Минамото против Тайра.

Глава III

Война Гэмпэй

Война Гэмпэй, которая продолжалась с 1180 по 1185 г., – самая знаменитая из всех войн между самураями. Она стала воплощением самурайского идеала, войной на уничтожение между двумя кланами. Война Гэмпэй породила величайших из самурайских героев, которых когда-либо знала Япония, о чьих подвигах потом долгие годы слагались рассказы и песни, превратившие их в почти что мифологических персонажей.

Война Гэмпэй шла между кланами Тайра и Минамото, и многие другие семьи поддерживали либо одну, либо другую сторону. Слово «Гэмпэй» образовано сочетанием знаков, входящих в состав их имен, в китайском произношении: «Гэндзи» и «Хэйкэ», что в сочетании дает «Гэмпэй». Эту войну часто сравнивают с войной Алой и Белой Розы, тем более что геральдическим цветом Минамото был белый, а цветом Тайра – красный.

Читатель, возможно, спросит, остались ли после событий 1156 и 1160 гг. хоть какие-нибудь Минамото, способные бросить вызов Тайра. В 1180 г. таковых не было даже с точки зрения Тайра Киёмори, однако надо вспомнить, что оставшиеся в живых дети Минамото не были казнены, а жили в изгнании. С тех пор прошло двадцать лет. Один из четырех сыновей Ёситомо умер в юности, но оставшиеся трое стали мужчинами.

Первый шаг к войне был сделан, однако, не сыновьями Ёситомо, а единственным Минамото, оставшимся при дворе, где всем заправляли Тайра. То был старый воин Минамото Ёримаса, которому было семьдесят четыре года. В силу его заслуг и преклонного возраста его едва ли можно было заподозрить в мятежных замыслах, однако его исключительное положение при дворе делало его и его сыновей объектом постоянных оскорблений со стороны

Тайра, и он медленно продвигался по службе. Минамото Ёримаса не надо было искать предлога для того, чтобы его растущая личная неприязнь к Тайра вылилась в открытый бунт. При дворе жил также недовольный принц крови Мотихито, второй сын экс-императора Го-Сиракава, которого дважды обходили при избрании престолонаследника. Второй раз это случилось в 1180 г., когда на трон возвели Антоку и Киёмори таким образом сделался дедом императора. Коронация Антоку, которому исполнилось всего три года, являлась столь откровенным следствием происков Тайра, что принц Мотихито готов был принять любые предложения мятежников. Минамото Ёримаса побуждал его к этому и обещал поддержку.

Как и во время восстания Минамото в 1160 г., заговорщики выбрали время, когда Тайра Киёмори и его внук-император уехали из Киото. Согласно обычаю, только что взошедший на трон император должен был посетить наиболее почитаемые в стране святыни. Как правило, это были храмы Нара и монастыри горы Хиэй, но, поскольку император Антоку был марионеткой Тайра, ему предстояло отправиться в Ицукусима, любимое святилище рода Тайра. Это давало заговорщикам отличный повод, чтобы привлечь на свою сторону монахов-воинов. Увидев, что путь свободен, принц Мотихито издал прокламацию: Решение Его Высочества Принца гласит, что Киёмори, Мунэмори и прочие, пользуясь авторитетом занимаемых ими постов и своим влиянием, подняли мятеж и оскорбили нацию. Они причинили страдания и должностным лицам и народу, захватив и разграбив пять внутренних провинций и семь округов. Они заточили бывшего государя, сослали государственных служащих, чинили смерть и изгнание, утопление и заключение под стражу. Они грабили имущество, захватывали землю, присваивали себе должности и раздавали их... Они разграбили могилы принцев, одного из них обезглавили, не повиновались императору и попирали закон Будды невиданным доселе образом.

«Посему пусть Минамото и Фудзивара и прочие храбрецы, что живут ныне в провинциях трех округов, соединят свои усилия и поддержат нас. Ежели найдутся такие, что думают иначе, они будут считаться сторонниками Киёмори и изведуют страдания смерти, изгнания или заключения. Касательно тех, кто будет достоин награды, пусть мне сообщат их имена и деяния. Я непременно, как только взойду на трон, дарую им награды соответственно их желаниям. Объявите это послание во всех провинциях и действуйте в соответствии с этим решением.

5 мая 1180 г. »

Копия этой прокламации была передана Минамото Ёритомо, старшему из оставшихся в живых сыновей Ёситомо, который в то время жил в изгнании в Идзу. Он неосторожно обмолвился о заговоре, и его подслушали шпионы Тайра. Вскоре самураи Тайра уже обыскивали резиденцию принца в Киото, надеясь найти и схватить его, но он уже бежал к монахам Миидэра.

О том, сколь мало было известно Киёмори о заговоре, говорит тот факт, что он поручил Минамото Ёримаса напасть на Миидэра и арестовать принца. Пришло время для Ёримаса показать свое истинное лицо. Он сжег свой дом в Киото и с пятьюдесятью верными людьми присоединился к принцу. Мятежникам, чей заговор столь неожиданно раскрылся, необходимо было теперь продержаться до того момента, когда на востоке начнется общее восстание сторонников Минамото. Небольшого отряда Ёримаса, однако, даже при поддержке монахов Миидэра явно было недостаточно, чтобы противостоять Тайра, которые, если верить «Хэйкэ моногатари», где численность войск, впрочем, часто преувеличивается, собрали около 20 000 человек для штурма монастыря. Единственной надеждой Минамото была

поддержка других монастырей, однако те, насколько можно судить по прежним восстаниям, были ненадежными союзниками.

Немедленно были отправлены письма в Энрякудзи, монахов которого Киёмори склонил на свою сторону подкупом, и в монастырь Кофукудзи в Нара, который обещал поддержку.

Ёримаса предложил предпринять ночную атаку на ставку Тайра в Рокухара. Дул сильный ветер, при котором легко было бы поджечь постройки, посеять панику в стане противника и, вероятно, даже похитить Тайра Киёмори. Однако, второй раз на памяти этого поколения, смелый совет Минамото был отвергнут. Решено было оставить Миидэра и присоединиться к монахам Нара в Кофукудзи. Рано утром принц, Ёримаса и их небольшой отряд верных монахов и самураев Минамото – всего около 300 человек – покинули гору Хиэй в отчаянной попытке добраться до Нара. Читатель может проследить их маршрут по приложенной карте. Они двигались прямо на юг. Главная дорога из Киото в Нара пересекала реку Удзи рядом с городком того же названия. Мост через реку Удзи был важным стратегическим объектом, поскольку Удзи служит своего рода естественным внешним рубежом для Киото между озером Бива и морем. К тому времени, когда отряд Минамото достиг Удзи, принц страшно устал, и они решили передохнуть на противоположном берегу, так, чтобы Удзи отделяла их от следовавших за ними Тайра.

На южном (со стороны Нара) берегу Удзигава стоит монастырь Бёдоин. Одно из самых известных зданий этого комплекса – исключительной красоты Зал Феникса. Первоначально он был загородной виллой одного из знатных Фудзивара, который потом превратил ее в храм. Здесь остановился на отдых принц, а Ёримаса выслал разведчиков наблюдать за переправой через реку и за дорогой к северу от нее на случай нападения Тайра. В качестве дополнительной предосторожности самураи Минамото сняли около двадцати метров настила длинного деревянного моста. Затем они стали

ждать, кто подойдет первым: Тайра или их союзники – монахи из Нара.

На рассвете на северном берегу появились самураи Тайра. Минамото едва могли разглядеть их в утреннем тумане, но те выдали свое присутствие боевым кличем. Минамото ответили, и авангард Тайра на полном скаку ринулся на мост, прямо в зияющую посередине дыру. Когда туман рассеялся, над быстрой рекой засвистели стрелы. Монахи оказались хорошими лучниками. Их стрелы насквозь пробивали большие деревянные щиты, установленные Тайра. Минамото Ёримаса снял шлем, чтобы легче было натягивать лук. В глубине сердца он уже чувствовал, что эта битва будет для него последней.

В этот момент самые нетерпеливые из отряда монахов ступили на балки моста, желая схватиться с Тайра один на один. Первым перебрался Тадзима, который швырнул ножны своего нанигата в реку и одиноко возвышался посреди моста. Это сделало его мишенью одновременно для всех лучников Тайра, однако одни стрелы отскакивали от его доспехов, от других он уворачивался или отбивал их нанигата. За это он получил прозвище «Тадзима Стрелорез». Вскоре за ним последовал еще один монах. Это был Дзомё, который уложил по меньшей мере двадцать шесть Тайра, одних стрелами, других нанигата, мечом или кинжалом. За Дзомё шел Итирай Хоти, который был страшно раздосадован тем, что Дзомё загородил ему весь проход по узкой балке. Охваченный жаждой действия Итирай схватил Дзомё за основание шлема, поставил ногу на балку, перескочил через Дзомё и вступил в бой. Он дрался храбро, пока не пал, и тогда Дзомё отступил назад. Он насчитал 63 стрелы, торчащие в его доспехах, как колючки дикобраза.

Бой на разобранном мосту продолжался большую часть дня, пока его балки не скрылись под телами убитых. Одни пробирались на сторону противника и возвращались с отрубленными головами. Другие, тяжело раненные, бросались в воду. Монахи из Нара так и не появились, но, поскольку

сопротивление было столь яростным, командиры Тайра, Томомори и Сигэхира (два сына Киёмори) и их дядя Таданори, стали подумывать о том, чтобы совершить пятидесятимильный обход и перейти реку по мосту у Сэта. Восемнадцатилетний самурай Асикага Тадацуна с презрением отверг такое решение и предложил форсировать быструю реку одновременно в нескольких местах. 300 самураев клана Асикага готовы были последовать за ним, и он дал им несколько хороших советов, которые приведены в «Хэйкэ моногатари»: «Возьмитесь за руки и переправляйтесь цепочкой. Если голова коня скроется под водой, поднимите ее; если враг выпустит стрелу, не хватайтесь за лук, чтобы сделать ответный выстрел. Наклоните голову, и стрела скользнет по назатыльнику шлема, но не наклоняйтесь слишком низко, иначе стрела попадет в отверстие на макушке».

Последнее замечание, очевидно, имеет в виду тэхэн, отверстие на макушке японского шлема.

Издав боевой клич рода Асикага, весь отряд благополучно переправился. Доблестный Тадацуна, промокший до нитки, первым ступил на южный берег. Даже в этот захватывающий миг он не забыл о формальной стороне поединка, привстал на стременах и громко объявил:

*«Я – Асикага-но Тара Тадацуна из Симоцукэ,
потомок в десятом колене Тавара Тода
Хидэсато, прославленного воина».*

Закончив свою речь, он пришпорил коня и пробил себе путь до самых ворот монастыря Бёдоин. В хронике того времени, «Адзума кагами», сказано о нем следующее:

*«Никогда уже не будет воина, подобного
этому Тадацуна. Он превосходил всех остальных
в трех вещах, а именно: силой, которая была
равна силе сотни людей, голосом, который
разносился на расстояние в десять ри (около 25*

милль), и зубами, которые были длиной в палец».

Основное войско Тайра было несколько пристыжено доблестью союзников, и Тайра Томомори повел свою армию к берегу. На короткое мгновение масса людей и коней буквально запрудила реку, вода поднялась и опрокинула их, и самураев Тайра снесло течением. Большинство их благополучно выбрались на берег, поскольку внимание Минамото было отвлечено атакой отряда Асикага. Вскоре Тайра заставили противника отступить к воротам Бёдоин. В суматохе принц Мотихито попытался бежать к Нара, пока Ёримаса и его сыновья сдерживали натиск превосходящих сил Тайра. Ёримаса был поражен стрелой в правый локоть и отступил, а его младший сын Канэцуна держался против отряда самураев Тайра, стремившихся заполучить голову старика. Стрела поразила Канэцуна в голову, Накацуна, старший сын, тоже пал смертельно раненый, однако они удерживали Тайра достаточно долго, и их отец успел совершить то, что впоследствии стало считаться классическим образцом харакири.

Самоубийство Ёримаса, хотя и не первое в истории Японии, поскольку раньше его совершили «великан» Тамэтомо и еще десяток-другой безвестных самураев, покончивших с собой в тот же день, было совершено с таким изяществом, что стало примером самого благородного пути, который потерпевший поражение самурай может избрать для ухода из жизни. Пока его сыновья удерживали ворота, этот семидесятилетний самурай спокойно написал прощальные стихи на оборотной стороне боевого веера:

Как дерево сухое,
С которого не снять плодов,
Печальна жизнь моя была,
Которой суждено пройти
бесплодно.

Затем он кинжалом вспорол себе живот и вскоре скончался. Верный слуга взял его голову, набил камнями и утопил в реке, чтобы она не досталась жадным до подобных трофеев Тайра. Вслед за отцом совершил ритуальное самоубийство его старший сын Накацуна.

Японский обычай харакири, первый пример которого продемонстрировал Ёримаса, бесспорно, является единственной формой самоубийства, которая по замыслу должна быть крайне болезненной. Столь устрашающей была сама идея харакири, что в более позднее время сами самураи свели ее к чисто ритуальному вонзанию в живот меча или кинжала, в то время как верный секундант стоял наготове, чтобы отсечь жертве голову. Имелась у харакири и позитивная, если можно так выразиться, сторона, поскольку японцы верили, что вскрытие живота освобождает дух самурая.

Перебив героев Минамото, Тайра устремились через Бёдоин и по дороге на Нара в погоне за принцем, которого они настигли у входа в святилище синто. Главный заговорщик погиб под градом стрел. Несколько часов спустя из Нара выступило 7 000 монахов-воинов, но, узнав о том, что восстание подавлено, они быстро вернулись в свои храмы, а торжествующие Тайра направились в Киото, неся перед собой головы принца и сыновей Ёримаса.

Битва при Удзи 20 июня 1180 г. ознаменовала внезапный и трагический конец первого этапа войны Гэмпэй. Призыв к оружию еще не дошел до Минамото на востоке, а принц Мотихито уже был мертв и мятёж, который он поднял, подавлен. Это преждевременное восстание едва не положило конец существованию института монахов-воинов, ибо, как только осела пыль после битвы при Удзи, Тайра Киёмори вознамерился отомстить им. 19 декабря Тайра Томомори выступил в поход, чтобы покарать Миидэра. Десять тысяч самураев Тайра атаковали монастырь на рассвете. Монахи соорудили баррикаду из деревянных щитов и поваленных деревьев, и битва продолжалась весь день, пока монастырь не

подожгли. Ущерб был не столь уж велик, не больше, чем сами монахи наносили в дни своего расцвета, однако монастырям Нара была уготована гораздо худшая участь, поскольку Кофукудзи и Тодайдзи поддержали Мотихито, пусть даже их отряды и выступили слишком поздно. Киёмори сперва попытался вступить в политический альянс с гакусё, учеными монахами этих храмов, в надежде, что они повлияют на своих мятежных сохэй. Но время для переговоров уже прошло. Монахи ответили на послание Киёмори, избив посланца и насильно выбрив ему голову, после чего он, испуганный и бледный, бежал в столицу. К этому сохэй Нара добавили еще одно оскорбление: сделав большую деревянную голову, которую они называли головой Киёмори, они пинками катали ее по двору.

Киёмори все еще действовал осторожно. Он послал отряд из 500 самураев, приказав им не применять силу, даже если их будут провоцировать. Монахи немедленно напали на эту делегацию, захватили 60 человек или около того и отрезали им головы, которые выставили вокруг пруда Сарусава напротив южных ворот Кофукудзи. В конце концов монастыри Нара были атакованы всеми силами Тайра. Дело было поручено Тайра Сигэхира, ветерану Удзи и далеко не самому симпатичному из сыновей Киёмори. Сигэхира был подвержен припадкам ярости – болезни, которой в известной мере страдал и его отец. Монахи осознали всю опасность своего положения и приготовились отразить штурм. Семь тысяч монахов, молодых и старых, сохэй и гакусё, собирались защищать свой храм. Поперек дорог были выкопаны рвы, поставлен частокол, а монахи-лучники ждали за большими деревянными щитами. Большинство монахов сражалось в пешем строю. Конные самураи несколько раз атаковали их, но защитники отражали атаку за атакой до наступления темноты. Ими предводительствовал воинственный монах по имени Ёгаку, человек огромной силы, который носил два комплекта доспехов, один поверх другого.

Когда стемнело, Тайра Сигэхира решил использовать

самое смертоносное оружие самурайского арсенала – огонь. Поджог, как мы знаем, применялся и раньше, хотя это и было делом рискованным, что Сигэхира, несомненно, знал, когда велел своим людям разломать несколько деревянных щитов на факелы и поджечь постройки у ворот монастыря. Было пять часов вечера, ветер все время менял направление, и пламя быстро распространилось по всему монастырю, перебегая от складов к пагоде, с пагоды на звонницу. Как описывает «Хэйкэ моногатари», «все, кто полагался на свои ноги, убежали к реке Тоцугава, в глубину гор Ёсино; а старые обезножившие монахи, рядовые послушники, мальчишки-служки и женщины в поисках спасения наперегонки кинулись в храм Великого Будды и в монастырь Кофукудзи. Больше тысячи человек взобралось на второй ярус храма и втянуло за собой лестницы, чтобы враги не могли подняться следом. Здесь и настигло их свирепое пламя. Казалось, вопли грешников в кругах ада – Огненном, Раскаленном и Безвозвратном звучат не громче, чем крики этих несчастных!» Кофукудзи был сожжен дотла, равно как и Тодайдзи, «Великий Восточный Храм», гордость императора Сёму, основанный за четыре столетия до этих событий. Вместе с ним погибла и статуя Будды Вайрочаны, перед которой преклонял колени император. «Сам император украшал эту статую вышиной в шестнадцать дзё, отлитую из меди и золота... И вот исчез без остатка внушавший благоговение священный лик, подобный луне, сияющей в небесах, сгорела и вся голова, упала и лежала теперь во прахе; тело расплавилось, уподобилось бесформенной груде!.. Недаром потемнела, изменила свой цвет роса на равнине Косуга, а в завыванье ветра на вершине горы Микаса слышались горестные стенанья».

Всего в огне погибло 3 500 человек, из всех построек уцелело только хранилище Сёсоин, построенное императором Сёму, которое стоит и по сей день. Головы 1 000 монахов, павших в бою, были выставлены на воротах или увезены в столицу. Много месяцев спустя, когда необходимо было

провести важное богослужение, ни одного монаха нельзя было отыскать в окрестностях Нара.

Тайра Киёмори скончался 20 марта 1181 г., оставив после себя печальное наследие. Перед смертью, в горячке, он бредил не райскими полями, но мстью. «Когда я умру, – говорил он, – не совершайте ради меня буддийских обрядов; только убейте Ёритомо и положите его голову у моей могилы. То будет лучшее приношение, которое можно для меня сделать, как в этом мире, так и в ином». Чтобы понять значение его предсмертных слов, нам надо вернуться на несколько месяцев назад, к началу войны Гэмпэй.

ЁРИТОМО

Человек, чью голову Киёмори так страстно желал заполучить, был старшим из трех оставшихся в живых детей Минамото, которых Киёмори отправил в ссылку в 1160 г.

Ёритомо было 14 лет, когда его отправили на Идзу, гористый полуостров Токайдо. Идзу входил во владения Тайра, и юноша был поручен заботам Фудзивара Сугэтика, союзника Тайра, а надзор за ним осуществлял Ходзё Токимаса, местный землевладелец, происходивший из рода Тайра. Как опекун Сугэтика не отличался строгостью, и у юного Минамото было достаточно времени для военных упражнений и для размышлений о том, сколь губительны для его семьи оказались чрезмерный энтузиазм и поспешность в использовании военной силы. Говорят также, что Ёритомо разнообразил свои ученые занятия в области политики и военного искусства более приятным занятием – тем, что в народе называют «посевом диких каштанов». В результате его опекун однажды обнаружил, что стал дедом младенца Минамото. Это так разъярило верного сторонника Тайра, что он убил ребенка и готов уже был расправиться с Ёритомо, но тот вовремя бежал к Ходзё Токимаса, где вскоре влюбился в дочь Ходзё и со временем женился на ней.

Существует легенда, что во время его изгнания Ёритомо

посетил странствующий монах по имени Монгаку, который подарил ему череп его отца Ёситомо, тем самым вдохновив на восстание против Тайра. Однако к мятежу его побудил не череп отца, а полученный 23 мая 1180 г. призыв от принца Мотихито. Вскоре после этого он получил известия об исходе битвы при Удзи, подтвердившие его мнение о бесполезности преждевременных действий. 13 июля Ёритомо получил еще одну плохую весть. Тайра Киёмори приказал схватить его и предать смерти. Кому было поручено это исполнить, он не знал; скорее всего это мог быть Тайра Канэтака, помощник наместника провинции. Положение Ёритомо еще больше осложнилось к концу августа, когда после битвы при Удзи вернулся домой Оба Кагэтика, один из самых ревностных сторонников Тайра в районе Идзу. Еще один враг оказался рядом, к тому же в сопровождении значительного войска.

Двадцать лет Ёритомо размышлял о гибельности преждевременных восстаний, так что решение действовать, видимо, далось ему нелегко. Он начал с атаки на Ямаги, ставку наместника Тайра Канэтака. Набег был совершен 8 сентября, Канэтака был убит. Как это ни странно, Ёритомо лично не принимал участия в этой операции, но остался в доме своего тестя, Ходзё Токимаса, где возносил молитвы за победу. Ёритомо был государственным деятелем, а не полководцем, и в этой роли мы видим его на протяжении всей войны Гэмпэй. Сражаться он предоставил другим членам своей семьи.

Теперь, когда его ближайший враг был мертв, Ёритомо мог вырваться с Идзу. Ширина северного перешейка, самой узкой части полуострова, всего около 10 миль. 11 сентября Ёритомо выступил с Идзу в Сагами. Через два дня к нему присоединился первый из союзников, собиравшихся под знамена Минамото, Миура.

Другим ближайшим сторонником Тайра был Оба Кагэтика. С той же стремительностью, которую Тайра проявили в битве при Удзи, он собрал своих людей и бросился в погоню. Соотношение сил было примерно десять к

одному в пользу Тайра, когда 14 сентября они настигли Ёритомо в долине Исибасияма. Сражение при Исибасияма стало почти такой же катастрофой для Минамото, как и битва при Удзи. Опасаясь, что к Ёритомо придут подкрепления, Оба Кагэтика предпринял отчаянную ночную атаку на позиции Ёритомо. Исибасияма представляет собой узкую долину у берега моря, не оставляющую много места для маневра, не говоря уже о формальностях поединка. Непроглядная тьма, ветер и проливной дождь способствовали неожиданному нападению. Можно представить, с какой решимостью грубые провинциальные самураи приступили к своей смертоносной работе. Не было ни провозглашения родословных, ни вызовов на поединок достойных противников, только грязь и кровь жестокой битвы. К концу сражения небольшой отряд Минамото был практически уничтожен, но Оба Кагэтика дорого заплатил за преимущества ночной атаки, поскольку в разгар сражения Ёритомо успел скрыться в лесу. Много захватывающих историй было сложено о последующих пяти днях, когда враги охотились за Ёритомо в горах Хаконэ. Самая известная из них связана с Кадзивара Кагэтоки, который в то время был на службе у Тайра, а впоследствии стал одним из самых верных сторонников Ёритомо. Ёритомо спрятался в пустом древесном стволе, который Кадзивара послали осмотреть. Последний уже тогда втайне сочувствовал делу Минамото. Увидев там Ёритомо, он просунул в ствол свой лук и спугнул двух голубей, что вполне убедило остальных преследователей в том, что, кроме птиц, там никого больше быть не могло. Суть этой истории в том, что голубь считается посланцем Хатимана, бога войны и покровителя семьи Минамото.

Ёритомо в конце концов удалось добраться до берега моря у мыса Манадзуру, где с горсткой верных ему людей он сел на корабль и переправился в провинцию Ава, владения Минамото. Он прошел через Ава и вокруг того залива, который в наши дни называется бухтой Токио, собирая своих приверженцев. В течение месяца его небольшая свита

превратилась в огромную армию, с которой он вступил в небольшую рыбацкую деревушку Камакура. Здесь он решил устроить свою ставку, и Камакура, которой суждено было дать свое имя полуторавековому периоду японской истории, стала центром восстания Минамото. У Ёритомо, однако, не было времени расслабляться, наслаждаясь столь неожиданно обретенной популярностью, ибо его разведка донесла ему, что большая армия Тайра выступила из Киото на восток. Это было в ноябре 1180 г., за месяц до того, как карательная экспедиция Тайра сожгла Миидэра. До сих пор Тайра не знали ни одного поражения, однако Тайра Киёмори не учел, что за несколько прошедших месяцев ситуация сильно изменилась. Во время восстаний Хогэн, Хэйдзи и, наконец, мятежа принца Мотихито Тайра сражались на своей территории. Теперь им предстояло иметь дело с восстанием в 300 милях к востоку от столицы, в исконных владениях Минамото.

Киёмори поручил дело подавления Минамото наименее способному члену семьи, Тайра Корэмори, своему внуку, отпрыску его покойного сына Сигэмори. Корэмори было двадцать лет, и ему не хватало боевого опыта. «Хэйкэ моногатари» сообщает, что «кисть была бы неспособна передать всю красоту его одеяния и осанки». Под его началом должен был служить Таданори, брат Киёмори, ветеран битвы при Удзи. Единственным утешением для Тайра было то, что в Канто они могли рассчитывать на поддержку союзников, которые перед этим так основательно разбили Ёритомо при Исибасияма. Прежде чем выступить против Тайра, Ёритомо принял меры, чтобы нейтрализовать эту угрозу, отправив своего тестя Ходзё Токимаса напасть на клан Такэда в Суруга. Тот быстро справился с ними, и объединенные усилия Такэда и Минамото обеспечили Ёритомо безопасный проход по дороге Токайдо. Его армия миновала перевал Асигара в горах Хаконэ и спустилась в Суруга, к подножью величественной Фудзи. Они остановились на восточном берегу Фудзигава, или реки Фудзи, мелководной, но широкой и поросшей

тростником, за которой, на другом берегу, уже были видны красные знамена Тайра. Впервые с начала войны Гэмпэй две великих армии, Тайра и Минамото, выстроились друг против друга в боевом порядке. Это произошло 9 ноября 1180 г. Описания того, что произошло вслед за этим, запутаны и противоречивы. Те авторы, которые пишут о битве на Фудзигава, скорее всего весьма далеки от истины. Достоверно известно лишь то, что Тайра чувствовали себя очень неудобно; многих из них охватила тоска по дому, что вряд ли придавало им уверенности. Некоторые источники утверждают, что Такэда предприняли ночную атаку на фланг Тайра. «Хэйкэ моногатари» приводит более поэтическую версию событий: «Той же ночью, около полуночи, водяные птицы, в великом множестве гнездившиеся в болотах у подножья горы Фудзи, как видно, чем-то потревоженные, внезапно снялись всей стаей. Как посвист бури, как гром небесный, раздался шум бесчисленных крыльев, поднявшихся в воздух. «Беда! – закричали воины Тайра. – Это войско Минамото перешло в наступление. Они зашли нам в тыл, как предупреждал о том Санэмори! Если нас окружают, мы пропали». И, побросав все как было, они с величайшей поспешностью обратились в бегство, торопясь обогнать друг друга. Так велик был обуявший их страх, такой начался тут беспорядок, что схвативший лук позабыл взять стрелы, взявший стрелы – позабыл взять лук; тот вскочил на чужого коня, его конь достался чужому, а иной, взгромоздившись на неотвязанного коня, как безумный, бессмысленно кружился вокруг коновязи».

Вероятнее всего, отступление Тайра не было таким уж отчаянным паническим бегством, как его пытались представить. Отступление от Фудзигава было вполне разумным шагом, учитывая растянутость коммуникаций и то обстоятельство, что армии еще предстояло перейти перевал Асигара и горы Хаконэ. Тем не менее, как говорят, нет дыма без огня, и стратегический отход Тайра был проделан с некоторой поспешностью, ибо двенадцать дней спустя они

уже были в Киото. Что касается Минамото, то на следующий день они собирались атаковать противника, «но не нашли в лагере Тайра даже мухи». Ёритомо благоразумно приписал эту победу вмешательству Хатимана и почтил свое фамильное божество. За благоразумным отступлением Тайра последовало не менее мудрое решение Минамото не преследовать их. Советники Ёритомо предлагали ему прежде всего укрепить Восток. Такой образ действий и был избран на ближайшее время, и Минамото провели несколько небольших кампаний, набирая союзников и ликвидируя врагов.

ЁСИНАКА

Перевернем теперь еще одну страницу в истории войны Гэмпэй и рассмотрим карьеру Минамото Ёсинака. Это имя пока еще не фигурировало в родословной семьи Минамото, и поэтому его следует предварительно представить читателю. Ёсинака был двоюродным братом Ёритомо. Он был сыном Ёсиката, младшего брата Ёситомо. Ёсиката, в свою очередь, являлся четвертым сыном Тамзёси, который уже был упомянут в этой книге, старшими же были Ёситомо, «великан» Тамэтомо и Юкииэ, дядя Ёритомо, который отвез воззвание принца на восток к Минамото. Здесь автор вынужден признаться в своей искренней симпатии к Ёсинака. Он был простым грубым самураем из провинции, порывистым, невоспитанным, чей стремительный взлет связан с самыми увлекательными эпизодами войны Гэмпэй. По сравнению с Ёсинака Ёритомо кажется респектабельным и скучным.

Жизнь Ёсинака была трагичной с самого его рождения. Его отец Ёсиката был убит в 1155 г. Из предосторожности он спрятал беременную жену и белое знамя клана Минамото в доме одного крестьянина, сочувствовавшего ему. Враг попытался захватить жену и ухаживавшую за ней крестьянку. Чтобы им легче было ускользнуть, они разошлись в разные стороны, и крестьянка направилась к озеру Бива. Спасаясь от

преследовавших ее самураев, она бросилась в озеро и поплыла к каким-то лодкам или баржам. Приблизившись, она с ужасом увидела, что они полны вражеских самураев. Один из них занес меч и отсек ей правую руку, сжимавшую знамя Минамото. Рука опустилась на дно озера, а вслед за ней вскоре последовало и мертвое тело. Четыре дня спустя сын крестьянки выловил из воды руку матери, все еще державшую знамя, и отнес ее в хижину, где жена Ёсиката собиралась родить младенца Ёсинака.

Далее, согласно легенде, самурай по имени Сайтоо Санэмори был послан арестовать вдову Ёсиката и убить младенца, если это окажется мальчик, но Санэмори сжалился над ними и не выполнил приказ. Он вернулся к своему господину и принес руку крестьянки в подтверждение того, что убил мальчика. При содействии Санэмори младенец Ёсинака был тайно вывезен в горный район Кисо в Синано, где и вырос. Он принял фамилию Кисо, предпочтя ее Минамото, и потому был больше известен как Кисо Ёсинака. Он вырос могучим воином, ему было 28 лет, когда он получил воззвание принца Мотихито. Как и его двоюродный брат, Ёсинака с готовностью откликнулся на призыв, однако выпавший в горах снег не позволил ему выступить немедленно, и кампания 1180 г. закончилась без его активного участия. Начало 1181 г. было отмечено сожжением монастырей Нара и смертью Киёмори. После событий на Фудзигава Тайра избрали политику консолидации. В апреле войска Тайра вступили в провинцию Овари, где наголову разбили Минамото Юкиэ. Юкиэ, похоже, не обладал особым военным талантом, а удачливости у него было еще меньше. Он повел Минамото в атаку через реку Суномата, надеясь застать Тайра врасплох, однако они спокойно дали ему дойти до своих позиций, а затем предприняли контратаку, обращая свои мечи и стрелы против всех самураев в мокрых доспехах. Результатом этого сражения, которое произошло 25 апреля 1181 г., был полный разгром Юкиэ. Сам он бежал, чтобы соединиться с ближайшей армией Минамото, которой

оказалось войско Ёсинака.

Когда на смену весне пришло лето, в Японии действовало три основных силы: Тайра в Киото, Минамото Ёритомо в Камакура и Кисо Ёсинака в Синано. Однако в течение четырнадцати месяцев страна подвергалось нападению иного врага. Чередующиеся засухи и наводнения погубили урожаи 1180 и 1181 гг., а затем последовал такой страшный мор, что население «внутренних провинций» сократилось на одну десятую. Многие усмотрели в этих страшных событиях гнев богов, направленный против клана, войска которого сожгли Нара. Их выводы были подкреплены еще и тем, что провинция Канто, где находилась ставка Ёритомо, почти не пострадала от стихийных бедствий.

Когда военные действия возобновились в июле 1182 г., события стали развиваться с бешеной скоростью. Тайра, главой которых после смерти Киёмори стал его сын Мунэмори, поручили незавидную роль преследователя Ёсинака своему союзнику Дзё Сукэнага – по той лишь причине, что, будучи правителем Этиго, он оказывался первым из тех, на кого Ёсинака вероятнее всего должен был напасть. Дзё принял вызов, был разбит и вскоре умер. Ёсинака тем временем вторгся в Кодзукэ, но поскольку эта область находилась в опасной близости к сфере влияния его двоюродного брата, он повернул на север и совершил широкий обход через провинции Этиго, Эттю, Кага, Этидзэн и Вакаса, круша союзников Тайра налево и направо. Продвижение Ёсинака было столь быстрым и энергичным, что к концу лета 1182 г. границы его территории уже проходили всего в сорока милях от Киото. Он вполне мог бы атаковать Киото с севера, но не стал этого делать, поскольку ему гораздо выгоднее было подождать, пока голод и эпидемия не сделают за него всю работу.

Тем временем Ёритомо внимательно следил за успехами своего родственника. Как гласит старая китайская пословица, «в небе не может быть двух солнц». Ёритомо теперь величал себя владыкой Камакура и видел в Ёсинака человека, который

едва ли удовлетворится менее высоким положением, чем он сам. Поэтому ранней весной 1183 г. Ёритомо послал в горы армию, которая должна была атаковать Ёсинака. К счастью, благоразумие восторжествовало, и после нескольких осторожных маневров армии разошлись в разные стороны. Ёритомо стал обдумывать свой следующий ход, а Ёсинака готовился встретить новую угрозу со стороны Тайра.

К концу апреля Тайра оправались настолько, что решились всеми силами напасть на Ёсинака, который представлял для них большую опасность, чем Ёритомо. Это решение было роковым, и едва ли бы его приняли, будь в живых Киёмори. Вождю Тайра, Мунэмори, не пошли впрок уроки, полученные на Фудзигава. Теперь он собирал еще одну огромную армию, чтобы выступить в прямо противоположном направлении. После отступления с берегов Фудзигава энтузиазм сторонников Тайра значительно поуменьшился. Тем не менее они сделали попытку собрать, нанять или согнать силой армию численностью в 100 000 человек для похода против Ёсинака. Методы, которые использовались для создания этого невероятного войска, численностью превосходящего даже великие армии XVI в., напоминали принудительный рекрутский набор. Призваны были даже те, кто прежде был освобожден от военной службы, включая лесорубов из леса Вадзука в Ямато. «У нас нет ни луков, ни мечей, – возражали они. – Когда в лесу работает тридцать семь человек и двадцать семь из них забирают в солдаты, это возмутительно, и это следует прекратить».

Командовать этой странной «армией» был назначен Тайра Корэмори, самурай, который отступил от Фудзигава. Под его началом были Тайра Митимори, Тайра Таданори, Тайра Цунэмаса, Тайра Киёфуса и Тайра Томомори. Они выступили 10 мая. Снабжение армии было так плохо организовано, что, когда они отошли всего на девять миль от Киото, у них кончились припасы. В дальнейшем армии предстояло кормиться с земли, уже опустошенной голодом и

эпидемией. Фуражиры действовали как грабители; Тайра подобно саранче уничтожали все, что нашлось на узкой полоске земли между озером Бива и горами. По иронии судьбы провинция Оми была исконной территорией Тайра, она выставила многих солдат для их армии. Опустошение полей, которые едва оправились от стихийных бедствий 1181 г., вынудило жителей бежать. Многие солдаты, несомненно, последовали их примеру.

Единственными людьми, которых ни мародерство, ни дезертирство солдат совершенно не волновало, были их командиры, не имевшие практически никакого военного опыта. Корэмори и Митимори уже ушли далеко вперед, а остальные военачальники остановились у озера Бива для знакомства с местными достопримечательностями и даже нашли время прокатиться на лодке, чтобы Цунэмаса, который считался одаренным поэтом, смог посетить знаменитый Бамбуковый остров и обрести вдохновение. «Так красиво было вокруг, что Цунэмаса со спутниками поспешили покинуть лодку и, выйдя на берег, любовались прекрасным видом».

Подобные эмоции, несколько смягчающие традиционный образ самурая, были не совсем уместны в обстоятельствах, когда армия, которой командовал поэт, разбегалась быстрее, чем продвигалась вперед.

Тем временем передовые отряды Тайра уже приближались к своему Рубикону. Древняя граница между Оми и самыми южными провинциями Хокурикудо, Вакаса и Этидзэн проходила по вершине хребта высотой 800 метров. Достигнув вершины, многие самурай, должно быть, остановились, чтобы взглянуть на сверкавшее в лучах солнца озеро Бива, посмотреть в сторону Киото, лежавшего где-то в пятидесяти милях к югу, и испытали наплыв более искренних чувств, чем те, что выражены в стихах Цунэмаса. Недаром равнины вокруг Киото именуются «внутренними» или «домашними» провинциями. Спускаясь вниз по склону, самурай навсегда терял из виду родные земли. Глядя на

длинный изгиб побережья Японского моря, на встающие на севере грозные скалы, он чувствовал, что не просто вошел в провинцию Этидзэн, но вступил на вражескую территорию.

Если Тайра и задавали себе вопрос, где же находится их противник, то вскоре их любопытство было удовлетворено. К 17 мая, примерно через неделю после того как войско покинуло столицу, авангард Тайра наткнулся на часть армии Ёсинака – гарнизон, который тот поставил в провинции Этидзэн, в месте, известном как Хиутияма. Занимаемая им позиция называлась Хиутидзё, или «Замок Хиути». Это была даже не крепость, а возвышенность, укрепленная частоколом, земляным валом и камнями. Строители «Замок Хиути», по-видимому, хорошо учли особенности местного рельефа. Он занимал выгодную позицию среди скал и расселин. Минамото сделали перед ним запруду, и поднявшиеся воды горной речки заполнили ров. Согласно «Хэйкэ моногатари», один предатель из гарнизона пустил стрелу с запиской в лагерь Тайра, посоветовав им разрушить плотину и осушить ров. Странно, что осаждавшие сами не додумались до этого, однако они последовали совету и вскоре сумели захватить укрепление.

Армия Тайра двинулась дальше. Крепость Хиути была взята к 20 мая. Пять дней спустя они вошли в провинцию Кага, где встретили еще один отряд Минамото у места, называемого Атака. Еще одна стычка дала Кисо Ёсинака представление о силах Тайра. Теперь он знал и их численность, и куда они направляются, к тому же мог судить и о моральном состоянии их войска. Что касается их маршрута, они, очевидно, стремились перейти горы, чтобы повернуть на восток через узкий перешеек полуострова Ното в провинцию Эттю, а затем двинуться на Этиго. Чтобы достичь Эттю, им необходимо было пересечь центральную горную цепь у ее северной оконечности, там, где она больше напоминает ряд высоких холмов, нежели горную гряду. Более чем вероятно, что Тайра собирались воспользоваться только одним горным проходом, а именно ущельем Курикара.

Очень трудно представить себе, основываясь на древних хрониках и преданиях, что же произошло в последующие несколько дней. Тайра, очевидно, разделили свое войско на две части, большая из которых осталась под командованием Корэмори и Митимори. Эта армия стала переходить центральный хребет через ущелье Курикара, намереваясь сделать привал на горе Тонамияма. «Хэйкэ моногатари» утверждает, что это Ёсинака заставил их устроить привал. Он понимал, что Тайра ищут сражения с ним, поскольку у них численное преимущество. У него уже был свой план, и для его осуществления необходимо было задержать всю армию Тайра на вершине перевала. Поэтому Ёсинака велел водрузить тридцать белых знамен на вершине холма Куросака напротив Тонамияма. Так он обманул Тайра, которые решили, что перед ними находится превосходящее их по силе войско, и потому спешили и устроились на отдых, сохраняя за собой преимущество позиции на возвышенности.

Ниже Тонамияма, там, где горный хребет пересекает проход, лежит долина Курикара. Ёсинака, несомненно, слышал историю о водоплавающих птицах Фудзигава. Он решил вновь применить подобную хитрость против Тайра, но в несколько ином варианте.

Ночь 1 июня 1183 г. Тайра провели в лагере на Тонамияма. Ёсинака тем временем собрал свои силы и послал отборные войска в обход, за ущелье Куросака, в тыл Тайра. Днем 2 июня отдельные его отряды стали завязывать стычки с Тайра, целью которых было задержать их и отвлечь их внимание до наступления темноты. Минамото буквально следовали всем экстравагантным формальностям, принятым в самурайских сражениях. Сперва обменялись свистящими стрелами с тупыми наконечниками, за ними последовали стрелы с острыми наконечниками, поединки и стычки между небольшими отрядами, наконец небольшое сражение, в котором с каждой стороны принимало участие по сотне воинов. Минамото не посылали им подкреплений, так что «состязание» затянулось. Когда стемнело, появились

«птицы», только на этот раз водоплавающих заменило стадо волов. Разъяренное стадо с привязанными к рогам сосновыми факелами врезалось во фланг Тайра. Немедленно все остальные Минамото, до поры скрывавшиеся в засаде, ринулись в гущу боя. Тайра дрогнули и стали быстро отступать. Как и планировал Ёсинака, единственным путем к спасению им показалось ущелье Курикара, в которое их намеренно оттесняли. Оказавшись в ущелье, «те, кто был сзади, кричали: «Вперед!», кто впереди – «Назад!», а самураи Минамото гнались за ними. Как сказано в «Хэйкэ моногатари», «уж на что глубоко ущелье Курикара, а и оно оказалось тесным, когда семьдесят тысяч всадников Тайра рухнули вниз, прямо в пропасть. Кровью заструились горные речки, горы трупов заполнили все ущелье. Сказывают, что и поныне в том ущелье, на скалах, видны следы стрел, царапины от мечей».

Это было первое поражение, понесенное Тайра с начала войны. Битва в ущелье Курикара, или битва при Тонамияма, стала поворотным моментом в истории войны Гэмпэй.

Соединившись со своим дядей, Минамото Юкиизэ, который, по своему обыкновению, успел потерпеть поражение от меньшего по численности войска Тайра, Ёсинака стал преследовать остатки армии Тайра, со всей возможной поспешностью отступавшие к столице. Минамото настигли их 12 июня у Синовара в Кага, где на следующий день произошло жестокое сражение. Битва при Синовара решающего значения не имела. Она примечательна главным образом благодаря одному эпизоду в самом конце. Ёсинака сидел на походном стуле и осматривал головы убитых врагов, когда к нему подошел самурай, который принес еще одну голову. Он был озадачен своим трофеем, поскольку перед поединком противник отказался сообщить ему свое имя. Убитый им самурай носил красный парчовый кафтан, какой носят военачальники, но при нем не было личной охраны. Ёсинака посмотрел на голову, и ему показалось, что он узнает черты Сайтоо Санэмори, человека, спасшего ему жизнь, когда

он был младенцем. Но волосы на отрубленной голове были черные, тогда как Сайтоо Санэмори к тому времени должен был уже состариться. Позвали одного из командиров, который хорошо знал Санэмори, и тот вспомнил, что когда-то Санэмори говорил ему:

«Если мне придется воевать на старости лет, я выкрашу волосы и бороду в черный цвет, чтобы выглядеть моложавым. Неразумно соперничать с молодыми и стараться превзойти их в проворстве и силе; но обидно, если станут презирать тебя за старость и пренебрегать тобою в сражении...»

Ёсинака вымыл голову в воде, и черная краска сошла с волос. Это действительно был Санэмори, который получил позволение от военачальников Тайра надеть красный парчовый кафтан в своем последнем, как он и думал, сражении.

Известие о поражении Тайра дошло до столицы и вызвало в ней панику. Стали готовиться к защите города от Ёсинака. Тайра Мунэнори обратился за помощью в Энрякудзи. Надменные монахи, непредсказуемые, как всегда, отвергли его просьбу и 11 августа открыли ворота монастыря перед армией Ёсинака. Спустя три дня Тайра покинули столицу, взяв с собой малолетнего императора Антоку, императорские регалии и большинство членов императорской фамилии. Исключением был старый и хитрый отрекшийся император Го-Сиракава, который поспешил присоединиться к Ёсинака.

17 августа 1183 г. государь-инок Го-Сиракава вернулся в Киото в сопровождении Минамото Ёсинака и Минамото Юкииэ. В первый раз после 1160 г. армия Минамото с триумфом вошла в столицу.

Глава IV

Падение дома Тайра

Минамото Ёсицунэ, брат Ёритомо, двоюродный брат Ёсинака и младший из оставшихся в живых сыновей Ёситомо, станет теперь предметом нашего повествования. Одной лишь воинской доблести Ёсицунэ было бы достаточно, чтобы его запомнили. Мало того, легенды сплели вокруг его имени такую паутину тайны и романтики, какой любой другой самурай мог бы только позавидовать. Большая часть настоящей главы и будет посвящена этому выдающемуся самураю, о котором в течение минувших восьми столетий было написано столько книг, пьес и поэм.

Ёсицунэ – идеальный самурай. Он непревзойден в воинском искусстве; у него есть архетипичный верный спутник; его отношения с прекрасным полом вносят в его жизнь элемент рыцарства; его конец как нельзя более трагичен. Все эти составляющие японского героя есть у Ёсицунэ, который родился в 1159 г., за год до злополучной смуты Хэйдзи, которая стоила жизни его отцу. Ёсицунэ был отдан в один из монастырей Курамадэра для постижения мирных наук священнослужителей, ибо Курамадэра был одним из немногих монастырей, в котором отсутствовали монахи-воины. Не удивительно, что юный Минамото, в жилах которого текла кровь стольких воинственных предков, не оказался предрасположен к монашеской дисциплине и стал тайно обучаться военному искусству. Легенды рассказывают, что наставниками Ёсицунэ в искусстве боя на мечах были тэнгу, жившие в горах маленькие лешие, полулюди-полуптицы. Ёсицунэ по ночам убегал из монастыря и упражнялся в фехтовании с этими способными созданиями. Тэнгу нашли в нем достойного ученика и обучили многочисленным выпадам, приемам защиты и нападения, парированию ударов веером и, как это ни странно, даже искусству драться чайником.

Около 1174 г. Ёсицунэ покинул Курамадэра, чтобы

совершить обряд достижения совершеннолетия под покровительством Фудзивара Хидэхира, чьи владения находились недалеко на Хонсю. По пути на север он имел случай проявить свои способности, убив нескольких разбойников. Впервые проявился и его интерес к противоположному полу, хотя и при весьма странных обстоятельствах. Ёсицунэ очень хотел прочесть одну книгу, китайский трактат о военном искусстве, который принадлежал магнату из дома Тайра. У магната была красивая дочь, которую Ёсицунэ задумал соблазнить. Сперва он играл на флейте под ее окном, привлекая ее внимание, затем добился ее расположения и посещал на протяжении шестнадцати ночей, довершая завоевание девицы и между делом читая книгу.

Примерно в то же время Ёсицунэ встретил Бэнкэя, монаха-великана, одного из популярнейших персонажей японской мифологии. Бэнкэй столь же известен, как и сам Ёсицунэ; можно провести интересные параллели между их приключениями и подвигами наших Робин Гуда и отца Тука. Мать Бэнкэя была беременна им в течение трех лет. Он родился очень крупным ребенком, с полным зубов ртом и длинными волосами. Поскольку он был большим проказником, его поручили заботам монастыря Энрякудзи. Со временем, впрочем, он проявил такую задиристость и живость характера, что даже монахам-воинам было с ним не совладать, и его вежливо попросили удалиться.

Покинув Энрякудзи, Бэнкэй нашел заброшенное святилище и устроил в нем монастырь для себя одного. Однажды ночью им овладело веселое настроение, и он решил подшутить над монастырем Миидэра, стоявшим неподалеку. В Миидэра был замечательный колокол, его чистый звук был знаменит на всю Японию. В ту ночь Бэнкэй пришел в Миидэра, срезал колокол с опоры и взвалил полтонны бронзы на свои могучие плечи. Далее, гласит легенда, не успел он зайти достаточно далеко в горы, как им овладело желание услышать звон своего новоприобретенного колокола. Он

поставил его на землю, вырвал молодое деревце и со страшной силой ударил в колокол. Увы! Вместо того чтобы зазвучать, колокол жалобно попросил, чтобы его вернули домой. Бэнкэй с отвращением пнул колокол, и тот покатился по склону. В конце концов он докатился до Миидэра, где возмущенные монахи потребовали, чтобы Бэнкэй повесил его на место. Бэнкэй согласился сделать это за котел бобовой похлебки. И котел и колокол по сей день хранятся в Миидэра как «доказательства».

Встреча Бэнкэя с Ёсицунэ произошла на мосту Годзё в Киото. Последним увлечением Бэнкэя стало коллекционирование мечей, к тому же чужих! У него уже было 999 изделий оружейного искусства, когда он увидел, подходя к мосту, молодого парня с великолепным мечом у пояса. Отобрать его оказалось, однако, не так-то просто. Ёсицунэ продемонстрировал Бэнкэю такой уровень фехтовального мастерства, что тот безоговорочно сдался и поклялся ему в вечной дружбе и служении. С тех пор имена Ёсицунэ и Бэнкэя были прочно связаны.

В 1180 г. Ёсицунэ стал исторической фигурой. После битвы при Фудзигава он воссоединился со своим братом Ёритомо и поступил к нему на службу в Камакура. Вышло так, что одно из первых данных ему поручений было направлено против одного из членов его семьи, его двоюродного брата Ёсинака.

Вступление армии Ёсинака в Киото потрясло Ёритомо не меньше, чем Тайра, к тому же Ёсинака вскоре стал там крайне непопулярен. Если раньше кое – кто из перепуганных горожан и готов был приветствовать его победоносных солдат как освободителей от ига Тайра, то очень скоро они осознали свою ошибку. Самураи Ёсинака и Юкииэ вели себя как орда, которой завоеванный город отдан на разграбление. Грубые горцы из Синано, дикие, свирепые и голодные, грабили равно и сторонников Тайра, и тех, кто поддерживал Минамото. Ёсинака и не пытался их остановить, а бывший император Го – Сиракава прекрасно знал, что Ёсинака не

политик. Он с удовлетворением отмечал, что между Ёсинака и Юкииз установились далеко не дружеские отношения. Двор покатывался со смеху, прохаживаясь по поводу манер этих двух деревенских увальней. Когда Го-Сиракава давал им аудиенцию, они поспорили из-за старшинства, а затем, всем на потеху, согласились на компромисс и вошли в зал бок о бок. Для человека, выросшего в изысканной атмосфере японского двора эпохи Хэйан, подобное поведение казалось неприемлемым.

К концу 1183 г. Ёсинака и Юкииз покинули Киото, чтобы найти и добить тех Тайра, которые отступили на свою территорию, к Внутреннему морю. Карательная экспедиция обернулась провалом. Ёсинака был без особого труда разбит при Мидзусима 17 ноября, а Юкииз потерпел поражение при Мураяма неделю спустя. Потерпев неудачу, оборванная и усталая армия Минамото вернулась в столицу.

Положение Ёсинака становилось день ото дня все хуже и хуже. Ёритомо посылал ему угрозы из Камакура, а Юкииз, поняв, что дело зашло слишком далеко, покинул его на произвол судьбы. Ёсинака рвал и метал. Он посадил Го-Сиракава под домашний арест, укрепил свой дом и даже предложил Тайра заключить союз против Ёритомо. В феврале 1184 г. все его планы потерпели крах, когда он узнал, что к Киото приближается большое войско во главе с Ёсицунэ.

Ёсинака остался в столице и послал двух лучших своих командиров удерживать переправу через Удзи. Он собирался использовать реку как естественный рубеж, подобно тому как четыре года назад это сделал Минамото Ёримаса, только защищал он теперь противоположный берег. По примеру Ёримаса он снял настил с моста через Удзи и в качестве дополнительной предосторожности вбил в дно колья с привязанными к ним сетями. Реку и без того было непросто решиться форсировать: она разлилась и была забита подтаявшим снегом.

Когда армия Камакура вышла к берегу, Ёсицунэ едва сумел удержать своих воинов, которые все как один готовы

были броситься в воду, подражая деяниям своих героев. Хатакэяма Сигэтада уже готов был направить своего коня к берегу, когда его внимание привлекли два воина выше по течению, которые очевидно собрались устроить собственные гонки через реку. Их звали Кадзивара Кагэсуэ и Сасаки Такацуна, и их соперничество при Удзи, пожалуй, вдохновило больше художников, чем любой другой эпизод из истории самураев. Есть множество цуба, ксилографий и ширм, изображающих этот эпизод и хитрость Сасаки, которая помогла ему одержать победу в этом состязании. «Кадзивара скакал впереди, обогнав Сасаки примерно на шесть кэн. «Эй, господин Кадзивара, – крикнул ему Сасаки. – Осторожней, у тебя ослабла подпруга, затяни-ка ее потуже!» Кадзивара, как видно, поверил. Он бросил стремяна, закинул повод коню на шею, распустил и заново затянул подпругу. Тем временем Сасаки промчался мимо и на всем скаку бросился в реку.

Кадзивара понял, что соперник обманул его, и поспешил вдогонку, но догнать не смог, хотя Сасаки и наткнулся посередине реки на сети и ему пришлось разрубать их мечом. Таким образом Сасаки Такацуна стал первым, кто переправился через Удзигава.

Вслед за этим произошел еще один забавный случай. Конь Хатакэяма Сигэтада был убит под ним, и ему пришлось добираться вплавь. Когда он уже достиг противоположного берега, кто-то повис на нем сзади. То был молодой самурай по имени Огути Сигэтика. Хатакэяма хорошо знал Огути, ибо сам надел на него шапку взрослого при обряде совершеннолетия. Под ним тоже убили коня, и он был слишком слаб, чтобы самому выбраться из реки. Хатакэяма схватил его и вытолкнул на берег. А тот, едва коснувшись земли, вскочил, выхватил меч и закричал: «Я, Сигэтика Огути из Мусаси, первым преодолел реку Удзи в пешем строю!» После переправы поражение Ёсинака последовало столь же быстро, как и разгром Ёримаса в 1180 г. Минамото Нориёри, другой брат Ёсицунэ, перешел Удзи у Сэта, и теперь обе армии двинулись на Киото. Конец Ёсинака был близок. «Год

назад он прибыл из Синано с пятидесятитысячным войском, теперь он бежал вдоль русла реки всего с шестью приближенными, уже затерявшись в мрачных сумерках нижнего мира».

С ним ехала его жена, Томоз Годзэн. То была известная своей храбростью женщина-воин. Со своим братом, Имаи Канэхира, она вслед за Ёсинака устремилась в его последнюю отчаянную атаку против самураев Ёсичунэ. Отрубив голову одному из них, она сбросила боевые доспехи и пустила коня на восток. Тогда Имаи предложил Ёсинака укрыться в роще и совершить харакири, а он тем временем задержал бы врагов. «Хэйкэ моногатари» так описывает то, что произошло вслед за этим: Ёсинака один-одинешенек мчался к сосновой роще Авадзу. А дело было в двадцать первый день первой луны, уже пали ранние сумерки, земля подернулась тонким льдом. Не заметив, что впереди раскинулось глубокое заливное поле, он направил туда коня и провалился в жидкую грязь так глубоко, что конь погрузился в воду чуть ли не с головой. Привстав на стремянах, Ёсинака понукал и хлестал коня, но тот не двигался с места. Тревожась о судьбе Канэхира, Ёсинака оглянулся, и в этот самый миг скакавший за ним вдогонку Тамэхиса Исида, самурай из клана Миура, с силой натянув тетиву, послал стрелу прямо ему в лицо. Тяжко раненный, Ёсинака поник, рухнул вперед, уткнувшись головой в конскую шею. Тут к Ёсинака подскочили два челядинца Исида и сняли ему голову с плеч. Исида надел голову Ёсинака на кончик меча, вскинул высоко вверх и громовым голосом возгласил: – Я, Тамэхиса Исида, одолел Ёсинака из Кисо, чья слава давно гремела по всей Японии! Тем временем Канэхира все продолжал сражаться, но, услышав голос Исида, воскликнул: «– Зачем же мне теперь биться, кого защищать?! Глядите же сюда, восточные витязи! Глядите, как принимает смерть первый храбрец Японии!» – и, вложив кончик меча в рот, прыгнул с коня вниз головой, так что меч пронзил его насквозь, и Канэхира пал мертвым.

Со смертью Ёсинака война Гэмпэй вступила в свою

последнюю стадию, неразрывно связанную с именем Ёсицунэ. 13 марта 1184 г. Ёсицунэ и Нориёри отправились довершить то, что не удалось их двоюродному брату – окончательный разгром Тайра.

У Тайра было одно большое преимущество – теперь они сражались на своей земле. Традиции мореплавания, которые сложились у Тайра, когда они умирляли пиратов, также стоило принять во внимание. Покинув столицу, они усилили свои базы вдоль побережья Внутреннего моря. Одна из них была расположена на острове Хикосима, в узком проливе между Хонсю и Кюсю. Вторая была на Ясима, у побережья Сикоку, третья – в Сэтцу, недалеко от современного города Кобэ. Поскольку Тайра имели много судов и умели с ними обращаться, их позиции были весьма сильны.

Ёсицунэ решил сосредоточить свои силы сперва против базы около Кобэ, которая называлась Фукухара и которую защищала крепость Ити-но-тани. Замка там не было, только частокол, хотя и очень прочный. Место для нее было выбрано очень удачно, особенно с точки зрения семьи, связанной с морем, поскольку в Ити-но-тани высокие утесы окружают узкую полоску земли и побережья. Эти утесы образовывали северную стену крепости, а с юга находилось море, где стоял на якоре флот Тайра.

Минамото разработали следующий план штурма: Нориёри должен был двигаться вдоль берега с востока, а Ёсицунэ намеревался обойти крепость вокруг, через Сэтцу, и одновременно с Нориёри нанести удар с запада. Если бы удалось проделать все это быстро и слаженно, у них появился бы шанс прорвать линию обороны Тайра прежде, чем те успеют взять императора и выйти в море.

Ночью 18 марта армия Ёсицунэ обошла Микусаяма, один из форпостов Тайра, примерно в двадцати милях к северу от Ити-но-тани. Затем он повернул на юг и выслал вперед Дои Санэхира с основной частью войска, а сам с небольшим отрядом самураев направился к обрыву в тылу крепости. Когда он и его люди достигли вершины утеса, они

увидели, что сражение уже началось. Бой был жарким, но ни одна из сторон не уступала. С Ёсицунэ было около двухсот самураев, включая Бэнкэя, который нашел проводника, указавшего, где можно взобраться на скалы и зайти противнику в тыл. Спуск был столь крут, что там, как говорили, не могла бы спуститься и обезьяна. Чтобы проверить это, Ёсицунэ послал по тропинке двух коней без всадников. Когда они благополучно спустились, Ёсицунэ решил, что его люди, в конце концов, не хуже обезьян, и последовал за ними. Так крут был спуск, что стремяна ехавших позади касались шлемов тех, кто был впереди! Ноги коней скользили по песку и гальке, покрывавшим утесы; в одно мгновение всадники пролетели почти два тё и задержались на небольшом плоском выступе. Отсюда, на глубине четырнадцати-пятнадцати дзё, взору открылись островерхие, одетые мхами отвесные скалы. Назад путь уже был отрезан, но и вперед, казалось, двинуться невозможно... Тем не менее они спустились вниз и атаковали незащищенный тыл Тайра. На скаку они поджигали все, что могло гореть, а Тайра бросились к лодкам. Императора уже приняли на борт, так что по крайней мере одного трофея Минамото лишились. Похоже, что и куча голов, отрубленных в тот день не обещала быть значительной, поскольку знатные самураи дрались за места в оставшихся лодках и выкидывали простых солдат в море.

Тем, кто остался, предстояла отчаянная борьба, детально описанная в «Хэйкэ моногатари». Первым погиб Тайра Таданори, победитель при Удзи, уцелевший в сражении при Курикара. Он пробивался к берегу, «как вдруг его заметил Тададзуми Окабэ из клана Иномата». «Вот славный противник!» – подумал Тададзуми, помчался вдогонку, подгоняя коня хлыстом, колотя стремянами, и, приблизившись, крикнул: «– Что за человек, кто таков? Назовись!» «– Свой!» – оглянувшись, отвечал Таданори, но в этот миг Тададзуми заметил блеснувшие из-под шлема покрытые чернью зубы. «Среди наших воинов нет ни одного,

кто чернил бы зубы. Это вельможа Тайра!» – подумал он и, поравнявшись, схватился с правителем Сацума. Увидев это, все воины Таданори врассыпную бросились наутек, ни один не пришел на помощь своему господину, ибо все они были наемниками, взятыми из разных земель. Первая голова благородного Тайра скатилась на землю. Тем временем его племянник Сигэхира также пробирался к лодкам. Его быстрый конь оставил позади всех преследователей, но тут стрела поразила его в крестец. Он соскочил с коня и бросился в воду, чтобы утопиться, но попал на мелководе. Тогда он выхватил кинжал, намереваясь совершить харакири. В этот миг к нему подскочил один из самураев Минамото и взял его в плен – довольно необычный поступок для того времени.

На другом конце пляжа имел место один из самых знаменитых поединков в истории самураев. Кумагай Наодзанэ ехал по узкой тропе, надеясь перехватить какого-нибудь знатного Тайра, «и вдруг увидел: какой-то воин на скаку бросился в воду вместе с конем и уже проплыл несколько таньов, направляясь к судну, дрейфовавшему поодаль. На всаднике был светло – зеленый панцирь, книзу переходящий в темно-зеленый, на кафтане вышиты журавли, на голове двурогий шлем, у пояса меч с золотой насечкой, конь – серый в яблоках, под седлом, украшенным позолотой». «Несомненно, это знатный военачальник!» – подумал тут Кумагай. – Эй, вернись! Стыдно показывать врагу спину! – крикнул он и, развернув веер, стал махать им, призывая беглеца возвратиться. И тот принял вызов, повернул коня и вернулся. Едва он поднялся на берег, как противники поравняли коней, схватились и оба рухнули наземь. Кумагай сдавил врага, прижал к земле и уже сдвинул с него шлем, чтобы снять голову, как вдруг видит: перед ним юноша не старше семнадцати лет, лицо слегка набеленное, зубы покрыты чернью, почти ровесник Наоиэ, его собственному родному сыну... Его сын был ранен во время атаки на частокол, Кумагай пожалел юношу и уже готов был отпустить его, когда заметил, что их уже со всех сторон окружили

самураи Минамото. – Раз уж все равно тебе погибать, – сказал Кумагай, – лучше умри от моей руки, а я буду молиться за твою душу! – Не медли же, рази поскорей! – отвечал юноша. От великой жалости сердце Кумагая, казалось, остановилось; не в силах собраться с духом, он не знал, куда направить удар. Но бесконечно медлить было нельзя – и, обливаясь слезами, он снял юноше голову. Немного погодя он снял шлем с отрезанной головы и хотел уже завернуть ее в кусок ткани, как вдруг заметил флейту в парчовом футляре, заткнутую за пояс убитого. – Несчастный! Это он играл сегодня утром на флейте в крепости Тайра! Велико наше войско, десятки тысяч воинов, но не сыщешь ни одного, кто взял бы с собой флейту в боевой стан! У знатных вельмож и впрямь нежная, утонченная душа! – подумал Кумагай. Потом он показал эту флейту Ёсицунэ, и все, кто был при этом, пролили слезы. И узнал тогда Кумагай, что убитый – юный Ацумори, семнадцатилетний сын Цунэмори, главы Ведомства построек.

С тех пор Кумагай обратился к религии, а история гибели юного Ацумори вошла в самурайскую мифологию.

Ити-но-тани было великим поражением для Тайра. Десять родственников покойного Киёмори были убиты, а один взят в плен. Единственным лучом надежды было бегство малолетнего императора на базу Тайра в Ясима.

Наступил шестимесячный перерыв в военных действиях, пока Ёритомо высылал Ёсицунэ подкрепления из Камакура. Ёсицунэ должен был преследовать Тайра на море, а тем временем его брат Нориёри продвигался вдоль берега Внутреннего моря к базе Тайра на Хикосима. 8 октября 1184 г. Нориёри выступил на запад. Он был не столь значительной фигурой, как его знаменитый брат, однако задача ему выпала нелегкая. Его путь лежал через земли, подвластные Тайра и населенные сторонниками Тайра, к тому же Тайра полностью контролировали морские пути. Его коммуникации безнадежно растянулись: мы вновь видим армию, которая пытается добыть пропитание на уже опустошенной территории. У Тайра имелся форпост на Кодзима, на берегу

Внутреннего моря, где Тайра Томомори, который бежал из Ити-но – тани, дал Нориёри единственное за всю кампанию настоящее сражение. Оно интересно тем, что в этой битве самурай по имени Сасаки Морицуна совершил необыкновенный подвиг. Он был старшим братом Сасаки Такацуна, того самого, который выиграл знаменитые гонки через Удзигава. Морицуна превзошел своего брата тем, что переправился верхом через узкий пролив, отделявший Кодзима от суши, и повел Минамото в бой. За этим единственным исключением, все остальное время армия Минамото просто брела вдоль берега. К февралю 1185 г. Нориёри стал отправлять донесения в Камакура, описывая упадок духа и вялость своих солдат. Он предупредил Ёритомо, что многие из них давно бы дезертировали, будь у них такая возможность. Он также просил коней и лодки, поскольку они застряли на западном Хонсю и не могли переправиться на Кюсю. В конце концов несколько лодок для них нашлось, и утомленная армия «вторглась» на Кюсю. Один из самураев, ослабший от недоедания, продал свои доспехи и купил лодку, чтобы помочь товарищам переправиться.

В то время как Нориёри продвигался на запад, вся слава досталась его младшему брату. В гавани Ватанабэ по крохам был собран флот, чтобы нанести удар по Ясима, базе Тайра на Сикоку. В первый раз Минамото спускались на воду – перспектива, пугавшая многих самураев с гор. Кадзивара Кагэтоки, который спас жизнь Ёритомо во время случая с «лесными голубями», был особо скептически настроен в отношении приготовлений Ёсицунэ к выходу в море. Он как-то заметил Ёсицунэ, что расположение весел на кораблях не позволит им в случае чего быстро развернуться, и предложил поставить «оборотные весла». – «Мы и не собираемся отступать», язвительно ответил Ёсицунэ, и его слова задела Кадзивара. Стратегия набега на Ясима сводилась к тому, чтобы любой ценой избежать морского сражения с Тайра, которое Минамото наверняка проиграли бы. Вместо

прямого пути на Ясима они намеревались обойти с юга остров Авадзи, высадиться на побережье Сикоку примерно в тридцати милях от Ясима и уже оттуда начать наступление.

Ясима представляет собой вулканическое плато, которое в настоящее время соединяется молом с Сикоку, но в эпоху войны Гэмпэй этот островок был отделен от суши узким и мелким проливом, который могли преодолеть и всадник и пехотинец. Тайра, несомненно, должны были выставить посты на этой стороне плато, но, несмотря на наличие естественных укреплений на вершине острова, они устроили свою базу на побережье напротив Сикоку, где на мелководье стоял их спасительный флот.

К середине марта Ёсицунэ завершил свои приготовления, и около 22 марта флот вышел в море. Погода была отвратительная, бушевал шторм, что, как надеялся Ёсицунэ, должно было придать их атаке элемент неожиданности. Самураи не разделяли его энтузиазма, и некоторых буквально пришлось загонять на корабли острием меча. Они плыли всю ночь, подгоняемые бурей, и утром высадились на Сикоку. Как только самураи пришли в себя, они оседлали коней и устремились к Ясима.

На Ясима Ёсицунэ использовал ту же «визитную карточку», что сработала в битве при Ити-но-тани. Все, что могло гореть, было подожжено, и под прикрытием дымовой завесы небольшой отряд Минамото направился к морю. Императора вновь приняли на борт, однако, вместо того чтобы сразу выйти в открытое море, корабли Тайра выстроились в узком проливе, намереваясь перед отплытием нанести удар по Минамото. Те переправились верхом по мелководью и дали бой находившимся в лодках самураям Тайра. Сам Ёсицунэ отличился в этом необычном сражении. В пылу битвы он уронил в море свой лук и стал его вылавливать. Спутники крикнули ему, чтобы он не рисковал жизнью ради лука. Он, однако, упорствовал и все-таки достал лук. «Я поступил так не потому, что дорожу луком, – отвечал Ёсицунэ. – Будь у меня мощный лук, согнуть который под

силу разве двоим или троим людям, или такой же огромный лук, какой был у дяди моего Тамэтомо, я нарочно уронил бы его, чтобы враги подобрали... Но я не хотел, чтобы враг поднял слабенький лук и насмеялся: глядите, вот, оказывается, каков лук у Куро Ёсицунэ, военачальника Минамото!» Самый известный эпизод в битве при Ясима связан с тем, что на одном из судов Тайра кому-то пришла в голову мысль укрепить на мачте веер, как бы приглашая Минамото сбить его, вероятно, для того, чтобы они впустую потратили стрелы. Веер, алый с золотым кругом, трепетал на ветру и на качающейся лодке представлял собой довольно трудную мишень. Сбить его вызвался восемнадцатилетний самурай по имени Насу Мунэтака. Он стеснялся показывать свое мастерство в присутствии стольких зрителей, но все-таки решил попробовать. Достав гудящую стрелу-«репу», он вложил ее в лук. Стрела попала в рукоять веера и сшибла его. «Подхваченный порывами весеннего ветра, мгновение-другое парил он в воздухе, сверкая в лучах заката, но в конце концов упал в море». Впоследствии потомки Мунэтака сделали веер с солнечным диском своим мон – гербом рода.

Солнце уже садилось, и Тайра укрылись в заливе Сидо, к востоку от Ясима. Минамото переправились на Ясима и смыли кровь и соленую воду с доспехов в пруду, который существует по сей день. Это была разумная предосторожность против ржавчины, которая очень скоро разъела бы те места, где потрескался лак. Тайра задержались в Сидо еще на день, а затем отплыли в свой последний оплот на Хикосима. Их потери при Ясима были невелики, но решение отправиться на Хикосима, где Нориёри контролировал побережье, оказалось для них роковым.

Успех Ёсицунэ был теперь главным его козырем. Вожди самураев видели, как он дважды разбил Тайра в бою, и поспешили связать свою судьбу с белым стягом Минамото. Ёсицунэ был особенно рад принять клятву верности от нескольких самураев-мореплавателей, которые помогли доставить армию Минамото к месту одной из самых

решающих битв в истории Японии – Дан-но – ура.

Ситуация накануне битвы, 24 апреля 1185 г., складывалась следующая: флот Тайра под командованием Тайра Томомори базировался на Хикосима, откуда они могли контролировать западные подходы к проливу Симоносэки. Флот Минамото быстро подходил со стороны Сикоку, когда флот Тайра покинул базу и вышел в море, как они обычно поступали со времен Ити-но-тани. Они плыли на восток по проливу, пока не поравнялись с Та-но-ура на Кюсю, в нескольких милях к востоку от современного города Кита-Кюсю. В это же время флот Минамото подошел к острову Мандзусима. Теперь оба флота стояли всего в двух милях друг от друга.

Тайра были уверены в себе. В войне на море они бесспорно были опытнее Минамото, однако благодаря недавно заключенным Ёсицунэ союзам флот Минамото превосходил их численностью: соотношение было примерно 850 к 400, и новые союзники Минамото управлялись с кораблями не хуже Тайра. Тайра Томомори обратился с проникновенной речью к членам своего клана, напомнив им, что на этот раз отступать будет некуда. Им следует не страшиться за свою жизнь, а сражаться как можно храбрее. Затем Тайра Кагэкиё призвал своих самураев прежде всего вступить в схватку с Ёсицунэ. «Узнать его будет нетрудно, – сказал он, – он лицом бел, ростом мал, зубы торчат вперед». Единственный самурай, в верности которого Томомори сомневался, был некий Тагути Сигэёси. Подозревая его в предательских замыслах, Томомори спросил у Мунэмори позволения на всякий случай его обезглавить. Но эта просьба была отвергнута, и поскольку сражение уже начиналось, Сигэёси позволили занять место в боевом порядке Тайра. В качестве меры предосторожности императора поместили на обычный корабль, а увешанный вымпелами флагман служил прикрытием. Суда, которые они использовали, были очень простыми. Никакого собственного вооружения они не имели и служили лишь в качестве плавучих платформ для самураев.

Минамото выстроили свои суда в линию, а Тайра разбились на три эскадры. Сражение началось между 6 и 8 часами утра 15 апреля 1185 г. напротив пляжа на Хонсю, известного как Дан-но-ура. Тайра воспользовались приливом, и течение понесло их суда на восток, на флот Минамото. Когда их передовые суда подошли на расстояние около 300 метров, завязалась перестрелка. Течение было несильным, и стрелки Тайра поразили многих противников. Казалось, сражение разворачивается так, как они хотели, и Томомори старался использовать это преимущество, насколько позволяли обстоятельства.

Около 11 часов два флота сблизилась, и вокруг Ёсицунэ разгорелась жестокая схватка. Тайра Норицунэ едва не захватил его в плен, проложив себе путь на судно Ёсицунэ. Ёсицунэ спасся, перебравшись на другую лодку, а тем временем три самурая набросились на Норицунэ. Он столкнул одного за борт, а двух других обхватил руками и бросился в море. Два фактора, однако, существенно изменили ситуацию. Во-первых, изменилось направление приливного течения, и теперь преимущество было на стороне Минамото, которые со скоростью восьми узлов теснили Тайра к Дан – но-ура. Вторым фактором стала измена Тагути Сигэёси, который внезапно спустил красный флаг Тайра и покинул их строй, чтобы присоединиться к Ёсицунэ. Поднявшись на борт корабля Ёсицунэ, он раскрыл ему местопребывание императора, и тогда все силы Минамото были брошены против одного корабля.

Еще большее смятение среди Тайра вызвал отданный Ёсицунэ приказ лучникам сосредоточить огонь на гребцах и рулевых. Вскоре многие суда Тайра уже беспомощно дрейфовали по течению, Минамото обступили их со всех сторон, и Томомори понял, что все потеряно. Он взобрался на борт судна, где находился малолетний император, чтобы сообщить, что сражение проиграно и единственным выходом остается самоубийство. Бабка императора, вдова Киёмори, взяла восьмилетнего государя за руку, и они медленно

подошли к борту корабля. Здесь они вознесли молитвы Великой богине в Исэ и Будде и со словами: «Там на дне, под волнами, мы найдем другую столицу» бросились в волны.

Тут началось самое трагическое массовое самоубийство в истории самураев. Мать императора бросилась в море вслед за ними, но ее выловил один из самураев Минамото, подцепив за волосы боевыми вилами. Жена Сигэхира тоже собиралась броситься в воду, но стрела пригвоздила край ее одежды к борту судна, заставив выронить шкатулку, которую она несла. Оказалось, что в ней находилось священное зеркало, одна из императорских регалий. Священный меч уже бросили в море. Тайра Норимори и Цунэмори тем временем привязали к своим доспехам по тяжелому якорю и бросились в море, взявшись за руки. Так же поступили другие члены семьи – Сукэмори, Аримори и Юкимори. Однако Мунэмори, слабый духом, стоял в нерешительности, пока один самурай, которому подобное поведение вождя показалось отвратительным, не толкнул его в воду. Мунэмори оказался хорошим пловцом и продержался на воде до тех пор, пока Минамото не взяли его в плен. Его мать высказалась по поводу его трусости, прежде чем броситься в воду с юным императором. Она якобы сказала даже, что Мунэмори – сын вовсе не прославленного Киёмори, а торговца зонтиками, который согласился отдать его в обмен на новорожденную девочку. Последним в тот день покончил с собой Тайра Томомори. Он бросился в море, облачившись в два комплекта доспехов.

О скорбный вид! Алые знамена, алые стяги, брошенные, изорванные, плавали в море, как багряные кленовые листья, что устилают воды реки Тацута, сорванные порывами бури. Алым цветом окрасились белопенные волны, набегающие на берег. Опустевшие судна, потерявшие кормчих, гонимые ветром, увлекаемые течением, качались на волнах и уносились в неведомые морские дали...

Сражение при Дан-но-ура закончилось полным уничтожением клана Тайра. Едва ли кто из упомянутых здесь

членов этого рода уцелел в этом бою, и после Дан-но-ура имя Тайра исчезает со страниц японской истории. Ни одна из побед в истории самураев не была столь полной, как эта. Сами масштабы побоища, жертвой которого стал целый клан, отвели ему достойное место в многообразном мире японских рассказов о призраках. Массовая гибель стольких людей не могла не произвести впечатления и на местных жителей. В течение многих столетий моряки боялись заходить в воды Дан-но-ура, опасаясь встречи с неугомонными призраками Тайра, обреченными бродить среди волн. Фантазия крестьян рисовала целые призрачные армии, выходившие из моря с бездонными черпаками, которыми они пытались очистить его от вековой скверны. Существует известная легенда о крабах хэйкэ, в панцирях которых заключены души мертвых самураев (при избытке воображения действительно можно разглядеть в их панцирях очертание человеческого лица).

Война Гэмпэй подошла к концу, и Минамото Ёритомо, «властитель Камакура», стал реальным правителем Японии. Меры, которые он принял для укрепления своего положения, сильно отличались от методов Тайра и Фудзивара. Ёритомо решил править из Камакура, и в 1192 г. принял титул сэйи-тай – сёгуна. Титул сёгуна, или «главнокомандующего, покоряющего варваров», был до тех пор временным – император его давал военачальнику, которому поручалось подавить какой-нибудь мятеж. Ёритомо превратил этот временный титул в постоянный – данное ему новым императором поручение исполнялось до 4 января 1868 года! Таким образом Ёритомо установил наследственную военную диктатуру, которая навеки должна была принадлежать роду Минамото, получившую название сёгунат, или бакуфу – последнее слово происходит от маку, больших полотен, которые окружают ставку полководца на поле боя. Сёгунат стал правительством самураев, состоявшим из самураев и действовавшим в интересах самураев. Институт императорской власти был сохранен, но вся реальная политическая власть перешла в руки самураев, единственной

силы, которая осталась в стране. Они и стали настоящими победителями в войне Гэмпэй.

Что касается величайших из самураев, то их награда была невелика. Зависть и подозрительность привели к тому, что Ёритомо стал преследовать Ёсицунэ. Собственного брата, человека, который помог ему достичь столь высокого положения, он объявил вне закона. После Дан-но-ура за Ёсицунэ в течение четырех лет охотились по всей Японии, как за диким зверем. С горсткой верных соратников, включая неизменного Бэнкэй, он ухитрился уходить от шпионов брата и преследовавших его армий. Эти приключения превратили Ёсицунэ в мифологическую фигуру, вдохновлявшую многие поколения художников и драматургов. Путешествуя по морю, он встречал призраки Тайра, а один случай, когда он едва сумел уйти от преследователей, достоин особого упоминания, поскольку иллюстрирует характер взаимоотношений между самураем и его слугой.

Ёритомо устроил несколько застав на дорогах, чтобы найти Ёсицунэ, который, как ему сообщили, странствовал в облике ямабуси (бродячего буддийского монаха). Когда Ёсицунэ и его люди дошли до одной из этих застав, Бэнкэй сумел убедить стражников, что они действительно ямабуси, и даже собрал пожертвования на восстановление Тодайдзи. Они уже собирались пройти через заставу, когда одному бдительному стражу показалось, что он узнал Ёсицунэ, и он приказал им остановиться. С удивительным присутствием духа Бэнкэй повернулся и ударил Ёсицунэ посохом, велел ему поторапливаться и не задерживать их в пути. И стражник пропустил их, поверив, что они настоящие монахи, ибо ни один слуга не дерзнул бы ударить своего господина.

Скитания Ёсицунэ закончились на берегу Коромогава, на севере Хонсю, где он и его соратники приготовились сразиться с армией сёгуна. Их вскоре разбили, и Бэнкэй остался, чтобы задержать врага и дать Ёсицунэ удалиться и совершить харакири. Бэнкэй стоял с нагината в руках, и так страшен был его вид, что никто не решался приблизиться к

нему, пока один самурай не промчался мимо него на коне. Поднятый им вихрь коснулся Бэнкэя, тот упал, и лишь тогда самурай сёгуна поняли, что он был уже некоторое время мертв. Ёсицунэ между тем совершил харакири или, как считали некоторые, бежал на материк, где присоединился к монголам и принял имя Чингис-хана. С этого момента легенда превращается в чистую фантастику; несомненно лишь то, что Ёсицунэ остается архетипичным японским героем, одиноким странствующим рыцарем, чей конец трагичен и в чьих встречах с призраками и героями мы видим последние отблески героического мифа. С этого момента самурай, при всей их легендарной храбрости, твердо становятся обеими ногами на землю.

Оставив в стороне легендарные аспекты войны Гэмпэй, мы можем рассматривать ее как время коренных изменений в жизни Японии. К 1180 г. Тайра в совершенстве освоили технику интриг и изучили известные тогда пути к власти, но были низвергнуты, потому что их методы к тому времени уже устарели. В 1185 г. Минамото взяли власть силой оружия и укрепили ее, распространив на всю Японию то, что Ёритомо создавал в Канто – феодальную диктатуру, основанную на военной силе.

Власть Ёритомо стала абсолютной, когда в 1186 г. он уничтожил Минамото Юкиэ, а в 1193 г. – Нориёри. Эта верховная власть не принесла ему славы. В то время как любой японский школьник знает сказки о Ёсицунэ и Бэнкэе, имя Ёритомо принадлежит бесстрастному миру политической истории, а не волнующему самурайскому эпосу. В 1199 г. Ёритомо упал с коня и сильно разбился, от чего впоследствии и умер. В народе говорили, что его конь взбрыкнул, увидев призрак Ёсицунэ, и эта легенда верно отражает сложившееся о нем мнение.

Глава V

Звездный час самураев

Со смертью Минамото Ёритомо дом Минамото, который так стремительно возвысился во время войны Гэмпэй, столь же быстро пришел в упадок. Через тридцать лет после основания сёгуната в Камакура третий и последний сёгун Минамото был убит, а его место занято представителем клана Ходзё. В течение полутора веков власть сёгуна была под контролем этой семьи. При этом они уважали традицию, согласно которой титул сёгуна должен был принадлежать семье Минамото, и поэтому принимали титул сиккэна, или регента. Таким образом сёгун, который прежде манипулировал марионеточным императором, сам стал марионеткой регентов Ходзё. Именно при Ходзё, а не при Минамото военное правительство Японии пережило свой самый серьезный кризис – монгольские вторжения 1274 и 1281 гг. Попытки монгольского завоевания интересны прежде всего тем, что это единственный случай в истории самураев, когда Япония подверглась вторжению извне. Это потребовало от самураев, которые в течение двух веков сражались только между собой и которым пришлось теперь столкнуться с внешним врагом, чьи методы ведения войны были отличны от их собственных, радикальной переоценки своего состояния. Кроме того, это был первый случай в истории Японии, когда самураи выступили как ядро японского общества, когда японцы консолидировались и осознали себя единой нацией.

Прежде чем описывать монгольское вторжение, необходимо рассмотреть несколько моментов, связанных с тем, что происходило в Японии в течение столетия после войны Гэмпэй. В стране произошли большие изменения, поскольку конец XII и начало XIII века в Японии были временем возрождения религиозной жизни. Читатель может вспомнить о деятельности монахов-воинов, которая привела к практически полному уничтожению таких традиционных центров монашества, как монастыри Нара и горы Хиэй. После

войны Гэмпэй Ёритомо руководил восстановлением храмов в Нара и способствовал возрождению буддизма в обоих центрах. Однако гораздо больший вклад в развитие буддизма в Японии в то время был сделан не старыми монастырями, а горсткой новых сект: некоторые из них возникли перед самой войной Гэмпэй и разрослись в начале XIII в. Первая из этих сект была основана монахом по имени Хонэн Сёнин, который родился в 1133 г. Глядя на жизнь того времени в контексте гражданских распрей, предательства и насилия, не стоит удивляться тому, что японцы стали восприимчивы к учению, говорившему о бренности этой жизни и дававшему надежду на лучшее в будущей. Его секта Дзёдо – «Чистая Земля» – призывала своих приверженцев смотреть на этот мир как на мир зла и греха, в котором невозможно достичь состояния Будды. Поэтому им следует отказаться от погони за тенью и уверовать в то, что придет после смерти, когда благодаря вере в Будду Амиду он обретут блаженство. Войти в «Чистую Землю», говорил Хонэн, можно только посредством молитвы, и он показал пример своим последователям, повторяя имя Амиды до 60 000 раз в день.

Учение Хонэна дало еще одну боковую ветвь секты Дзёдо, под названием Дзёдо-синсю – «Истинная секта Чистой Земли». Ее основатель, Синран Сёнин, начал проповедовать около 1224 г., когда завистливые монахи с горы Хиэй добились того, что его сослали в Канто. Он учил, что спасение, обещанное сектой Дзёдо, не обязательно откладывать до смертного часа, что его можно получить прямо сейчас. «Провозгласите имя Амиды, – гласило послание Синрана, – и вы будете спасены немедленно!» Он отвергал такие религиозные процедуры, как чтение заклинаний и умерщвление плоти, предлагая ограничиваться только молитвой. Еще больше он разозлил монахов с горы Хиэй, отбросив принцип безбрачия духовенства и буддийский запрет на употребление мяса. Отмена этих ограничений привлекла в секту многочисленных приверженцев, и в полной мере ее сила проявилась во время волнений XV в.

Дзёдо и Дзёдо-синсю отвечали запросам простого народа. Самураев же больше привлекала другая буддийская секта, хорошо известная на Западе, а именно Дзэн. «Дзэн-буддизм» для нас стало столь привычным словосочетанием, что для многих Дзэн является синонимом буддизма. Секта Дзэн пришла в Японию в VII в., но не получила распространения до тех пор, пока монах Эйсай не реанимировал ее в 1192 г. Изложить все тонкости учения Дзэн в нескольких словах – задача, достойная Дзэн; достаточно сказать, что Дзэн – это секта созерцания, которая рассматривает спасение как нечто приходящее скорее изнутри, нежели извне. Основным инструментом познания в Дзэн является медитация. Верующий должен избавить свое сознание от всех мирских помыслов и желаний. Сделав это, он приходит к постижению закона и природы Будды, не подпадая под влияние других противоречивых учений. Каким же образом мистическое созерцательное учение нашло такой сильный отклик среди самураев, которые были людьми действия? Ответ, вероятно, заключается в том, что собственно предлагало учение Дзэн. Оно провозглашало путь спасения, который верующий сам избирает для себя, а это должно было нравиться носителям меча и лука. К тому же практика его была суровой, а требования спартанскими, что значительно сокращало путь от залов Камакура до коридоров созерцания. Наконец, медитативная практика Дзэн извлекала человека из его бытия, переносила его на более высокий, нежели его повседневное окружение, уровень – туда, где он мог постичь свою судьбу и изменить ее. Короче говоря, учение Дзэн давало философскую базу, идеально соответствующую тем самурайским идеалам, которые зародились в XI в. и сформировались в эпоху войны Гэмпей.

Следует рассмотреть еще один аспект религиозного возрождения, любопытным образом связанный с историей монгольского вторжения. В 1222 г. в провинции Канто родился некий Нитирэн. Он стал монахом и отправился учиться в Энрякудзи, откуда вернулся в 1253 г. и стал

проповедником. В 1253 г. он выступил с проповедью, которая начиналась словами «Наму мёхо рэнгэ кё», или «Слава Лотосу Божественного Закона», – фразой, которая впоследствии стала лозунгом и боевым кличем его секты. Нитирэн-сю (секта Нитирэна) призывала японцев отвергнуть учения всех других сект, старых и новых, и добиваться истины, изучая писание, ибо просветление и спасение могут исходить только от слов самого Будды, содержащихся в сутре Лотоса. Нитирэн был странствующим проповедником, он собирал слушателей звуками гонгов, барабанов и чтением заклинаний. Со временем, поскольку его радикальные взгляды у многих вызывали возмущение, его последователи приобрели репутацию непримиримых и воинственных фанатиков; Нитирэн-сю действительно стала единственной нетерпимой ко всем прочим учениям буддийской сектой. Нитирэн-сю – вот единственное истинное учение, все остальные являлись ложными и должны были быть прокляты. Вокруг последних лет жизни Нитирэна сложилось множество легенд. Согласно одной из них, когда Нитирэн был приговорен к смертной казни, меч разлетелся на куски, едва он коснулся его шеи.

Нитирэн стремился превратить свою секту в национальную религию и обращал свою пылкую проповедь как к индивидуальному, так и к национальному сознанию. Его обращение к японцам как к нации приобрело самый драматический оборот, когда он предупреждал: если они не покаются в своих грехах, гнев Неба падет на них в форме иноземного вторжения. Здесь Нитирэн проявил себя как проницательный политический наблюдатель и умелый пропагандист.

За угрозой вторжения, о которой говорилось в проповеди Нитирэна, стояло, коротко говоря, следующее. В то время как Япония развивалась, постепенно превращаясь в централизованное государство, Китай, откуда Япония получила столь мощный импульс к развитию, приходил в упадок под натиском наступающих с севера варваров. С 960

по 1120 г., когда Китаем правила династия Сунь, его захлестывали орды захватчиков: сперва пришли татары, которые вынудили императора откупиться, затем последовала вторая, «Золотая», орда тех же татар, которых император перед тем нанял, чтобы избавиться от первой; наконец, появились монголы, свирепые всадники, которые в своих грабительских походах дошли до Европы.

В 1259 г. Хубилай-хан, великий хан монголов, внук знаменитого Чингис – хана, стал императором Китая и в 1264 г. перенес свою столицу в город, который в настоящее время известен как Пекин. Ко времени воцарения Хубилая соседняя с Китаем Корея также признала власть монголов; таким образом, граница монгольских владений проходила всего в пятидесяти милях от Японии. В 1266 г. Хубилай отправил в Японию двух послов, но они не смогли высадиться из-за сильных штормов в Корейском проливе, к великому облегчению корейцев, которым было приказано их сопровождать.

В сложившейся ситуации положение Кореи было незавидным. Корея подчинилась монголам, только когда их яростное наступление поставило страну на колени. На протяжении всей своей истории эта несчастная страна оказывалась буфером между великими державами и к 1266 г. пришла в полный упадок. Корея не желала ничего, кроме мира с Японией, однако продолжи Хубилай свою завоевательную политику, корейцы неизбежно были бы вынуждены принять участие в его войнах. Дело в том, что монголы, непревзойденные наездники, не были знакомы с мореплаванием и не имели флота. Корейцы же были моряками и имели большой флот. При этом они оказались подданными монголов. Если бы монголы предприняли вторжение в Японию, они могли бы достичь ее берегов только на корейских судах и, возможно, с корейским контингентом на борту. Японцы, со своей стороны, также стремились поддерживать самые дружеские отношения с Кореей. О степени их доброжелательности наглядно свидетельствует та

жестокость, с которой они расправлялись с собственными пиратами, совершавшими набеги на корейское побережье.

В 1268 г. послы Хубилая наконец переправились через пролив и вручили письмо представителю местного бакуфу на Кюсю. Оказалось, что японские шпионы в Корее давали сёгунату или, вернее, регентству Ходзё верную картину того, чего им следовало ожидать:

«Мы, милостью и велением Неба Император Великой Монголии, направляем это послание правителю Японии.

Нам известно, что с древнейших времен правители даже маленьких государств стремились поддерживать дружеские связи с владыками соседних земель. В сколь же большей мере наши предки, которые обрели Срединную Империю, стали известны во множестве дальних стран, которые все преклонились перед их могуществом и величием.

Когда мы только что взошли на трон, множество невинных людей в стране Корка страдало от продолжительных войн. Посему мы положили конец войнам, восстановили их земли и освободили пленных, и старых и малых...

Мы просим, чтобы отныне вы, о правитель, установили с нами дружеские отношения, дабы мудрецы могли сделать Четыре Моря своим домом. Разве разумно отказываться поддерживать отношения друг с другом? Это приведет к войне, а кому же нравится такое положение вещей! Подумайте об этом, о правитель!»

Письмо вызвало панику при императорском дворе, хотя страх перед монголами был отчасти вытеснен негодованием по поводу того, что к императору Японии, потомку Богини Солнца, обращались как к обычному правителю, в то время как Хубилай-хан подчеркнуто именовал себя императором.

Письмо пришло во время подготовки к празднованию пятидесятой годовщины со дня восшествия на престол отрекшегося императора Го-Сага. Все приготовления поспешно отложили и приступили к составлению ответа на грозное послание.

Если бы императорский двор по-прежнему оставался настоящим правительством Японии, последующие несколько лет могли бы обернуться для страны катастрофой. Однако центр власти теперь находился в Камакура, и Хубилай посылал угрозы воинам, а не придворным. Бакуфу с презрением отвергло составленный двором дипломатичный ответ. Монгольские послы отправились назад с пустыми руками, а самураи приготовились защищать свою страну.

18 апреля 1268 г. регент Ходзё Масамура оставил свою должность и принял на себя обязанности начальника штаба бакуфу. В качестве регента ему наследовал Ходзё Токимунэ, восемнадцатилетний самурай, идеальный символ решимости нации. Он обратился к самураям с призывом оставить все клановые распри и объединиться для защиты дома и очага. Успех его обращения следует во многом приписать тем основам, которые были заложены Ёритомо. Если бы монголы решили вторгнуться в Японию столетием раньше, результат мог бы быть иным.

Как только его первое посольство потерпело неудачу в 1268 г., Хубилай-хан начал готовиться к войне. Несколько дипломатических миссий были направлены им в Японию между 1268 и 1274 гг., но японцы ко всем отнеслись с пренебрежением. Судя по его приготовлениям, Хубилай сильно недооценивал боеспособность японцев, ибо его армия состояла всего из 25 000 монгольских воинов, не считая тех нескольких тысяч корейцев, которых в принудительном порядке превратили в солдат и матросов. Как и следовало ожидать, на Корею легла значительная часть забот по формированию армии: в 1268 г. Хубилай потребовал, чтобы правитель Кореи подготовил войска и корабли для вторжения. Поскольку Корея находилась в весьма стесненных

обстоятельствах, корейский ван ответил, что он не в состоянии выполнить этих указаний и не способен также предоставить волов и плуги, чтобы увеличить поставки риса, необходимого для армии вторжения. В 1273 г. пятитысячный монгольский авангард прибыл в Корею. Страна была разорена до такой степени, что провизию для монголов пришлось доставлять из Китая.

В ноябре 1274 г. монгольский флот направился к острову Цусима. Обороной острова руководил Сё Сукэкуни, внук Тайра Томомори, того самого, который последним покончил с собой в битве при Дан-но-ура. Японцы не пытались напасть на монгольские транспорты, пока те пересекали пролив, — у них просто не было такой возможности. Кроме пиратов, японцы были столь мало знакомы с мореплаванием, что в мирное время все регулярные морские перевозки осуществлялись на китайских судах. Несмотря на героические усилия Сукэкуни, остров Цусима пал под натиском численно превосходящего противника. Та же участь постигла через несколько дней и остров Ики. С населением обоих островов монголы расправились с такой жестокостью, что это ужаснуло японских самураев. В Японии воины сражались против воинов, война не подразумевала уничтожения гражданского населения. Японцы впервые осознали, что монгольские традиции ведения войны в корне отличны от их собственных.

Сколь необычны и страшны монголы, стало со всей очевидностью ясно 19 ноября, когда монгольский флот вошел в бухту Хаката и монголы высадились около Имадзу. На следующий день на рассвете монгольская армия при поддержке выстроившихся вдоль берега кораблей предприняла атаку на Хаката, во время которой самураи узнали еще кое-что о своих противниках.

Первый урок касался тактики. Храбрость самурая, в некотором смысле составлявшая его главную силу, в данном случае обернулась слабостью. Традиция, предписывавшая вступить в схватку первым, собрать отрубленные головы и,

главное, вызвать на поединок достойного противника, была совершенно неприменима по отношению к иноземному врагу. Как мы уже знаем, во время войны Гэмпэй формальные поединки в действительности едва ли оказывали сколь-либо заметное влияние на исход сражений, однако они стали незыблемой легендой, в которую верил каждый самурай. Если вспомнить, что после окончания войны Гэмпэй прошло почти столетие и что за это время произошла лишь одна война, довольно незначительная (в 1221 г.), станет ясно, что каждый самурай больше всего желал сразиться один на один с каким-нибудь монголом и отсечь ему голову, подражая деяниям предков, подвиги которых с каждым годом казались все более славными.

Монголы же, которые с боями прошли через Китай и Корею, были не просто обучены воевать, но провоевали большую часть своей жизни. Они сражались в сомкнутом строю, наподобие македонской фаланги. И на эту монгольскую фалангу всадники-самурай бросились с немыслимой храбростью, ибо храбрость была их главным преимуществом.

Монгольское вооружение за единственным исключением уступало японскому. Монголы сражались прямыми копьями и мечами, которые не шли ни в какое сравнение с великолепными клинками самураев. Однако, согласно «Тайхэйки», военной истории XIV в., у них было одно «секретное оружие».

«Когда началось сражение, были [выпущены?] огромные железные шары, называемые тэппо. Они катились вниз по склонам как тележные колеса, гремели как гром, а с виду были подобны молниям. Две или три тысячи их [метали?] за раз, и многие воины сгорели насмерть».

«Мёко сурай экотоба» («Свиток монгольского

вторжения»), написанный вскоре после войны, изображает один из этих «железных шаров» в момент, когда тот взрывается перед японским воином, чуть выше него. Маловероятно, чтобы эти бомбы метали при помощи взрывчатых веществ. Для этого использовалось, скорее всего, что-то наподобие катапульты, поскольку монголы тогда уже были знакомы с мощными арбалетами и осадными орудиями.

Наконец, говоря о различиях в вооружении, следует отметить тот печальный факт, что в Японии искусство стрельбы из лука было уже не тем, что прежде. Следует признать, что дело защиты страны легло целиком на плечи самураев Кюсю, чьи луки были легче и слабее, чем у воинов Канто, однако есть свидетельства, что и в Канто «в славное время мира» пренебрегали военным искусством.

Несмотря на всю их храбрость, японцам пришлось отступить под защиту каких-то старых укреплений, построенных шестью веками ранее. Самураи укрылись за этой линией рвов и валов. «Всю ночь мы оплакивали нашу судьбу, – писал один из них, – думая, что обречены и будем уничтожены до последнего человека и что не останется семени, чтобы наполнить девять провинций». Вся их надежда была на подкрепления с Сикоку и Хонсю, за которыми послали сразу, как только пришли первые известия с острова Цусима. Бакуфу действовало настолько быстро, насколько это позволяли безмерно растянутые линии связи, и приказы снаряжать войска были отправлены во все области, включая Кюсю. Однако прежде чем подкрепления или приказы достигли Кюсю, на японской земле не осталось ни одного монгола.

Похоже, что оказанное японцами сопротивление стало большой неожиданностью для монгольских предводителей, которые к тому же знали, что к японцам в любой момент может прийти подкрепление. У них подходил к концу запас стрел – они рассчитывали исключительно на «молниеносную войну», стрел не жалели и выпускали их плотными тучами. Они опасались также возможной ночной атаки со стороны

японцев, во время которой на местности, хорошо тем знакомой, их примитивная тактика дала бы им преимущество. Поэтому монголы начали тактическую эвакуацию, и, чтобы прикрыть посадку войск на корабли, были подожжены великое святилище Хакодзаки и несколько прибрежных деревень. Засевшие в траншеях японцы видели красное от пламени небо, смотрели, как горят «святилища их богов».

Пожар продолжался недолго, ибо в ту ночь поднялся сильный ветер и принес с собой ливень. Буря застигла монгольский флот в тот момент, когда он покидал бухту, и разметала корабли. Волны разбили те, что успели выйти в открытое море, а один был выброшен на отмель Сига на выходе из бухты Хаката. Корейские хроники сообщают, что потери в этой экспедиции составили 13 000 человек и что многие из них утонули. Так закончилось первое вторжение.

Между 1274 и 1281 гг. монголы были слишком заняты завоеванием южного Китая, чтобы думать о завершении своих планов захвата Японии. Так как японцы были в курсе событий на континенте и предвидели еще одно нападение, сёгунат использовал это время для организации обороны. Вдоль берега бухты Хаката была воздвигнута каменная стена. В длину она была около двадцати пяти миль и около пяти метров высотой. С внутренней стороны она была наклонной, так, чтобы на нее можно было въехать верхом, а другая сторона, обращенная к морю, – отвесной. Можно, конечно, было бы и лучше использовать средства и силы, затраченные на постройку стены, направив их, к примеру, на создание военно-морского флота или постройку транспортных судов, которые позволили бы перенести военные действия на территорию противника. Подобные предложения были, один самурай с Кюсю даже разработал план рейда на монгольскую территорию, но от них отказались под предлогом чрезмерных затрат, а дополнительные военные приготовления свели к постройке небольших, но простых в управлении судов, которые можно было эффективно использовать в прибрежных водах.

Были разработаны планы для проведения быстрой и крупномасштабной мобилизации, как только начнется второе вторжение. Четверем самым западным провинциям Кюсю была поручена защита морского побережья непосредственно в пределах их территорий. На Кюсю были созданы отряды береговой охраны, а на случай внезапной атаки на Кокурикудо там тоже провели мобилизацию. Были приняты меры к тому, чтобы каждый, получивший приказ о мобилизации, его выполнил.

К 1279 г. монгольское завоевание Китая практически завершилось, и в распоряжение Хубилая перешел значительный морской флот южного Китая. От Кореи опять потребовали подготовить дополнительные суда и войско, и она действительно предоставила 900 кораблей, 10 000 корейских солдат и 17 000 моряков. Эти силы были сосредоточены в Айура в Корее, и к ним присоединилось 15 000 китайцев и монголов. Это был авангард армии вторжения, за которым должно было последовать огромное китайское войско в 100 000 человек и 60 000 моряков на 3 500 судах. Этот второй эшелон, получивший название армии «к югу от Янцзы», должен был ко 2 июля соединиться с восточной армией у острова Ики и сосредоточиться для совместной атаки на Кюсю.

Восточная (Корейская) армия отплыла 22 мая 1281 г. и 9 июня вторглась на остров Цусима. Сопротивление было гораздо более упорным, чем во время первого вторжения, и на Цусима, и на Ики, где монголы высадились 14 июня. Китайский флот еще не снялся с якоря – у его командиров возникли проблемы с формированием и обеспечением столь огромного войска, поэтому восточная армия попыталась начать наступление раньше намеченного срока, не дожидаясь подкреплений. 21 июня дозорные на побережье Кюсю заметили «круглые носы и складчатые паруса» вражеского флота. Это оказалась, однако, лишь часть монгольского войска, направлявшаяся на западный Хонсю для отвлекающего маневра, чтобы прикрыть высадку основных

сил на Кюсю. Пока этот отряд проплывал мимо, главные силы направились в бухту Хаката. Монголы попытались высадиться на отмели Сига, у самого конца стены, откуда им легче всего было бы зайти во фланг японцам. Однако они встретили столь яростное сопротивление, что после нескольких дней непрерывных сражений им удалось высадить только один отряд. Поскольку стену удерживали на всем ее протяжении, японцам удалось перейти от обороны к нападению. Они выходили из Хаката на маленьких, быстрых и маневренных лодках, по десять – пятнадцать человек в каждой, и предпринимали ночные атаки на монгольские суда, нанося внезапные удары и столь же внезапно отступая. Фанатичные самураи подходили к монгольскому кораблю, валили собственную мачту, чтобы использовать ее как абордажный мостик, вступали в рукопашную схватку с монголами и возвращались назад. В одном случае тридцать самураев вплавь добрались до корабля, отрубили головы команде и уплыли обратно. Другой прославленный эпизод связан с неким Кусано Дзиро, который атаковал монгольский корабль при свете дня. Несмотря на ливень стрел и на то, что Кусано потерял в бою левую руку, он сжег корабль и захватил двадцать одну голову.

Наиболее известный из этих рейдов на «малых судах» был проведен Коно Митиари, который также вышел при свете дня на двух лодках, с виду невооруженных. Монголы подумали, что они идут сдаваться, и не стали открывать огонь. Японские лодки подошли вплотную, самураи свалили мачты и бросились на абордаж. Коно Митиари убил капитана корабля, взял в плен военачальника высокого ранга и ушел под прикрытием горящего судна.

В конце концов 30 июня монголы отвели войска на остров Такасима и попытались высадиться на другом участке побережья. Их снова отбросили. Монголам приходилось оставаться на переполненных судах, в страшной тесноте. Стояла удушливая жара. Началась эпидемия, которая унесла 3 000 человек, а корабли стали гнить. Поскольку армия Янцзы

была еще в пути, монголам оставалось только ждать и отбивать атаки японцев.

16 июня передовые суда Янцзы добрались до Итоки, а 12 августа великая армада объединилась для последней решающей атаки на японские позиции. Когда два флота встретились, грохот барабанов и приветственные возгласы были слышны на берегу, но это лишь еще больше укрепило решимость самураев. По мере того как приближался переломный момент кампании, для японцев становилось все более очевидным, что одного личного мужества для победы над врагом недостаточно, и вся нация преклонила колени, моля богов о поражении монголов. Бывший император Камэяма в самый решающий миг обратился к основательнице своего рода и отправил посланца в Исэ просить божественной помощи у ее императорской праматери, Богини Солнца. Просьба была услышана.

Вечером того самого дня, когда была вознесена молитва, 15 августа 1281 г., в небе появилось маленькое облачко, величиной примерно с руку. Облако росло, и вскоре, еще до захода солнца, плотная мгла опустилась на море Гэнкай, где дрейфовала монгольская армада. Затем поднялся ветер. Его дикий вой стал слышен еще до того, как он взбудоражил поверхность моря. Волны росли, монгольские суда бешено раскачивались, а ветер превратился в тайфун, который обрушивал на корабли массы воды, бросал их на скалы, сталкивал между собой или просто сдувал с поверхности. Силой ветра и волн армаду разнесло в щепки; казалось, «будто кто-то разбросал божественные гадательные стебли» по поверхности моря.

Когда ками-кадзэ, или «божественный ветер», как его немедленно нарекли, стих, самураи радостно бросились добивать уцелевших интервентов. Потери монголов были огромны, один китайский флот потерял половину своего стотысячного экипажа. Так закончилась последняя попытка завоевать Японию. Хубилай-хан планировал еще одно вторжение, но оно так и не состоялось. После победы над

монголами национальная гордость японцев возросла непомерно, ками-кадзэ в буквальном смысле считали оружием посланным с неба, и с тех пор ками-кадзэ воспринимался как символ божественной защиты Японии, а святилище в Исэ стало пользоваться гораздо большим почетом и уважением, чем когда-либо прежде. Пилоты-смертники второй мировой войны, камикадзэ, сознательно отождествляли себя с божественным возмездием.

Вся эта героическая история имела весьма прозаический финал. Победа над монгольской армадой не привела к завоеванию каких либо новых территорий. Таким образом, когда отличившиеся в войне самураи стали требовать вознаграждения, не оказалось свободной земли, которую можно было бы им отдать. К тому же, поскольку сёгунат верил в божественное происхождение ками-кадзэ, религиозные учреждения также потребовали свою долю при раздаче земельных участков, ежели таковые найдутся. Настоятель одного из храмов на Кюсю заявил, к примеру, следующее:

«... были вознесены искренние молитвы. Когда гнусные захватчики вновь пришли в 1281 г., все люди, верившие, что изгнание врага может быть осуществлено лишь божественной волей, но никак не силой человеческой... почтительно обратили взоры к небу. И поднялся божественный ураган, и своей могучей силой разметал вражеские суда, и сгнули все враги. То была победа, дарованная всемогущим и совершенным Небесным Божеством».

Некоторые храмы дошли до того, что выдумывали разные истории в надежде на лучшую награду. Верховный жрец синтоистского храма на Кюсю жаловался в 1309 г., что он до сих пор не получил награды, хотя в 1274 г. божество метало стрелы во врага из своего святилища, а за миг до того, как поднялся ками-кадзэ, три пурпурных стяга на крыше

храма обратились в сторону вражеского флота!

Перед лицом такого соперника добивавшимся вознаграждения самураям приходилось проявлять большую настойчивость. Однако до 1286 г. ничего им даровано не было. Этому обстоятельству мы обязаны созданием свитка «Мёко сурай экотоба». Такэдзаки Суэнага велел написать эту картину, чтобы проиллюстрировать свои подвиги и подкрепить претензии на вознаграждение. Регентство Ходзё в течение последующих тридцати лет было обременено чрезмерными расходами на вознаграждения, религиозные службы и содержание прибрежных оборонительных линий. Это бремя в конечном счете привело к падению власти Ходзё, о чем будет рассказано в следующей главе. Выгадали от этого только храмы. Ками-кадзэ был бы совсем дурным ветром, если бы он никому ничего не принес.

Глава VI

Клятва верности

XIV век в Японии был временем противоречивым. В каком-то смысле это был золотой век предательства и измены, когда союзы с легкостью заключались и нарушались на фоне спорадических и все более хаотичных военных действий. И в то же время он породил самые выдающиеся примеры верности в истории самураев.

Затяжные войны четырнадцатого века берут свое начало от противостояния двух мало соответствующих своему положению характеров: военного диктатора, который был ленив и рассеян, и целеустремленного и энергичного императора. Диктатором был регент при сёгуне, Ходзё Такатоки, для которого высшим наслаждением в жизни были собачьи бои, танцы и секс. Императором был Го-Дайго, который, взойдя на трон в 1318 г., увидел в упадке регентства Ходзё возможность восстановить императорскую власть в ее прежней форме, так, чтобы он, император, мог действительно править, а не просто царствовать. Когда силы бакуфу не смогли подавить незначительное восстание на севере Японии, Го-Дайго бросил им открытый вызов. Он послал одного из своих сыновей к настоятелю монастыря горы Хиэй и стал обхаживать этот старый оплот мятежных монахов-воинов. Среди самураев, принявших его сторону, был один, чье имя стало нарицательным – идеал воина-самурая, Кусуноки Масасигэ. Так в 1331 г. Япония обрела первого самурая, который был верен императору. Если это покажется читателю странным, пусть он вспомнит, как с императорами Японии обращались со времен начала владычества клана Фудзивара. Императоров держали за ширмой, их смещали, похищали, ими манипулировали, одного императора утопили. К ним относились скорее как к заложникам, чем как к правителям; они служили чем-то вроде резиновой печати для оформления государственных переворотов; система «монашеского правления» обрекала их на вечное детство. И

вот появился самурай, объявивший себя сторонником императора, живого, дееспособного взрослого монарха, у которого были вассалы, чья верность не уступала прославленной верности вассалов Минамото и Тайра, живших двумя столетиями раньше.

Кусуноки Масасигэ, происходивший из рода Минамото, родился в 1294 г. Согласно легенде, императору Го-Дайго приснился сон, будто бы он укрылся под сенью камфарного дерева (кусуноки), и этот сон якобы открыл ему имя воина, которому суждено будет его поддержать.

В 1331 г. Го-Дайго покинул Киото, взяв с собой императорские регалии, и укрылся в храме на склоне горы Касаги около Нара. Войска бакуфу, думая, что он может скрываться в Энрякудзи, атаковали монастыри горы Хизэй. Сын императора, «принц-настоятель» Энрякудзи, бежал, чтобы присоединиться к Кусуноки Масасигэ в крепости Акасака в Кавати, которую Кусуноки спешно готовил к обороне. Крепость представляла собой квадрат со стороной около 600 метров, огороженный частоколом, с простыми деревянными башнями. Двести самураев защищало крепость, в то время как остальные 300 воинов армии Кусуноки заняли позицию на соседнем лесистом холме.

Самураи бакуфу, увидев, что крепость не имеет ни валов, ни рвов, попытались взять ее штурмом, но были отбиты метким огнем защищавших ее лучников. Военачальники скомандовали отступление и стали готовиться к новому приступу. В то время как они отдыхали, на них напали укрывшиеся на холме лоялисты, а Кусуноки сделал вылазку из крепости и гнал их на протяжении нескольких миль. Войска бакуфу предприняли еще несколько попыток взять крепость, но Кусуноки проявлял большую изобретательность, защищая ее. На склоне холма он подвесил на веревках бревна, которые скатывали на осаждавших, когда те пытались подняться по склону. Камни, кипяток и смола заставляли их держаться подальше от стен.

Осада превратилась в блокаду, и вскоре у Кусуноки

осталось провизии всего на пять дней. Он решил оставить форт и, чтобы прикрыть отступление, придумал следующую уловку. Приготовили огромный погребальный костер, на который положили тела погибших. Когда все было готово, защитники, хорошо знакомые с местными лесами и холмами, под покровом ночи по двое или по трое выбрались из крепости. Когда все ушли, последний оставшийся в крепости самурай зажег погребальный костер. Увидев огонь, солдаты бакуфу бросились к крепости и обнаружили там единственного самурая, который со слезами поведал им о массовом самоубийстве великого клана Кусуноки. Сцена была слишком реалистична, чтобы вызвать сомнения, и воину, оплакивавшему гибель соратников, позволили уйти. Через некоторое время Кусуноки перешел в наступление и вновь захватил крепость Акасака. Правда, на этот раз он сумел продержаться там только тридцать дней, так как войска бакуфу выкопали траншею и отрезали его от воды. Ему вновь удалось уйти.

Император Го-Дайго был менее удачлив, чем его верные сторонники. Он попал в плен во время штурма Касаги. В 1332 г. его сослали на остров Оки, но через год он бежал, укрывшись под кучей водорослей на дне рыбацкой лодки. К тому времени поднялась уже вся западная Япония, вдохновленная примером Кусуноки Масасигэ, который занял хорошо укрепленный форт Тихая и сдерживал под ним значительную часть войск бакуфу, пытавшихся выбить его оттуда. Тем временем число сторонников императора росло с каждым днем.

Штурм крепости Тихая дорого обошелся бакуфу. После первого же приступа восемь писцов в течение трех дней составляли списки убитых. Крепость Тихая была построена на холме, отделенном от соседних холмов глубокой расселиной – позиция, укрепленная самой природой. Считалось, что с двух сторон она неприступна и почти неприступна с двух других. Войска бакуфу применили тот же прием, который сработал при осаде Акасака, отрезав крепость

от воды. Но в Тихая был свой колодец, и ее защитники отвечали на каждую попытку взять крепость приступом лавиной камней и стрел. Осаждающие ответили хитростью на хитрость и построили большой деревянный мост, который перебросили через самую узкую и самую глубокую часть ущелья. В день штурма, когда на мосту столпились вражеские самураи, защитники его подожгли.

Отчаявшись, командиры войск бакуфу попытались прибегнуть к подкупу и привязали к стреле послание одному из людей Кусуноки, в лояльности которого у них были основания сомневаться. Однако письмо было доставлено прямо к Кусуноки, и он использовал мнимое «предательство» в качестве ловушки. Позади башни, которую должны были «сдать», выкопали глубокий ров. Безлунной ночью вражеским солдатам дали туда проникнуть, и как только авангард штурмового отряда провалился в ров, их начали обстреливать со всех сторон. Им пришлось так быстро ретироваться, что остальная часть армии приняла их бегство за вылазку противника и атаковала своих же. Оборона крепости Тихая, которая внесла немалый вклад в борьбу за дело императора, считается одной из самых блестящих военных операций в истории Японии. Подобные кампании привели к первым со времени монгольского вторжения серьезным изменениям в самурайской тактике. Такие действия, как защита крепости или длительная осада, исключали использование конницы – лошади были нужны только как транспорт. В пешем строю коробчатые доспехи типа ёрои были непрактичны, и по мере того как японцам все больше приходилось полагаться на пехоту, их вооружение постепенно менялось. Чтобы надеть доспехи ёрои, состоявшие из двух частей, требовалось слишком много времени, поэтому их заменили цельным панцирем того типа, что прежде использовался лишь для вооружения пехотинцев. Исчез кожаный нагрудник, а на смену тяжелой «юбке» ёрои пришли легкие составные набедренники кусадзури. Для ближнего боя многие самураи предпочитали нагината с коротким клинком или зловещего

вида длинный меч, называвшийся но-дати и напоминавший нагината старого образца со 120-сантиметровым клинком. Появилась новая форма набедренников для защиты от рубящих ударов, а назатыльник шлема, закрывавший шею, чаще выгибали наружу, а не вниз, что позволяло более свободно манипулировать оружием. Начали носили не один, а два бронированных рукава; усилили личины; на смену отделанным мехом сапогам для верховой езды пришли легкие сандалии. Следует помнить, однако, что все эти изменения происходили постепенно, между 1350 и 1500 гг. До конца XVI века ёрой все еще делали и носили.

Когда Го-Дайго вернулся из изгнания, бакуфу приняло решение обойти форпост Кусуноки и как можно скорее атаковать самого императора. Одному из лучших командиров, Асикага Такаудзи, было приказано выступить из Камакура против Го-Дайго. Такаудзи, который родился в 1305 г., был ветераном сражений под Акасака и Тихая. Человек хитрый и скрытный, он понимал, что его семья, связанная родством с кланом Минамото, может кое – что выгадать от царившей вокруг сумятицы, поэтому, как только его армия отошла от Камакура, он объявил себя сторонником императора. 10 июня 1333 г. Асикага Такаудзи атаковал Киото и убил местного представителя бакуфу. Это было страшным ударом для Ходзё, но худшее было впереди. Поскольку многие самураи бакуфу все еще сидели перед замком Тихая, защита Камакура оказалась ослаблена, и это обстоятельство было использовано другим отпрыском клана Минамото, Нитта Ёсисада. 20 июня или около того Нитта Ёсисада поднял знамя восстания в своей родной провинции Кодзукэ, и его личный отряд вскоре превратился в значительную армию. Под предводительством Нитта эта новая лоялистская армия с боями двинулась на Камакура.

Самураи Нитта шли к столице тремя колоннами. Поскольку город стоял среди высоких лесистых гор, подойти к нему с востока или запада можно было только по узким долинам и горным ущельям. Войска бакуфу стойко обороняли

проходы, и первая колонна лоялистов была уничтожена. Тогда Нитта вышел к морскому берегу у Инамурагасаки, где, согласно легенде, взобрался на утес и обратился с молитвой к Богине Солнца, прося ее покарать тех, кто узурпировал власть ее потомков. Он бросил в море свой меч, и воды раздвинулись, подобно водам Красного моря перед Моисеем. На самом деле он, видимо, просто дождался отлива, переправился по песчаной отмели и атаковал город с юга. Столица пала 5 июля, а презренный регент Ходзё покончил с собой, единственный раз в жизни проявив мужество.

Го-Дайго вернул себе трон, став первым за много веков абсолютным монархом из императорского рода. Однако если он думал, что стрелки часов можно перевести на четыреста лет назад или что самураи, которые добыли ему трон своими мечами, удовлетворятся ролью военной полиции при праздном дворе, он явно ошибался. Едва ли, конечно, мудрый Го-Дайго так думал; просто теперь, с падением регентства Ходзё, кабинет императора стал единственным реальным правительством.

Раздоры начались, как только Го-Дайго приступил к самому неотложному делу – награждению своих верных сторонников. Кусуноки и Нитта были вполне удовлетворены наградами, но Асикага Такаудзи не скрывал недовольства. Вскоре обстоятельства позволили ему приступить к исполнению его замысла. Ходзё Токиюки, сын покойного Такатоки, неожиданно напал на Камакура и вновь завладел столицей. Асикага Такаудзи было поручено наказать мятежника, в чем он преуспел, проявив незаурядный талант военачальника и умение привлекать сторонников под свои знамена. Однако вскоре после взятия столицы его действия стали внушать императору большие подозрения. Такаудзи объявил войну Нитта Ёсисада и захватил его земли в Кодзукэ. Прежний сторонник Го-Дайго уничтожил один сёгунат, чтобы основать другой; началась новая война, а Нитта и Кусуноки выступили на стороне императора против дома Асикага.

Асикага Такаудзи вошел в Киото 25 февраля 1336 г., но вскоре был выбит оттуда лоялистами под предводительством Китабатакэ Акииэ, который привлек на свою сторону монахов Энрякудзи. Незадолго до его атаки Асикага заключили союз с монахами Миидэра. Вновь монахи вступили в бой с монахами, а многострадальный монастырь Миидэра в очередной раз был сожжен дотла. Одержавшие победу лоялисты бросились преследовать Такаудзи и его брата Тадаёси, буквально загнали их на край острова Хонсю, откуда те переправились на Кюсю в надежде найти сторонников. Здесь Асикага Такаудзи рассчитывал получить подкрепления, поскольку, подняв восстание в ноябре прошлого года, он отправил одинаковые послания нескольким знаменитым воинам, главным образом в западную Японию, призывая их под свои знамена. Это повлекло за собой длинную цепь событий, затронувших всех самураев, поскольку они были вынуждены принять либо ту, либо другую сторону. Одно из этих воззваний сохранилось в архиве семьи Сибую из Ирики на южном Кюсю:

«[К Сибую Сигэмото] Нитта Ёсисада будет уничтожен. Посему вам следует собрать людей вашего семейства и незамедлительно явиться.

17 ноября 1335 г.

Асикага Такаудзи».

Врагом был объявлен Нитта Ёсисада, чтобы избежать прямого намека на персону императора. Призыв был короткий, но эффективный, и когда в марте 1336 г. Такаудзи поспешно отступал на Кюсю, поддержка ему уже была гарантирована. Вслед за Сибую и другими небольшими семьями на сторону Асикага встали три могущественных клана Кюсю – Симадзу, Сони и Отомо. Их главным соперником на Кюсю было семейство Кикиути, и вскоре, 14 апреля, противники сошлись в битве на побережье Тадара около Хаката. Это место, три мили белого песка на фоне

зеленых сосен, было, очевидно, самым красивым полем битвы в японской истории. Сражение закончилось полной победой Асикага, и через месяц Асикага Такаудзи в сопровождении многочисленных союзников двинулся обратно на Киото.

Сибуя, способствовавшие триумфу Асикага на Кюсю, немедленно получили вознаграждение, как следует из письма, подписанного Такаудзи за день до того, как он выступил из Хаката на Киото. В нем он говорит о земле, дарованной Сибуя Сигэмунэ, который принадлежал к той ветви клана, которая носила имя Таки, «в награду за его заслуги». Сибуя, вероятно, присоединились к Такаудзи во время похода на Киото. Если это так, то они могли участвовать и в решающей битве при Минатогава.

Сражение произошло, когда Такаудзи продвигался вдоль берега Внутреннего моря. В Томо, на полпути к Киото, состоялся военный совет, на котором решено было наступать двумя отрядами. Один, под командованием Такаудзи, шел морем, другой, возглавляемый Асикага Тадаёси, двигался вдоль берега, а авангард вел Сони Ёрихиса, который прибыл с Кюсю. Пока две армии продвигались на восток, они получили значительные подкрепления, прибывшие морем с Сикоку, которыми командовал Хосокава. 24 июня Такаудзи достиг Кодзима в Бидзэн, а 4 июля бросил якорь у Акаси. Тем временем вторая армия, двигавшаяся по суше, дошла до Ити-но-тани, места славной победы Ёсицунэ над кланом Тайра в 1184 г. Провести здесь ночь перед битвой было весьма символично.

Известия об энергичном наступлении Асикага вызвали беспокойство среди сторонников лоялистов в Киото, поскольку Нитта Ёсисада вынужден был отступить под его натиском. Император Го-Дайго послал за Кусуноки Масасигэ и велел ему оказать поддержку Нитта. Кусуноки, как человек военный, возражал против такого образа действий, памятуя о смуте Хогэн, но его возражения были отвергнуты. Кусуноки считал, что вступать с противником в открытое сражение слишком рискованно. Он посоветовал Го – Дайго укрыться на

горе Хиэй – тогда Такаудзи не устоит перед искушением войти в столицу. Там его можно будет атаковать объединенными силами монахов и самураев, а Нитта отрезал бы ему пути к отступлению. Но к мудрому совету самурая не прислушались, и Кусуноки поневоле вынужден был согласиться с решением императора. Следуя идеалам самурайской верности, он решил умереть в бою и отправился в путь убежденным, что назад уже не вернется. Уходя, он сказал своему сыну Масацура, что отдаст жизнь за императора и что делает это охотно, зная, что когда-нибудь Масацура, которому тогда было десять лет, продолжит его дело.

Лоялисты, которым угрожала атака и с суши и с моря, вышли на позиции. Нитта Ёсисада, главнокомандующий, прикрывал берег моря между реками Минато и Икута. Кусуноки стоял против армии Асикага Тадаёси, спиной к реке Минато. Тадаёси разделил войско на три части. Сам он стоял в центре, в то время как Сони двигался вдоль берега, поддерживая связь с флотом, а Сиба поднялся на возвышенность, угрожая правому флангу Кусуноки.

Первая стычка произошла, когда войско Хосокава попыталось высадиться. Лоялисты оказали отчаянное сопротивление, самураи Хосокава были отброшены назад к лодкам, и им пришлось плыть вдоль берега дальше на восток. Нитта тем временем был атакован Сони и, поскольку Хосокава вскоре сумел высадить свое войско в устье реки Икута, стал отходить, чтобы отразить удар с его стороны. Кусуноки, таким образом, остался один на противоположном берегу Минато. Он еще мог держаться против Тадаёси и Сиба, но высадка армии Такаудзи поставила его в сложное положение. Хосокава между тем заставил Нитта отступить, и в знойный полдень 5 июля 1336 г. Кусуноки был атакован со всех сторон. В конце концов, весь израненный, Кусуноки Масасигэ совершил харакири, и дело лоялистов было проиграно.

Так Кусуноки Масасигэ вошел в пантеон японских

героев, присоединившись к принцу Ямато и Ёсицунэ как воплощение самурайской доблести. И в жизни, и в смерти он оставался одинокой фигурой, идеальной для исполнения роли, которую ему уготовала судьба. Его верность императору была непоколебимой, из всех сторонников Го-Дайго именно он принес наибольшие жертвы. Пять веков спустя, во время реставрации Мэйдзи, образ Кусуноки Масасигэ вдохновлял тех самураев, которые стали создавать новый культ верности императору. В истории XIV века Кусуноки остался непревзойденным образцом личной преданности монарху, а не просто институту монархии.

Сражение при Минатогава было решающим, но война на этом не закончилась. Войско Асикага с триумфом вошло в Киото 8 июля, а Го-Дайго бежал на гору Хиэй. Такаудзи посадил на трон другого принца под именем императора Комо, и 12 ноября Го-Дайго передал императорские регалии этому новому государю. Как оказалось впоследствии, то были не подлинные регалии, а копии, изготовленные для такого случая. Го-Дайго перебрался с горы Хиэй в Ёсино, в горы к югу от Нара, и стал править оттуда как законный император. С 1337 по 1392 гг. в Японии было два императора: законная линия, известная как Южный Двор, правила в Ёсино, а ставленники Асикага, или Северный Двор, – в Киото.

Враждебные действия между дворами продолжались на протяжении всего периода раскола. В 1338 г. Асикага Такаудзи был официально провозглашен первым сёгуном Асикага. В том же году был убит Нитта Ёсисада, в 1339 г. скончался император Го-Дайго, как говорят, сжимая эфес меча в правой руке и «Сутру Лотоса» в левой. Чтя заветы отца, Кусуноки Масацура поддерживал пламя сопротивления лоялистов. В 1347 г. он стал главнокомандующим армии Южного Двора при преемнике Го-Дайго, двенадцатилетнем Го-Мураками. В 1343 г. его атаковали войска Асикага под командованием Ко Моронао и Ко Мороясу. Он быстро отступил к Ёсино, где его принял юный император, который сказал, что клану Кусуноки доверяет больше, чем

собственным локтям и бедрам. Это очень тронуло Масацура. Он и его люди помолились у гробницы Го-Дайго, на которой мечами вырезали свои имена. Перед уходом Масацура оставил прощальные стихи на двери храма, нацарапав их наконечником стрелы:

Думаю, я не смог бы вернуться;
Сохраню свое имя
Среди тех, кто погиб с луком в
руках.

Дверь со стихами по сей день хранится в храме Нэйриндзи. Масацура выступил из Ёсино с небольшим войском и встретил врага при Синдзо Наватэ, где 4 февраля 1348 г. клан Кусуноки дал свое последнее сражение. Масацура был убит вместе со своим братом Масатоки и двоюродным братом Вада Такахидэ.

С гибелью семьи Кусуноки соперничество между двумя императорскими дворами опустилось до уровня свары из-за земельных владений, когда претензии враждебных династий отошли на второй план, а ход борьбы определялся личными счетами и политическими амбициями отдельных кланов. Действия некоторых из них во время этой войны содержат элемент фарса, ибо они переходили с одной стороны на другую с непостижимой скоростью. Возникали самые нелепые ситуации, когда семьи, не желавшие ничего, кроме мирного нейтралитета, бывали вынуждены объявить себя сторонниками той или иной партии. Оказаться на стороне проигравших означало бы для них финансовый крах. Чтобы предохранить себя от подобных случайностей, некоторые семьи устраивали так, что отдельные их ветви поддерживали разные стороны: чья бы земля ни была конфискована, она все равно оставалась во владении того же клана. В подобной ситуации создавалась видимость военной активности; как писал в «Истории Японии» сэр Джеймс Мурдох, «одна партия строила форт или частокол в стратегически важном месте и

завозила припасы для гарнизона, другая же воздвигала нечто подобное в непосредственной близости. Жертвы во время стычек между двумя гарнизонами были крайне редким явлением, причем чаще всего это были случайные раны от стрел. Та партия, у которой раньше кончался провиант, отступала. Когда появлялся агент по рекрутскому набору, у лидеров «враждующих» сторон всегда находился для него веский аргумент: поскольку враг уже стоит у самых ворот, они никак не могут выделить людей для дальних экспедиций».

Документы семьи Ирики показывают, сколь мало номинальные «позиции» двух дворов затрагивали семейство Сибую, которое поддержало Такаудзи, когда он бежал на Кюсю. 22 сентября Такаудзи писал, что «деяния верности Сибую Сигэкацу (приемного сына того Сигэмото, которому был адресован призыв к оружию) великолепны и будут вознаграждены». Несколько месяцев спустя Асикага Такаудзи стал вновь набирать рекрутов и написал всему клану Сибую:

«Касательно выступления мятежников в провинции Сацума. Мы слышали, что вы верно послужили в этой провинции с оружием в руках, что прекрасно. Короче, мы отправляем войска, вы снова будете действовать и еще раз прославите себя верной службой.

27 мая 1337 г.

Асикага Такаудзи».

Год спустя Сибую «служили верой и правдой», разделившись на две фракции, северную и южную, и сражаясь друг с другом. Еще две ветви этого семейства, Того и Таки, ответили на призыв Такаудзи и присоединились к тем, кто поддерживал Северный Двор. За Южным Двором пошли другие ветви, Кэто и Ирики, включая Сибую Сигэкацу, которого всего год назад наградили за верность Северному Двору! Что при выборе союзников все они руководствовались соображениями личной выгоды, очевидно из сохранившихся

документов, среди которых несколько докладов, известных как гун-ту сё (документы, перечисляющие «заслуги» самурая в военное время). После битвы, в которой принял участие самурай, он составлял подробный отчет о своих деяниях, описывая свои подвиги, стычки с противником и приводил имена надежных свидетелей. Командир утверждал этот отчет, который затем передавался на рассмотрение соответствующему должностному лицу, ответственному за назначение награды. Иногда командир подавал свой собственный доклад о поведении того или иного самурая.

В июле 1339 г. Сибуя Сигэкацу повел самураев Ирики на штурм Икарияма, крепости на реке Сэндай, которую удерживало для Северного Двора семейство Того, принадлежавшее к тому же клану. В авангарде был один самурай из клана Идзуми, который «вел авангард, рискуя жизнью, и первым бросился в ров вместе с конем, будучи ранен в правую руку». Неизвестно, представил ли собственный доклад этот достойный воитель, а вот с противоположной стороны подобный гун-ту сё поступил от одного из защитников крепости, Сабуро Тосимаса, который написал его от третьего лица. К тому же в свидетели своих подвигов он призвал собственного командира:

... [29 июля] Тосимаса сражался [у смотровой башни] у реки; но в тот же день, в час пелуха, услышав, что враг проломил главные ворота крепости, Тосимаса поспешил к главным воротам, исполнил свой долг и отразил врага. Эти деяния засвидетельствовал на том самом месте Сакава Хисакагэ.

Во время ночного сражения 1 августа, когда враг попытался прорваться сквозь ворота, что [выходят] к реке, – дабы отбить врага, Тосимаса, [как предводитель] отряда, сделал вылазку из крепости и отогнал противника, что было засвидетельствовано тем же командиром.

Посему, чтобы немедленно было доложено о

его военных заслугах в соответствии с этими фактами и чтобы они были заверены печатью, он представляет этот короткий доклад.

Август 1339 г.

Этот документ был заверен военачальником, Сакава Хисакагэ, и послан Асикага Такаудзи в Киото. Поскольку Хисакагэ лично засвидетельствовал подвиги Тосимаса, он был вполне уверен, что тот в конце концов получит награду, и сам распорядился выделить Тосимаса несколько опустевших земельных участков, пообещав увеличить вознаграждение, когда земли будут больше и когда на то будет получено одобрение начальства.

Неудачный штурм Икарияма не был большим ударом для сторонников Южного Двора. В следующем году принц Канэнага, которому его покойный отец Го – Дайго поручил ведение дел на Кюсю, прибыл в Сацума. Его прибытие вновь воодушевило сторонников Южного Двора, и те ветви клана Сибую, которые его поддерживали, поспешили к нему, чтобы засвидетельствовать свою преданность. К ним присоединилась ветвь Того, решившая, что благоразумнее будет присоединиться к стороне, где присутствует особа императорской крови, в то время как с ветвью Тэрао, лояльность которых Южному Двору была под сомнением, стала заигрывать противоположная сторона. Северная фракция вскоре оказалась втянутой в военные действия на стороне их могущественных соседей Симадзу, которые были сильнейшими из сторонников Асикага на южном Кюсю. Один из них, Симадзу Тадакуни, поднял восстание и едва не напал на Кагосима, столицу провинции Сацума. В 1346 г. Сибую предоставили подкрепление, что дало повод Никайдо Юкинака, командующему силами Симадзу в крепости Икэбэ, написать следующий доклад о позорном поведении семейства Сибую:

«... Затем, когда люди семьи Сибую

построили укрепления в деревне Но-дзаки, во владениях Юкинака, и охраняли их, поддерживая нашу крепость, мятежники подошли с большим войском 21 июля и, чтобы взять Но-дзаки приступом, воздвигли укрепления неподалеку, напротив деревни. 19 сентября в час зайца все люди Сибуя, не оставив ни души, покинули крепость и ушли».

Конец письма, где Никайдо Юкинака описывает бедственное положение защитников Икэбэ, выдержан в драматических тонах:

«... средства к добыванию провианта исчерпаны; посему решено вскорости собрать урожай и дать последнее сражение, а это верная смерть. Посему умоляю, не только ради умирения провинции, но и для спасения этой крепости: пусть скорее будут отданы приказы, которые вдохновили бы защитников на верную службу и вдохнули в них мужество. Поскольку дороги трудны, просим позволения писать на полулистах. Очень желательно, чтобы важность этого письма была донесена [до господина]. С почтением, Никайдо Юкинака Исаку Мунэхиса Просьбы о помощи, очевидно, были услышаны, поскольку два года спустя крепость Икэбэ все еще оставалась в руках Симадзу. Что касается дезертирства Сибуя, то Симадзу Садахиса передал приведенный выше рапорт Асикага Тадаёси; большие Симадзу ничего не могли сделать, поскольку Сибуя не были их вассалами, а просто жили в той же провинции. Асикага Тадаёси ответил: Ваши частые донесения о войне в Сацума мы читали... Вы сообщаете, что люди семьи Сибуя и прочие покинули лагерь и вернулись домой. Если это правда, это очень плохо. Их следует вновь призвать строжайшим приказом. Если они снова

будут упорствовать, мы, получив еще одно донесение об этом, конфискуем их владения. Так приказано.

Январь 1347.

Асикага Тадаёси».

Одна ветвь Сибую, Окамото, осталась, однако, верной Симадзу и соответственно Северному Двору. Сибую (Окамото) Сигэоки, брат Сигэацу, принимал участие в героической защите крепости Тофукудзи и представил следующий гун-ту сё, заверенный его командиром, Хатакэяма Наоаки:

«Сибую Сигэоки докладывает о своей верной службе на войне.

[Сигэоки] первым поспешил к [крепости] Тофукудзи 11 июля. Когда он ожидал прибытия наших войск, в час зайца 14 июля тысячи пиратов Кумано и других людей устремились с суши и с моря. Хотя враг и превосходил его числом, [Сигэоки] защищал крепость, рискуя жизнью, убил нескольких мятежников и отбил врага. Прислужник Госиро ранен мечом в лоб.

Эти обстоятельства были засвидетельствованы Номото Магосити, адъютантом командира, который участвовал в том же сражении».

После этих подвигов Сигэоки был снова призван на войну – на этот раз его призвал представитель сёгуна на Кюсю, Иссики Нориудзи. На Хонсю дела Северного Двора шли несколько лучше, особенно после смерти в феврале 1348 г. доблестного Кусуноки Масацура, но на Кюсю Симадзу, главные сторонники северной фракции, преуспели далеко не во всем. Крепость Икэбэ снова была в опасности:

«Сообщают, что мятежники из провинции Сацума недавно действовали особенно активно.

Вы верно послужите в этой войне, неуклонно повинаясь приказам, и окажете поддержку крепости Икэбэ. Посему отдан такой приказ.

19 марта 1348 г.

Иссики Нориудзи».

Осторожность, говорят, – лучшая часть доблести, и шесть месяцев спустя Сибую Сигэоки получил следующее письмо от представителя сёгуна:

«Ходили слухи, что мятежники в провинции Сацума собирались напасть на крепость Икэбэ. Тогда вам приказано было оказать помощь крепости. Сообщают однако, что это не было сделано. В чем причина? Вы должны поспешить туда немедленно и разбить врага. Таков приказ.

10 сентября 1348 г.

Иссики Нориудзи».

Причина, по которой Сигэоки ничего не стал предпринимать, заключалась в том, что в 1351 г. он перешел на другую сторону, когда его призвал к оружию Канэнага, принц Южного Двора. Подобный же призыв был послан его брату Сибую Сигэацу, представителю ветви Ирики, о котором мы в последний раз слышали в 1339 г., когда он штурмовал Икарияма в интересах Южного Двора. Тон следующего письма позволяет предположить, что в какой – то момент между 1339 и 1343 гг. Сигэацу еще раз перешел на противоположную сторону, вновь объявив себя сторонником Северного Двора!

В резиденцию Сибую Сигэацу.

[Его Величество] слышали, что вы готовы перейти на его сторону. Вы должны немедленно связаться с Принцем и преданно нести военную службу. Любые выдающиеся услуги, которые вы можете оказать, будут вознаграждены. При этом передаем вам императорское благоволение.

25 августа 1351 г.

И Сигэкацу, и Сигэоки ответили на призыв и послужили верой и правдой. Это поставило клан Сибуя в двусмысленное положение, поскольку сложная паутина японской политики вынудила принца в тот момент вступить во временный и нечестивый союз с кланом Симадзу, его злейшим врагом на всем Кюсю. Этот альянс подразумевал, что Сибуя Сигэоки на деле вовсе как бы и не переходил на другую сторону, поскольку его прежний господин стал союзником его нынешнего господина. Поскольку военные действия самого Сигэоки были направлены исключительно против его родственников, ветви Того (которые к тому времени сами уже один раз переходили на противоположную сторону), то вопрос, за кого же он на самом деле сражается, по-видимому, его не интересовал. Имело значение лишь то, что 10 января 1352 г. Сигэоки представил еще один гун-ту сё, приводя в свидетели своего командира. Снова описывалась его «отличная служба».

В течение последующих шести лет никаких заслуг ни перед той, ни перед другой стороной за семейством Сибуя не числилось. То было трудное время для их могущественных соседей, Симадзу, и Сибуя, похоже, выжидали, как станут развиваться события, если могучие Симадзу будут повержены, а с ними проиграно и дело Северного Двора в этой части Японии.

В 1358 г. принц написал Сибуя Сигэоки, подтверждая получение просьбы о поддержке, которая, вероятно, пришла к нему несколькими месяцами ранее. Однако 1362 год застал Сигэоки вновь на стороне северной фракции – на этот раз он оказывал помощь Симадзу в кампании против Идзуми. Следующий документ – последняя запись о его участии в военных действиях. Он подписан уже вторым сёгуном Асикага – Такаудзи скончался от рака в 1358 г.:

«Недавно было доложено, что со второго

месяца прошлого года вы верой и правдой служили нам во время войны в провинции Сацума. Это было прекрасно. Посему приказываем, чтобы вы и в дальнейшем продолжали столь же усердно нести службу с оружием в руках.

24 сентября 1362 г.

Асикага Ёсиакира».

Сибуя Сигэацу тем временем отправился в гости в Павильон Белой Яшмы (если использовать прекрасную японскую метафору для смерти), передав дела семьи Ирики в руки своего сына и наследника Сигэадо. В 1364 к Сигэадо обратился Южный Двор и пообещал награду за услуги, которые Сигэадо стал оказывать, в то время как его сын Сигэёри присоединился к сторонникам Северного Двора.

В 1365 г. Сигэёри в награду за свою верную службу получил благодарственное письмо от представителя сёгуна. Через год он перешел на другую сторону и получил аналогичное письмо от представителя принца.

К 1371 г. популярность Южного Двора на Кюсю так встревожила сёгуна, что туда был назначен новый, более способный представитель, Имагава Рё-сун. Он был одновременно и военным и дипломатом; прибыв на Кюсю, он стал вербовать сторонников. Ирики Сибуя между декабрем 1372 г. и мартом 1373 г. получили от него три призыва к оружию с обещанием, что их владения не будут затронуты, а в случае особых заслуг с их стороны – даже расширены. Ирики тем не менее остались верны (если это слово еще можно употребить) делу Южного Двора и уже доблестно сражались на стороне противников Имагава, когда первый из этих призывов до них дошел. 24 июля 1372 г. Сибуя Сигэадо повел самураев Ирики вместе с отрядами, представлявшими ветви Кэто, Того и Таки, против крепости Минэ, которую удерживал для Симадзу Ямада Тадафуса. Осаждавшие сперва были отброшены, Сигэадо спустился в ров, и когда он выбирался из него с противоположной стороны, его шлем был

расколот брошенным со стены камнем. Он упал в ров и погиб. Вдохновленные его героической гибелью Сибую атаковали снова, захватив и крепость и голову вражеского командира. Они двинулись дальше и осадили Икарияма, крепость, под которой отец Сигэкадо потерпел неудачу в 1339 г. Симадзу Удзихиса поспешил к крепости, чтобы снять осаду, и при приближении новой армии Симадзу Сибую благоразумно удалились, избежав таким образом стычки между двумя кланами.

Героизм Сибую Сигэкадо не остался без награды, поскольку принц Канэнага написал Сигэёри:

*Его Императорское Высочество слышали,
что ваш отец погиб в сражении под крепостью
Минэ в Сацума, и отозвались о нем с похвалой.
Вы будете вознаграждены. Так по приказу
переданы его слова.*

11 января 1373 г.

Несмотря на обещания принца, Сибую Сигэёри вновь переметнулся в другой лагерь в 1375 г., но к тому времени такие понятия, как Южный и Северный Двор, уже потеряли всякий смысл. Симадзу всегда в душе были верны сёгуну, но недолго любили его представителя, и это привело к ряду измен среди них. Что до Сибую, то основным мотивом при выборе союзников для них было нежелание служить вместе с Симадзу. Так что чью бы сторону ни выбирали Симадзу, Сибую немедленно переходили на противоположную.

В декабре 1375 г. представитель сёгуната признал заслуги Сибую Сигэёри, а два года спустя Сибую сражались за сёгуна против Симадзу. К концу 1385 г. Сибую еще продолжали вести военные действия против Симадзу – формально в интересах сёгуната, однако истинная причина войны к тому времени уже была забыта. Принц Канэнага умер в 1383 г., и наконец 16 декабря 1392 г. Южный Двор безоговорочно капитулировал. Император Юга, Го-Камэяма,

отрекся и передал императорские регалии императору Севера Го-Комацу. На этом прекратился раскол, разделявший страну на протяжении пятидесяти шести лет.

Упадок самурайских идеалов во время войны между дворами выразился в практически полном отказе от старых формальностей при поединке, как-то: провозглашение родословной и вызов достойного соперника. В «золотой век предательства» всякий был достойным противником, а анонимная стрела заменяла торжественный вызов. Если принять за точку отсчета опыт клана Сибуя, верность Кусуноки Масасигэ предстает почти уникальным явлением. Возникает вопрос, были ли самураи того времени в массе своей вообще способны на верность кому бы то ни было, не говоря уже об императоре?

Глава VII

Век войн

От бедствий, постигших принцев, спустимся теперь к самым низам социальной лестницы. До сих пор японский крестьянин почти не упоминался в нашей истории, но, как только на смену XIV пришел XV век, именно это презренное сословие потребовало нашего внимания в первую очередь. Вся жизнь крестьянина-земледелца проходила на фоне постоянной войны, в которой он принимал мало участия. По мере того как в период борьбы Северного и Южного Дворов война становилась занятием все более и более профессиональным, сама идея «самурая-земледелца» отошла в прошлое. Самурай, по крайней мере самурай высокого ранга, только воевал, а крестьянин низкого ранга только возделывал землю. Между этими двумя крайностями была широкая и размытая прослойка мелких землевладельцев, которым, когда они не участвовали в походах, приходилось самим обрабатывать свои земли из чисто экономической необходимости. Более зажиточные крестьяне вполне могли быть богаче живших по-соседству дзи – самураев, как назывались эти мелкие землевладельцы, и они не прочь были взяться за оружие. В то время статус самурая не был строго регламентирован, и возможности продвижения вверх по социальной лестнице были у каждого, кто имел достаточно воли и способностей, чтобы их использовать.

Положение японского крестьянина в какой-то мере было довольно любопытным. В отличие от его собрата в Европе того времени бесконечные, казалось бы, войны, оставлявшие полосы опустошения поперек его рисовых полей, очень мало его затрагивали. Прежде всего, поскольку все это были гражданские войны, армии не представляли для него непосредственной угрозы. Гражданское население редко подвергалось грабежу и насилию, а если ветхую крестьянскую хижину случайно сжигали, ее нетрудно было восстановить. Единственную опасность – в случае, когда

урожай затапывали или крали – представлял голод. Сам по себе крестьянин мало что значил для самурая, гордо проезжавшего мимо, чтобы поучаствовать в очередном бессмысленном сражении. Если крестьянин чего и боялся, то не бедствий войны, а мора, голода и сборщиков налогов, которые в период правления Асикага, как известно, забирали до 70% того, что он производил.

В начале XV века гусеница зашевелилась в своем коконе. До этого японская история никаких крестьянских восстаний не знала, и вдруг люди, в течение многих столетий бывшие кроткими как овечки, словно полностью переменились. Благодаря организаторским способностям дзи-самураев народное возмущение получило выражение в создании союзов взаимной защиты – икки. Очень скоро икки попытались донести свои скорби и требования до средоточия власти, как это прежде делали монахи-воины, и последовал целый ряд «крестьян-ских восстаний».

Впервые икки появились в последние годы Войны Дворов, однако жители Киото впервые испытали ярость толпы не ранее 1428 г. В этом году произошло мощное восстание, вызванное рядом указов, касавшихся положения крестьян. Оно как бы стало сигналом для недовольных народных масс, и волна крестьянских восстаний прокатилась по всей стране. В 1441 г. Киото пережил самое мощное из этих восстаний, которое, в отличие от выступления 1428 г., было тщательно спланировано за несколько месяцев до начала. Крестьяне удачно выбрали время и двинулись на Киото, когда самураи бакуфу Асикага воевали далеко от столицы, в провинции Харима. 15 сентября икки сосредоточились на подступах к городу, где между ними и самураями из клана Кёгоку произошла жаркая стычка. Икки потеряли 10 человек, их противники – 53. Четыре дня спустя толпа начала грабить и жечь пригороды Киото, а 21 сентября тысячи людей икки вошли в город, захватили стратегически важные здания и блокировали дороги. Горожанам, должно быть, показалось, что мир сошел с ума. За два дня Киото был

полностью отрезан от внешнего мира. Хроники того времени, вроде следующей, описывающей события в районе Тодзи в Киото, звучат как военные донесения: Икки с востока, от дороги, что спускается от Тоба и Киссонин, заняли Тодзи. Их было около двух или трех тысяч. В тот же день икки Тамба-гути вошли в Иманисиномия примерно с тысячей человек... Они окружили город лагерями. Каждый день они совершают набеги на центр города.

Главным объектом нападений икки были владельцы ломбардов и ростовщики, поскольку они прежде всего стремились добиться погашения тяжелых долгов. Но ярость толпы на этом не успокоилась, и после недели беспорядочных грабежей бакуфу было вынуждено издать указ об отмене задолженностей. Успех мятежа 1441 г. привел к установлению определенного стереотипа действий: икки возвращались в Киото в 1447, 1451, 1457 и 1461 гг. Хотя ни одно из этих вторжений нельзя сравнить с восстанием 1441 г., масштабы некоторых из них были внушительны. Во время беспорядков 1457 г. произошла настоящая битва между членами союзов икки и самураями – наемниками, которых наняли ростовщики. Икки успешно разгромили наемников, а затем атаковали силы бакуфу из 800 самураев и изрядно их потрепали.

Для недовольного крестьянина оставался еще один путь, кроме мятежа – бегство и поступление на военную службу. Местные магнаты всегда нуждались в солдатах, а гибкая организация их армий позволяла крестьянину без труда завербоваться. Все, что ему требовалось, это оружие и доспехи. В то время эти предметы было нетрудно достать, принимая во внимание количество убитых и раненых по всей Японии самураев. Шанс получить награду был невелик, поскольку получение награды все больше и больше зависело от рапорта гун-ту сё, но всегда было чего пограбить. Хороший военачальник мог успешно использовать этих крестьян – солдат, которых называли асигару, что буквально означает «легкие ноги». К тому же они были весьма «легки на

руку», что создавало серьезные дисциплинарные проблемы.

Появление икки и асигару были первыми проявлениями процесса, который японские историки называли гэкокудзё (когда подлые подавляют благородных, низшие – высших) и который достиг апогея примерно пятьдесят лет спустя, когда старые традиционные военные кланы были низвергнуты их собственными вассалами или даже икки. В 1460-х гг. благородные, впрочем, были слишком заняты выкапыванием собственной могилы, и им некогда было думать о подлых, поскольку в 1467 г. началась гражданская война Онин, самая опустошительная и разрушительная из всех самурайских войн.

Самая примечательная черта войны Онин, которая началась в первый год периода Онин, откуда ее название – это то, что почти все ее сражения происходили в пределах самого Киото. К началу военных действий в 1467 г. столица все еще оставалась великолепным городом. Она получила дополнительный жизненный импульс с упадком Камакура: поскольку Асикага Такаудзи считал, что Камакура находится слишком далеко от центра политической жизни, он перенес ставку сёгуна в Киото. Штаб-квартира бакуфу была расположена в районе, известном под именем «Муромати», откуда происходит и название соответствующего периода японской истории. В 1378 г. Асикага Ёсимицу, третий сёгун Асикага, построил великолепный дворец, названный «Хана-но-госё», или Дворец Цветов, который, надо заметить, был в два раза больше императорского дворца. Другим вкладом Ёсимицу в японскую архитектуру стал «Кинкаудзи», всемирно известный Золотой Павильон, построенный к западу от города.

Перенесение резиденции бакуфу в Муромати привело к тому, что представители многих крупных военных кланов построили себе дома неподалеку. Таким образом, к 1467 г. резиденции большинства влиятельных самураев были сосредоточены на небольшом участке северного Киото, который с юга ограничивался Сандзё (третьей главной

улицей), а с востока – рекой Камо. В 1467 г. этот престижный район превратился в поле битвы. Чтобы читатель мог следить за развитием событий, ему предлагается карта города, свидетельствующая о том, что Киото в то время еще сохранял свою первоначальную регулярную планировку, сеть пересекающихся под прямым углом магистралей и улиц. Местонахождение резиденций военных кланов указано приблизительно, на основании сохранившихся описаний, поскольку город был полностью уничтожен во время войны Онин. Истинные причины войны Онин достаточно сложны; на самом деле следует говорить просто о поводе для конфликта между двумя самыми могущественными в то время военными кланами в Киото – Ямана и Хосокава. Глава Ямана, Мотитоё, был крайне амбициозным лидером. Он родился в 1401 г. и унаследовал владения своего отца в 1435 г. В 1441 г. он принял духовный сан под именем Ямана Содзэн – имя, под которым он чаще всего и упоминается. За чрезмерную вспыльчивость и дикие выходки, доводившие его едва ли не до припадков, его прозвали «Красным Монахом», ибо во время таких припадков лицо его становилось багровым.

Как ни странно, его враг, Хосокава Кацумото, приходился ему зятем. Кацумото, родившийся в 1430 г., обладал характером, абсолютно противоположным страстному темпераменту своего тестя. Там, где Красный Монах приходил в ярость, Кацумото оставался спокоен. Он хорошо управлялся с делами, и его люди были им довольны. Он был выше всяких интриг, предпочитая, чтобы за него интриговали другие.

В течение нескольких лет, предшествовавших войне Онин, два соперника вмешивались в дела других семейств. В 1450 г. произошел спор из-за наследства в семействе Хатакэяма, а вскоре еще один – в семействе Сибя. Ямана использовали сложившуюся ситуацию для накопления политического капитала, надеясь таким образом приобрести союзников для окончательного выяснения отношений с

Хосокава. Представился, наконец, идеальный предлог для конфронтации. Сёгун Асикага Ёсимаса выразил желание отречься. Его отречение не было политической акцией, направленной на то, чтобы продолжать править из-за кулис в качестве «правителя-инока», но скорее жестом полного отчаяния. Ёсимаса был эстетом, проводившем дни в поэтических мечтаниях, предаваясь своей страсти к изящному, наслаждаясь красотой. Это не оставляло ему времени для дел государственных, разве что для сбора налогов, необходимых для оплаты его удовольствий. Он тратил огромные суммы на развлечения и, чтобы оплатить свои непомерные счета, однажды был вынужден даже заложить доспехи – возможно, единственную вещь, которая не представляла ценности в его глазах. У Ёсимаса не было сына, которому он мог бы передать сёгунат, поэтому он извлек из монастыря своего младшего брата Ёсими и ошарашил молодого человека, объявив его своим наследником. К несчастью, год спустя жена Ёсимаса все-таки родила ему сына и стала отстаивать права собственного отпрыска. Ямана Содзэн выразил готовность встать на сторону младенца Ёсихиса, в то время как Хосокава Кацумото принес клятву верности Ёсими. Теперь два соперника заняли противоположные позиции по вопросу о выборе главы государства.

И Ямана, и Хосокава понимали, что их долгожданный конфликт созрел, и собрали все бывшие в их распоряжении силы. Вскоре стало ясно, что полем битвы будет сам город: обе стороны присматривали подходящие для ставки дома, изучали стратегические особенности северных улиц.

В этот момент Асикага Ёсимаса осознал всю опасность ситуации и сделал предупреждение обоим военачальникам: тот из них, кто нанесет первый удар, будет объявлен мятежником со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это была не пустая угроза, поскольку тот клан, который объявлялся мятежным, мог легко потерять всех союзников, а любому авантюристу это давало хороший предлог напасть на

его владения.

В начале эпохи Онин в городе чувствовалось напряжение. Самураи стали собираться вокруг соперничавших домов, горожане храбро делали вид, что все идет как прежде. В феврале 1467 г. Хосокава получил известие, что Оути, магнат из западных провинций, идет на Киото с армией предположительно в 20 000 человек, чтобы поддержать Ямана. В конце месяца дом одного из военачальников Хосокава таинственным образом сгорел. В апреле самураи Хосокава атаковали отряд Ямана, который сопровождал груз риса для столицы. Кризис стал неизбежен, и все горожане, которые могли бежать, стали покидать город. Младшие члены императорской семьи для безопасности были отправлены на юг, а дворцовая стража была удвоена, как только пошли слухи о грозящем нападении. В доме Хосокава со стен были сняты раздвижные двери и прозрачные ширмы, которые заменили деревянными ставнями, для защиты от огня обмазанными глиной. Самураи Хосокава, которыми командовал приемный сын Кацумото, расположились в саду, где высокие стены скрывали их от взоров противника.

Военные действия начались в конце мая, когда Хосокава атаковал дом Иссики, одного из военачальников Ямана, который стоял напротив Дворца Цветов, на противоположной стороне улицы Муромати. Сражение продолжалось несколько дней, сам ход его уже мог дать некоторое представление о будущих разрушениях. За схватками последовали грабежи и поджоги, и вскоре весь квартал, где стоял дом Иссики, был обращен в пепел. Подобные вылазки и атаки продолжались в течение следующего месяца, самурайская доблесть расцветала среди руин прекрасного города. Один воин написал Хосокава проникновенное послание после одного особо тяжелого дня битвы. «Мы устали, – писал он. – Не могли бы вы прислать мне бочонок сакэ? Я разделю его с Масанага, а затем мы вместе совершим харакири».

Неизвестный самурай, несмотря на отчаяние, еще продолжал думать о товарищах и завершил послание

просьбой доставить дополнительный запас стрел, поскольку в то утро среди их оруженосцев, подносивших стрелы, «были потери».

К началу июля значительная часть северного Киото была обращена в руины и пепел. Поперек улиц воздвигались баррикады, и по мере того как исчезали дома, линии обороны усиливались рвами – особенно поперек Итидзё (первой главной улицы), где обе стороны выкопали рвы друг против друга. Передовые линии обеих армий стали выравниваться. Укрепления Ямана сосредоточились к западу от Муромати, приблизительно ограничиваясь улицами Ицусудзи и Омия. Их основной лагерь находился между Ицусудзи и Имадэгава, в районе, который по сей день носит имя Нисидзин (западный лагерь). Хосокава пришлось довольствоваться меньшей территорией к востоку от Муромати и к северу от Имадэгава, где находился Дворец Цветов Асикага и большой дзэн-буддийский монастырь Сёкоудзи. Там же была расположена одна из резиденций Хосокава. Другая же, на Итидзё, давно была захвачена Ямана.

Единственным успехом Хосокава за этот месяц было то, что он убедил сёгуна провозгласить Ямана мятежником, несмотря на то, что первый удар в этой войне нанес сам Хосокава. Указ сёгуна, впрочем, не давал Хосокава полномочий для обуздания соперника. Ямана тем временем получил подкрепления. В сентябре подошел Оути Масахиро, и мятежный Красный Монах, воодушевленный приходом свежего войска, перешел в наступление. На западе коммуникации Хосокава уже были перерезаны, а 29 сентября Ямана начал блокировать его с юга, взяв штурмом императорский дворец и обратив его в пепел. Императора там не оказалось, поскольку Хосокава предвидел подобные действия со стороны Ямана и переселил его во Дворец Цветов.

В конце октября Ямана атаковал монастырь Сёкоудзи, предварительно подкупив одного из монахов, чтобы тот его поджег. Знаменитый дзэн – буддийский монастырь стоял

недалеко от резиденции Ёсимаса, и пламя пожара встревожило придворных дам. Сёгун, однако, был невозмутим и, находясь в обычном своем приподнятом настроении, продолжал пировать. Бой продолжался среди тлеющих руин и прекратился только с наступлением ночи. Бойня произошла страшная, узкие боковые улицы были забиты трупами. Оути Масахиро заполнил отрубленными головами восемь телег. Их было еще больше, и усталые самураи просто сбросили их в ближайшую канаву. Неудивительно, что в конце 1467 г. один из чиновников сёгуната мог написать следующее: Цветущая столица, которая, как мы думали, будет стоять вечно, к нашему удивлению, превратилась в логово лисиц и волков. Мятежи и катастрофы бывали и в прошлом, но в первый год Онин законы богов и императоров были нарушены, а все религиозные секты находятся на краю гибели.

Ныне город, который ты знал,
Превратился в заросший
пустырь.
Там лишь жаворонок поет,
И текут твои слезы.

В течение первых месяцев 1468 г. не было сколь-либо крупных стычек, однако, как это ни странно, войне Онин суждено было продлиться еще девять лет. Обгоревшие руины, оставшиеся на месте Сёкокудзи, были отбиты, и люди Хосокава совершили вылазку, нарушив коммуникации Ямана. С апреля военные действия перешли в состояние окопной войны: противники взирали друг на друга из за баррикад и с укрепленных позиций. Нейтральная территория представляла собой полосу обгорелых досок постепенно зараставших травой, разрезанную надвое траншеей метров семи в ширину и около трех метров глубиной. Ямана надеялись уморить Хосокава голодом и, казалось, были близки к этому, так как контролировали семь из восьми ведущих в город дорог. Но

это не производило на врага должного впечатления.

Шли месяцы, время от времени то одна, то другая сторона совершали вылазки, Хосокава обстреливали позиции противника из катапульт. За линией обороны знатные самураи развлекались сочинением стихов и постановкой китайских драм. Все основные сражения 1468 г. происходили на окраинах города, а на главном фронте все было относительно спокойно. Монастырь Тэнрюдзи в пригороде Киото пал жертвой одной из окраинных стычек.

Месяцы превратились в годы, и затянувшаяся война надоела даже огнедышащему Красному Монаху. Хосокава тоже был весьма склонен начать мирные переговоры, однако между ними встало ими же порожденное и взлелеянное чудовище. Война Онин начала жить своей причудливой и страшной жизнью, и никакие их усилия не могли ее остановить. Военные действия перекинулись в провинции, их союзники и вассалы были настолько охвачены эйфорией войны, что перемирие стало невозможным. Было набрано такое множество асигару, что ни одна из армий точно не знала, какое идет сражение и где. Отчаявшись, Хосокава намеревался уйти в монахи, а Ямана подумывал о харакири. Избавление от всех забот наступило, однако, раньше, чем можно было ожидать, ибо Красный Монах умер 16 мая 1473 г., а в следующем году, 6 июня, за ним последовал Хосокава. Оути Масахиро стал главнокомандующим западного войска, которое наконец стало чувствовать клеймо «мятежников». В конце концов, в ночь на 17 декабря 1477 г. небо над Киото озарилось пламенем, когда западная армия подожгла свои позиции и растворилась в ночи, поставив столицу Японии «в один ряд с Ниневией и Тиром».

Самураи ушли, а на смену им пришла чернь. Банды мародеров, среди которых было множество асигару, продолжили начатое дело, захватывая кварталы, которые пощадила война. Они вламывались в монастыри, и их колокола звонили днем и ночью, возвещая горожанам о присутствии черни. Снова грабили ростовщиков. Толпа

врывалась в лавки торговцев сакэ, запасы распределялись среди грабителей, и дело заканчивалось всеобщей массовой попойкой.

Читатель, может быть, спросит: а что же делал сёгун Ёсимаса – чей титул, в конце концов, означает «главнокомандующий, покоряющий варваров» – чтобы как-то облегчить положение? Не будет преувеличением, если сказать: пока Киото горел, Ёсимаса играл на флейте. Ему не удавалось отречься от должности сёгуна до 1474 г., и, поскольку Ёсихиса тогда исполнилось всего девять лет, он продолжал править. Его желание отгородиться от реальности, столь заметное в начале войны Онин, не ослабевало и в последующие годы, и в конце войны он предпринял строительство «величественного здания для увеселений» на Хигасияма, холмах к востоку от Киото. Этот архитектурный комплекс включал Гинкакудзи, или Серебряный Павильон, построенный в подражание Золотому Павильону его деда. Серебряным листом его так и не покрыли, ибо деньги кончились прежде, чем здание было закончено. Оно стоит как памятник той трагической эпохе, точно так же как Золотой Павильон символизирует предшествующий период. Пока Ёсимаса устраивал там пиры, поэтические состязания, любовался цветами и совершенствовал чайную церемонию, последние остатки власти Асикага ускользали из его рук.

В 1485 г., в тот самый год, когда в Англии пришла к власти династия Тюдоров, проявились первые признаки того, что ожидало Японию в ближайшем будущем. Сражения, вызванные войной Онин, были особенно ожесточенными в провинции Ямасиро, где столкнулись интересы двух ветвей семейства Хатакэяма. Их армии зашли в тупик и сидели друг против друга, пожирая реквизированные у сельского населения запасы. В 1485 г. дзи-самураи и местные крестьяне толпами дезертировали из противоборствующих армий. Они построили собственный укрепленный лагерь, откуда послали их командирам ультиматум, включавший три требования:

1. Обе армии должны немедленно покинуть Ямасиро.

2. Все имения должны быть возвращены их владельцам.

3. Все заставы, взимающие пошлину, должны быть снесены.

В течение двух недель все требования были выполнены. Одержав эту победу, икки Ямасиро превратились в огромную силу. В 1486 г., после собрания в историческом храме Бёдоин в Удзи, они учредили временное правительство Ямасиро. Не менее значительное событие в истории движения икки произошло в то же самое время в провинции Кага. Следует напомнить, что один из важнейших этапов возрождения религиозной жизни в тринадцатом веке был связан с основанием амидаистской секты Дзёдо-синсю. В XV веке главой этой секты был Рэннё (1415–1499), который приобрел такую славу как проповедник, что в 1465 г. завистливые монахи из Энрякудзи сожгли его дом и вынудили его бежать. Тогда он стал бродить по стране и в 1471 г. поселился в Кага, где построил храм, в котором постоянно толпились верующие, главным образом крестьяне, которых привлекало к Рэннё то, что он отвергал аристократическую сторону буддизма и что его проповеди были написаны простым и ясным языком. Его секта всегда позволяла лицам духовного звания вступать в брак, и Рэннё воспользовался этим, чтобы ко дню своей смерти в почтенном возрасте восьмидесяти четырех лет оставить после себя двадцать девять детей.

Провинция Кага сильно пострадала во время войны Онин, и Тогаси Масатика, один из магнатов Кага, привлек на свою сторону приверженцев Дзёдо-синсю. Это событие положило начало Икко-икки – «Лиге Прямодушных», народной армии, духовной своей основой напоминавшей монахов-воинов Хиэй, но превосходившей их своим воинственным пылом. Икко-икки получили широчайшую поддержку, в основном среди низших сословий. Их вожди учили, что наградой за смерть в бою им будет рай, так что устроить их не могло уже ничего. Чем сильнее их подавляли, тем тверже они становились; чем больше их унижали, тем выше они поднимались. В 1488 г. они восстали

против самураев, которые пытались их контролировать, и изгнали Тогаси, после чего управление провинцией Кага перешло к ним в руки. В 1496 г. они начали строительство Исияма Хонгандзи, гигантского укрепленного «собора» в устье реки Ёдо. Об их верном стратегическом подходе к выбору места можно судить по тому, что на месте Исияма Хонгандзи в настоящее время стоит замок Осака.

Движение Икко-икки было лишь одним из проявлений процесса гэкюудзё (когда низшие подавляют высших), который охватил Японию во второй половине XV века. Вскоре множество частных войн, среди которых война Онин – наиболее известный, но далеко не единственный пример, превратились в обыкновенную борьбу за выживание, с мгновенно возникавшими и столь же быстро распадавшимися военными союзами, триумфами и поражениями, и этой борьбе суждено было продолжаться более столетия. Годы между 1490 и 1600 были названы, по заимствованному у китайцев выражению, сэнгоку дзидай, что можно перевести как «век, когда страна находилась в состоянии войны». Эта война по своему масштабу была самой грандиозной и страшной из всех, которые до тех пор приходилось переживать Японии.

Остальная часть этой главы посвящена тем кланам, которые выжили и смогли возродиться. Само по себе выживание уже было делом непростым, и к 1500 г. многие фамилии просто исчезли. Сиба, Ямана, Хатакэяма и Иссики, чьи дома некогда украшали улицы Киото, к концу столетия практически уничтожили друг друга. Другие кланы были сведены на нет гораздо менее выдающимися противниками. В Мино, например, старинной фамилии Токи суждено было пасть жертвой некоего Сайто Тосимаса, который сперва был монахом, затем стал торговцем маслом, а далее начал свою славную карьеру с того, что убил усыновившего его самурая. На Кюсю исчезли дома Сони и Кикуты. На Сикоку к власти пришли Тосокабэ, которые сперва возвысились благодаря постигшим их бывших господ несчастьям, а затем сами

пережили крушение. В провинции Кага, как мы видели, местный магнат уступил Икко – икки. В Канто, традиционном оплоте самурайства, события разворачивались столь стремительно и столь независимо от того, что происходило в Киото, что восточную Японию вполне можно было тогда рассматривать как другую страну. Эта провинция породило первое семейство, возвысившееся в разгар войны, – Ходзё.

Около 1490 г. в семье Асикага произошло событие, характерное для того времени. Асикага Масатомо, брат Ёсимаса, приказал своему сыну Тата принять духовный сан. Сын отказался и убил отца. Для любого солдата удачи это преступление являлось идеальным предложением, чтобы отомстить отцеубийце, а заодно и немножко попрактиковаться в гэкокудзё. Праведным гневом вспылал малоизвестный до тех пор самурай по имени Исэ Синкуро. Синкуро напал на Тата в его замке Хоригоэ, на северной оконечности полуострова Идзу. Он вынудил Тата покончить с собой, тем самым обеспечив себе власть над Идзу. Придя столь неожиданно к власти, он поменял имя, что было в обычаях самураев, и стал именоваться Ходзё. Он, конечно, не был никоим образом связан с прежней линией регентов Ходзё, которая бесследно исчезла в XIV веке, но это имя все же приятно звучало для солдатского уха и намекало на связь с аристократическими домами. Позднее он даже попытался оправдать его, женив своего сына на девушке, происходившей из настоящих Ходзё. Затем он побрил голову и принял буддийское монашеское имя Соун. Под именем Ходзё Соуна эта примечательная личность и вошла в историю.

Утвердившись в Идзу, Ходзё Соун стал поглядывать на восток, на провинцию Сагами, стратегическим ключом к которой был город-крепость Одавара. Соун завел дружбу с молодым человеком, который недавно унаследовал эту провинцию, и однажды в 1494 г. был приглашен им на охоту на оленя. Вскоре стало ясно, что роль дичи была отведена вовсе не оленю: люди Соуна убили молодого магната, и Соун

без труда овладел Одавара. Далее он обратил свое внимание на провинцию Мусаси и на один район современного Токио. К 1518 г. он завершил завоевание Сагами и выстроил крепости, защищавшие его северные фланги. Ходзё Соун умер в 1519 г., предоставив своему сыну Удзицуна довершить завоевание Канто. Тот воспользовался раздорами внутри могущественной семьи Уэсуги, чтобы захватить замок Эдо, стоявший там, где сейчас находится императорская резиденция в Токио. Удзицуна занял оборону вдоль реки Сумида и продержался против Уэсуги до самой своей смерти в 1541 г. Его сын Удзиясу довел до конца замысел деда, полностью разгромив войска Уэсуги в ночной битве при Кавагоэ в 1545 г.

Мы имеем дело с тремя поколениями семейства (генеалогию см. в приложении I), вышедшего ниоткуда, никому, кроме самих себя, ничем не обязанного, которое достигло власти при помощи неприкрытой агрессии и тайных интриг. Если бы бакуфу Асикага сохраняло хотя бы частицу своего прежнего влияния, появление деятелей, подобных Ходзё, было бы немыслимо, но к XVI веку власть сёгуната превратилась в пустой звук. Для самураев того времени, чьим лозунгом стало «выживает сильнейший», убийство во время охоты на оленя уже не казалось проявлением исключительного коварства. Мало того, Ходзё Соун даже почитался как воплощение воинской доблести, ибо он оставил сыну завещание из двадцати одного пункта, в котором касался административных сторон самурайской жизни. Некоторые отрывки рисуют весьма живую картину его правления:

Должно всегда чтить богов и Будд.

Ложись в постель до восьми вечера. Воры обычно вламываются между двенадцатью и двумя, так что, если будешь проводить вечера в пустых разговорах и ложиться поздно, можешь лишиться и ценностей, и репутации. Экономь

дрова и свет, которые тратишь, если бодрствуешь допоздна, и вставай в четыре утра. Прими холодную ванну и прочитай молитвы, а одевшись, отдай распоряжения на этот день жене, детям и прислуге и к шести будь готов приступить к своим обязанностям...

Прежде чем умыться, пойди и осмотри все, от уборной до конюшни и за воротами сада, и там, где надо, прикажи все вычистить.

Не думай, что тебе надо иметь столь же отличные меч и одежду, как у твоего соседа. Пока они выглядят прилично, они годятся. А если влезешь в долги и из-за этого потеряешь независимость, тебя будут презирать.

Когда исполняешь свои обязанности... смотри, чтобы прическа была в порядке.

Упражняться в верховой езде следует лишь тогда, когда свободен от службы. Если человек хорошо держится на ногах, ему надо только научиться обращаться с поводом...

Лучшие друзья, которые могут быть у человека – это чтение и письмо, а худшие, которых надо избегать, – это го, шахматы, флейта и дудка.

Завешание оканчивается высокопарным, но очень уместным замечанием:

В литературе и военном искусстве следует совершенствоваться постоянно, что, впрочем, и так ясно. Древнее правило гласит, что грамотность – это левая рука, а военное дело – правая. Ни тем, ни другим не следует пренебрегать.

Семейством, больше всего пострадавшим от расчетливой воинственности Ходзё, были Уэсуги, которые к тому времени, когда Ходзё Соун напал на них, фактически

сами разорвали на части свой клан. Последним из Уэсуги, кто противостоял Ходзё, был Норимаса, который в 1551 г. бежал из Канто в Этиго, дикую горную провинцию на Хокурикудо. Здесь он вынужден был просить защиты у одного из своих прежних вассалов, Нагао Кагэтора. Как и Ходзё Соун, Кагэтора понимал цену известному имени и добился, чтобы Уэсуги Норимаса его усыновил. В следующем, 1552 году он обрил голову и с тех пор носил имя Уэсуги Кэнсин – одно из самых прославленных имен в военных анналах XVI века. Став по усыновлению наследником пришедшей в упадок семьи Уэсуги, Кэнсин предпринял несколько кампаний против Ходзё, однако больше всего он прославился благодаря вражде с другим соседом, Такэда Сингэном. На этого достойного воина, чье имя всегда ассоциируется с именем Кэнсина, мы теперь и обратим наше внимание.

Такэда Сингэн, или Харунобу, как его звали до того, как он обрил голову в 1551 г., – одна из самых ярких личностей в истории Японии. Он родился в 1521 г., и его первые агрессивные действия были направлены против собственного отца, который хотел лишить его наследства в пользу младшего брата. Харунобу восстал, заточил отца, поручив его охрану одному из соседей, и таким образом получил во владение провинцию Каи. Затем этот энергичный молодой магнат расширил свою территорию, если здесь можно употребить этот обтекаемый термин, за счет области Синано, которой тогда правил Мураками Ёсикиё. Когда Мураками был разбит в 1547 г., тот попросил помощи у ближайшего соседа, которым оказался Уэсуги Кэнсин.

Так началась прославленная в военной истории серия войн между Кэнсином и Сингэном. В их столкновениях есть одна примечательная черта. Пять сражений были разыграны на одном и том же месте, на ровном участке земли в Синано, называемом Каванакадзима, где сливаются реки Сайгава и Тикумагава, в 1553, 1555, 1557, 1561 и 1564 гг. В нескольких сражениях, когда одна из сторон приобретала тактическое преимущество над другой, обе армии двигались как

гигантские шахматы, в которых шахматными фигурами служили люди. Четвертая битва при Каванакадзима в 1561 г. была, однако, настоящим, большим и кровавым сражением.

Уважение, которое Кэнсин и Сингэн испытывали друг к другу, лучше всего иллюстрируется знаменитой «историей с солью». Поскольку владения Сингэна находились в горах, он мог получать соль, только поддерживая постоянные хорошие отношения с семейством Ходзё. Во время одной из кампаний в Каванакадзима Ходзё, бывший тогда у власти, прекратил снабжать Сингэна солью. Кэнсин, узнав о трудностях Сингэна, заметил, что Ходзё совершил очень подлый поступок, и послал Сингэну некоторое количество соли из собственной провинции, которая имела выход к побережью Японского моря. И добавил при этом: «Я воюю не солью, а мечом».

Когда он не был занят войной с Кэнсином – процессом, который доставлял ему огромное удовольствие, Такэда Сингэн мудро и справедливо управлял своими владениями. С военной точки зрения он был искусным полководцем, что подтвердилось в конце его жизни, когда он воевал с более могущественными соперниками. Он настолько полагался на свое тактическое мастерство, что в ту эпоху крепостей не возвел ни одной, предпочитая встречаться с врагом в чистом поле. Это требовало суровой дисциплины и хорошей организации, и Сингэн был среди первых, кто привил эти добродетели пехотинцам-асигару, способным доставить массу проблем даже самому лучшему полководцу. И в этом, и во многих других военных преобразованиях Сингэн оставался новатором. Его поддерживала команда из 24 способных генералов, таких, как Баба Нобухару и Ямамото Канцкэ.

Об одном из его старых приближенных, который вел армию Такэда в какую-то битву в сопровождении своего младшего сына, рассказывали следующую историю. Для юноши это был первый военный опыт; исполненный гордости, он повернулся к отцу и сказал: «Я иду в бой, я забыл свою жену и семью». Отец очень рассердился. Он

ответил юноше: «Истинный самурай никак не может забыть жену и семью, когда идет в бой, потому что истинный самурай вообще о них никогда не думает!» Командиры Сингэна прекрасно понимали тонкий психологический эффект хорошей военной организации. Ямагата Масакагэ, один из его лучших генералов, облачал своих солдат в доспехи, выкрашенные красным лаком, что производило должное впечатление на противника. Идеалы Сингэна были начертаны на его знаменах золотыми иероглифами: «Тверд как гора, атакует как пламя, неподвижен как лес, быстр как ветер» – цитата из «Искусства войны» китайского автора Сун-цзы.

Его подход к ведению войны отчасти диктовался внешними обстоятельствами. Его кампании, базировавшиеся на ресурсах горных провинций Каи и Синано, должны были носить наступательный характер, сводясь к стремительным набегам с гор на равнину. Трудности с транспортом за пределами Каи вынуждали Сингэна ограничиваться короткими кампаниями, обычно в три – четыре дня, максимум – в сорок-пятьдесят дней. Выполнение поставленных задач в столь короткие сроки требовало значительных ресурсов, и людских, и материальных. И то и другое у него было, как следует из нижеприведенного списка личного состава его войска:

Личная гвардия Такэда Сингэна – 6 373

Провинция Каи, 788 деревень, поставлявших: 3 740 всадников (при каждом четыре человека прислуги) под командованием Оямада, Баба и др. – 14 960

Каи, командиры асигару (включая самураев) – 285

Каи, асигару – 785

Синано – 2 020

Восточная Кодзукэ – 1 035

Суруга – 430

Тотоми – 320

Хида – 150

Эттю – 170

Мусаси – 180

Писцы, повара, придворные и другие – 9 340

Сверх того, пираты, наемники и другие.

В сумме получалась армия в 45 000 человек. Сингэн был в состоянии контролировать и содержать такое войско, поскольку его управление было разумным, хотя и немного патриархальным. Во многом его методы управления опередили свое время, поскольку он позволял крестьянам вносить подати не только рисом, но и деньгами. Это позволило ему заменить обычные телесные наказания денежными штрафами, что улучшило его отношения с крестьянами. Крестьяне также не могли не оценить и того факта, что Сингэн был одним из немногих даймё (как назывались эти новые феодальные владельцы), которые взимали налог не только с крестьян, но также и с самураев и с храмов. Сингэн никогда не забывал о требованиях военного времени. Он заботился о состоянии дорог и организовал эффективную курьерскую службу. Он мог позволить себе такие щедрые траты, так как буквально сидел на золотой жиле. Драгоценный металл веками добывался в Каи, и золото Такэда было основой его экономического могущества.

Соблазнительно представить себе владения Сингэна как страну счастливых трудолюбивых крестьян, готовых отложить свои орудия труда и взяться за мечи, защищая любимого господина, где не было оснований для смуты, подобной движению икки. В этом есть доля правды, ибо крестьяне относились к «Сингэн-ко», или «принцу Сингэну», с любовью и уважением. Лучшим комплиментом, сделанным созданной Сингэном системе, было то, что через много лет после его смерти Токугава Иэясу создал свою грандиозную административную систему по модели Такэда. Успех Такэда Сингэна заключался, в сущности, в том, что он мог содержать большую армию асигару, обученных основам военного дела, и в то же время в случае войны не отрывать крестьян от сельскохозяйственных работ. В этом он преуспел более, чем кто-либо из современников. Ходзё Удзиясу (внук Соуна,

1515–1570) набирал рекрутов без всяких ограничений. Если следующие его предписания, изданные в то время, когда он воевал с Уэсуги Кэнсином, выполнялись, то вообще непонятно, как в его провинции могло уцелеть сельское хозяйство:

1. Всем мужчинам, включая лиц самурайского сословия, приказано явиться и записаться в двенадцатый день этого месяца. Им надлежит принести с собой ружье, копьё или какой-либо другой вид оружия, если оно у них имеется, не опасаясь за последствия.

2. И если станет известно впоследствии, что хотя бы один человек в области скрылся и уклонился от этого призыва, кем бы он ни был, управляющим этой областью или крестьянином, он будет обезглавлен.

3. Всем мужчинам, от пятнадцати до семидесяти лет, надлежит явиться; уклониться не дозволено будет даже обезьяньему поводырю.

Далее следует несколько параграфов, предписывающих рекрутам начистить оружие и сделать бумажные знамена, и альтернативные приказы на случай, если в назначенный день будет плохая погода. Тем, у кого нет оружия, велено явиться с мотыгами и серпами; даже буддийские монахи призваны «исполнить свой долг». Документ заканчивается суровыми предупреждениями и обещаниями наград. Для такого господина все люди были солдатами.

В возвышении «новых людей», таких, как Ходзэ Соун и Такэда Сингэн, много драматизма, однако нигде процесс гэкокудзё не выглядел столь театрально, как в истории падения клана Оути, которых низверг один из их вассалов и за которых отомстил другой. В последний раз мы встречали Оути в лице Оути Масахиро, который принял сторону Ямана в войне Онин. Его сын Ёсиоки был человеком воинственным; благодаря его усилиям ко дню его смерти в 1528 г. семья

Оути занимала высокое положение. Сперва казалось, что и его сын Ёситака сделан из того же теста, однако от успехов он сделался беспечным. Разбив нескольких врагов на Кюсю, он вернулся в свой дом в Ямагути и посвятил себя радостям искусства и литературы. Как и Одавара, цитадель Ходзё, Ямагути был процветающим торговым центром. Его положение на побережье Внутреннего моря предоставляло ему идеальные условия для торговли с Китаем. Поражение, понесенное в 1543 г., убедило Ёситака, что война – занятие слишком опасное для культурного человека, и он с головой ушел в развлечения. К его удовольствию, в этом его поддерживали бежавшие из Киото придворные, покинувшие столицу ради относительного спокойствия владений Ёситака.

Тем временем двое его главных приближенных, Мори Мотонари и Суэ Харуката, намного лучше оценившие реальность, нежели их господин, убеждали его оставить развлечения. Иначе, говорили они, какой-нибудь честолюбивый самурай воспользуется ситуацией и попытается устроить гэкокудзё. Как и предупреждали Мори и Суэ, возник заговор, и, видимо, чтобы ускорить исполнение своего пророчества, во главе его встал Суэ. Тщетно Ёситака зывал о помощи – мало кто из прежних союзников готов был ему помочь. После неудачной попытки к бегству мятежники осадили его, и он покончил с собой.

Мори Мотонари, до тех пор не принимавший в событиях никакого участия, вдруг почувствовал, что долг обязывает его отомстить за господина. В течение последующих нескольких лет Мори втайне готовил заговор, выражая меж тем свое почтение Суэ и преклоняясь перед обретенной им властью. Помимо природной хитрости, у Мори было еще одно преимущество – три замечательных сына. Его наследником был Мори Такотомо, родившийся в 1523 г., который впоследствии умер раньше отца. Второго сына звали Мотохару. Он родился в 1530 г. и был усыновлен кланом Киккава. Такакагэ, который был двумя годами младше, был принят в другую семью – Кобаякава. Двое

младших братьев, имевшие репутацию несравненных воинов, носили прозвище «Две Реки» (Рё-гава) – по одинаковым знакам в именах, данных им при усыновлении.

В 1514 г. Мори начал действовать, но, имея перед собой противника, способного выставить армию в 30 000 человек, решил прибегнуть к военной хитрости. Вышло так, что кто-то из командиров Мори предложил укрепить остров Миядзима. На этом острове, известном также под именем Ицукусима, стоит святилище, некогда столь любимое кланом Тайра. Он находится примерно в 20 километрах к югу от Хиросима. С Миядзима связано одно старинное предание. Некогда существовало строгое религиозное правило, согласно которому остров Миядзима не должен быть осквернен ни рождением, ни смертью. На Миядзима до сих пор нет кладбища; мертвых хоронят на материке, а плакальщики подвергаются обряду очищения, прежде чем вернуться домой. Мори Мотонари прекрасно знал этот обычай, но был в достаточной мере скептиком, чтобы пренебречь религией и использовать остров в качестве потенциального троянского коня.

Итак, Мори построил на Миядзима крепость в не посредственной близости от знаменитого храма. В мае 1555 г. там был размещен гарнизон, и Мори стал публично оплакивать свою «глупость» – он, мол, построил такую крепость, которую с легкостью может захватить Суэ. Последний не замедлил отправить на остров флот джонок и почти без потерь занял Миядзима. Мори тем временем захватил другую крепость, стоявшую напротив, на другой стороне пролива, и таким образом отрезал Суэ пути к отступлению. Суэ оставил в крепости гарнизон в 500 человек, а остальную армию разместил на острове. Это, несомненно, было бы впечатляющей демонстрацией силы, если бы не то обстоятельство, что вся армия оказалась отрезанной на острове и что это положение было слишком похоже на положение осажденного.

Мори оставалось теперь только выбрать момент для

внезапной атаки. Соотношение сил было пять к одному, однако внезапность было легко обеспечить, поскольку Суэ чувствовал себя чересчур уверенно и не позаботился выставить часовых. Темной дождливой октябрьской ночью солдаты Мори погрузились в лодки. Через пролив их перевозили пираты, которым Мори приказал вернуться после высадки войска, чтобы ни одна лодка не досталась отступающему противнику. Войско разделилось на две части. Один отряд, под командованием Мори, отца и сына, и другого сына, Киккава, доплыл до северной оконечности острова, чтобы высадиться на побережье, примерно в миле от лагеря Суэ. Другой отряд, около 1 500 человек, которыми командовал Кобаякава, прошел несколько миль вниз по проливу, а затем, когда крепость скрылась из виду, вернулся назад, чтобы на рассвете начать лобовую атаку одновременно с первым отрядом, который должен был атаковать с тыла. Внезапность была полной, под трубные звуки раковин самураи Мори сметали все на своем пути. Не найдя лодок для отступления, воины Суэ сотнями кончали с собой: одни бросались в воду, другие прибегали к традиционному харакири. Что же касается осквернения смертью, то Мори Мотонари проследил, чтобы остров очистили от крови. Боги, по-видимому, одобрили это, поскольку после победы на Миядзима семья Мори выдвинулась на первое место в западной Японии.

Читатель, вероятно, уже почувствовал, что с падением центральной власти вновь стал меняться или, во всяком случае, сделался разнообразнее сам характер военных действий. Война уже не сводилась только к подготовке кампаний и руководству сражениями. В арсенале самураев всегда хватало военных хитростей, но если во время войны Гэмпэй те, кто их применял, считались негодяями (каковыми они и были), то в «век войн» кинжал во тьме стал и законным, и необходимым средством. Война покинула поле боя и вторглась в частные покои. Для «новых людей» настольной книгой стали китайские военные трактаты, содержавшие

инструкции по разведке, тайным убийствам и всем формам шпионажа. Самурай, даже если и не применял подобную тактику, вынужден был с ней ознакомиться, если хотел сохранить голову на плечах. Мори Мотонари заметил однажды: мудро поступает тот, кто никому не верит, даже близким родственникам. Мацуура, даймё острова Хирадо рядом с Кюсю, имел обыкновение держать в ванной комнате палицу. У Такэда Сингэна было два входа в уборную. Возможно, некоторые магнаты нанимали убийц, чтобы уничтожать врагов. Эти так называемые ниндзя представляют проблему для историков, поскольку источники того времени их почти не упоминают. В основе их ремесла лежали тайна и темнота ночи, и им можно было бы приписать многие случаи естественной на первый взгляд смерти.

Любопытным образом новые условия войны отразились на стиле вооружения. Кампании теперь продолжались гораздо дольше, чем прежде, что вызвало определенные проблемы, связанные с плотной шнуровкой доспехов. Автор XVII века Сакакибара Кадзан писал:

«... когда они пропитывались водой, они становились тяжелыми, и их нельзя было быстро высушить, так что летом их вес был обременителен, а зимой все это могло замерзнуть. Более того, никакая стирка не могла полностью избавить шнуровку от грязи, которая в нее проникала, так что во время долгих дальних кампаний она начинала дурно пахнуть, в ней заводились муравьи и вши, что плохо сказывалось на здоровье носящего такие доспехи.

Плотная шнуровка также задерживала острие копья, вместо того чтобы дать ему соскользнуть, не причинив вреда. Поэтому плотную шнуровку (кэбики одоси) заменили шнуровкой сдвоенными шнурами (сугакэ одоси). Дополнительным ее преимуществом было то,

что такая технология позволяла оружейнику, у которого и так хватало заказов, сэкономить время. К тому же периоду относятся еще два нововведения. Первым было превращение забрала из простого набора пластин в металлическую маску, которая вскоре обрела черты человеческого лица и часто снабжалась колючими усами из конского волоса. Более простые виды доспехов превратились почти что в униформу. Чтобы облегчить узнавание на поле боя, к спине крепился небольшой флажок (сасимоно) с гербом или каким-либо иным знаком отличия».

Темой этой главы было гэкокудзё, подавление великих малыми, и действительно, из всех социальных групп за годы этой столетней войны больше всего выиграло крестьянство. Его процветание неожиданно стало жизненно важным вопросом для даймё, поскольку те нуждались в продовольствии и личном составе для своих армий. Если с какой-то группой крестьян плохо обращались, им достаточно было пересечь границу провинции, и там они могли спокойно обрабатывать поле бывшего врага. То было время великих возможностей для воинов низшего сословия. Обладавший военными талантами асигару мог дослужиться до очень высокого ранга, поскольку замкнутого самурайского сословия, способного задержать его продвижение, уже не существовало. Ранг можно было обрести, также как и как землю, добычу или фамилию. Каждый асигару японской феодальной армии носил маршалский веер в своем ранце.

Другой крайностью социальной жизни того злосчастного времени был полный упадок государства. Институт императорской власти потерял всякое значение. Пока шла война, доходы с императорских владений не поступали, и трон полностью обанкротился. Когда в 1501 г. умер император Го-Цути – Микадо, двор даже не мог его похоронить, а коронацию его преемника отложили на

двадцать лет из-за нехватки средств, пока это не стало возможным благодаря подарку монахов икко. Император Го-Нара (1527–1532) жил в деревянной хижине вместо дворца, и дети лепили пирожки из грязи у его дверей. Чтобы добыть денег, он продавал прохожим автографы; рассказывают, что императорская трапеза состояла из рисовых пирожков и собачьего супа. Финансовое положение сёгуната было немногим лучше, и хотя этот институт уже давно утратил реальную власть, он все еще привлекал честолюбцев. Чтобы обрести жалкий титул сёгуна или чтобы контролировать своего ставленника на этом посту, люди готовы были убивать собственных отцов.

В заключение скажем, что к середине XVI века политическая раздробленность в Японии была сильнее, чем когда-либо за всю историю этой страны. Никакого центрального правительства больше не было, а военачальники непрерывно сражались за свои маленькие царства, то заключая союзы, то предавая друг друга. Между ними было зажато несколько сотен менее значительных семей, занятых в основном таким почтенным делом, как кража чужих земельных владений. Тем не менее в течение последнего десятка лет или около того семена процесса, вернувшего стране мир, уже стали давать всходы. Этому процессу и будет посвящена следующая глава.

Глава VIII

Святые и самураи

Темой этой главы будет воссоединение Японии, предприятие главным образом военное, которое повлекло за собой радикальные изменения в статусе, организации и вооружении самураев. Освоение новых видов оружия сыграло значительную роль в событиях, которые привели к объединению страны. В 1542 или в 1543 году китайская джонка, на которой плыли три португальских торговца, была снесена с курса ураганом и прибита к берегам острова Танэгасима у берегов южного Кюсю. Эти три путешественника были первыми европейцами, ступившими на землю Японии. И хотя их вид и странная одежда возбуждали любопытство, то, что действительно восхитило японцев, было имевшееся у них огнестрельное оружие. Один свидетель вспоминает:

«В руках они держали нечто в два или три фута длиной, снаружи прямое, с отверстием внутри, сделанное из тяжелого материала. Сквозь него проходит отверстие, которое, однако, с одного конца закрыто. А сбоку есть другое отверстие, которое служит для прохождения огня. Его форму нельзя сравнить ни с чем, что я знаю. Чтобы использовать это, наполните его порохом и маленькими свинцовыми шариками, установите маленькую белую мишень на берегу, возьмите эту вещь в руки, примите стойку и, закрыв один глаз, поднесите огонь к отверстию. Шарик попадет прямо в цель. Взрыв напоминает вспышку молнии, а грохот выстрела подобен грому».

Очень даже возможно, что японцы были знакомы с примитивными китайскими «ручными пушками» того времени. Следует вспомнить, что в 1274 г. монголы

обстреливали их предков разрывными бомбами. Но оружие, привезенное португальцами, было, несомненно, первым настоящим огнестрельным оружием, которое попало в их страну. Оно принадлежало к тому типу, который мы называем аркебузой, или фитильным ружьем. Оно было достаточно легким, чтобы целиться из него без опоры (сошки), которая применялась для более тяжелого мушкета. Потенциальные возможности нового оружия были оценены немедленно. Как мы знаем из предыдущей главы, это было исключительно воинственное время, и потребности момента поднимали японскую технологию до такого уровня, что она могла справиться с этим новшеством. С точки зрения и психологии, и технологии аркебузы прибыли как раз вовремя. После месячного курса обучения даймё Танэгасима, который происходил из рода Симадзу, приобрел два экземпляра за огромную сумму денег и отдал ружья своему главному кузнецу-оружейнику, чтобы тот их скопировал. Некоторые технические проблемы того сперва озадачили: например, как закрыть задний конец ствола; однако несколько месяцев спустя, когда на Танэгасима зашло португальское судно, он отдал свою дочь за несколько уроков оружейного дела, и вскоре его мастерская стала выпускать продукцию, ничем не уступающую европейской. Технология быстро распространилась, и через несколько лет кузнецы стали ездить с Хонсю на Кюсю, чтобы учиться искусству изготовления ружей. Японская аркебуза приводилась в действие посредством тлеющего фитиля, который поджигал порох. Фитиль, пропитанный шнур, закреплялся на серпентине, S-образном рычаге. Когда стрелок нажимал на спусковой рычаг, тлеющий фитиль опускался к запальному отверстию, закрывавшемуся плотной медной крышкой во избежание несчастных случаев. Процесс забивания пороха и пуль в ствол не представлял особых проблем с точки зрения безопасности, но укладка более мелкого затравочного пороха на полку, очевидно, требовала удаления фитиля на достаточное расстояние. Не совсем ясно, как это делалось. На

некоторых иллюстрациях изображен аркебузир с отрезком фитиля, обмотанным вокруг руки, но это мог быть запасной фитиль, поскольку для того, чтобы пользоваться ружьем в течение дня, требовалось около двух метров фитиля. Некоторые мушкеты имели отверстие в ложе, через которое пропускался фитиль.

Благодаря традиционному японскому таланту подражания и совершенствования был сделан ряд нововведений. Изготавливались лакированные футляры, чтобы ружья, когда ими не пользуются, оставались сухими. Одним из наиболее странных усовершенствований, которое, вероятно, относится к XVII веку или позже, был водонепроницаемый щиток для запального отверстия.

Аркебуза имела несколько основных недостатков. Процесс перезарядки требовал времени, и она стреляла не так точно, как лук. Тем не менее Такэда Сингэн в 1555 г. приобрел 300 мушкетов, а в 1571 г. отдал следующий приказ своим командирам:

«Отныне ружья станут самым важным оружием. Посему сократите количество копий [в ваших войсках], и пусть самые способные воины имеют ружья. Кроме того, когда вы собираете солдат, проверяйте их в стрельбе на меткость и требуйте, чтобы отбор [аркебузирова] производился в соответствии с результатами [вашей проверки]».

Еще одна причина популярности аркебузы связана с изменением социального состава японских армий. Мы уже отмечали, что перед монгольскими вторжениями искусство стрельбы из японского лука пришло в упадок, а его боевой потенциал снизился. Одновременно с увеличением численности армий и введением более разнообразного вооружения низшие классы стали играть в них все более заметную роль. В то время как для обучения стрельбе из лука и наращивания мускулов требовалось несколько лет,

крестьянина можно было всего за несколько дней научить стрелять из аркебузы с той меткостью, которой позволяет достичь это оружие. Короче говоря, аркебуза была идеальным оружием для асигару. Это не значит, что им всем немедленно выдали аркебузы, поскольку первоначально это дорогое оружие рассматривалось как один из престижных атрибутов воина-самурая.

Симадзу Такихаса принадлежит честь быть первым военачальником, который в гневе выстрелил из аркебузы. Это было в 1549 г. Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин использовали их во время своих неоднократных сражений при Каванакадзима, а войска Мори стреляли из них по Суэ при Миядзима, однако какое-то время аркебузы оставались лишь полезным дополнением к вооружению самураев и никто из вышеперечисленных способных военачальников не сумел по-настоящему оценить потенциал огнестрельного оружия. Прошло тридцать лет после того, как аркебузы вошли в употребление в Японии, прежде чем один полководец нашел наиболее эффективный способ использования большого числа этих не очень точно бьющих ружей – открытие, которое, как мы увидим, немало содействовало делу воссоединения страны.

Объединение Японии сводится по сути дела к истории трех человек. Все они родились один за другим в течение восьми лет. Все они начали свою карьеру как храбрые самурай, а закончили как государственные деятели. В конце XVI века все трое сражались и бок о бок, и один против другого.

Эти трое были: Ода Нобунага, родившийся в 1534 г., Тоётоми Хидэёси (1538) и Токугава Иэясу (1542). В предыдущей главе мы рассмотрели, как упадок сёгуната Асикага позволил нескольким сильным военачальникам основать по всей Японии практически независимые государства. Более чем вероятно, что такие люди, в особенности Ходзё и Такэда, лелеяли тайные замыслы повторить деяния Асикага Такаудзи, двинуться на Киото и

либо основать новый сёгунат, либо взять под контроль марионеточного сёгуна. Однако за прошедшие два века ситуация настолько изменилась, что подобные действия уже не имели бы смысла, поскольку покинь один из них родную провинцию, это неизбежно дало бы возможность соседу напасть на нее. Если, например, Ходзё двинулся бы на Киото со всеми силами, которые для этого необходимы, то Такэда Сингэн вошел бы в Сагами. Пока Сингэн был бы в Сагами, Уэсуги Кэнсин мог бы двинуть войска на Каи. На самом же деле большинство военачальников были слишком заняты тем, чтобы следить друг за другом или сражаться друг с другом, чтобы думать о нападении на столицу. Сложись все по-другому, Такэда Сингэн оказался бы способным править Японией не хуже, чем он управлял провинцией Каи. Но, по иронии судьбы, мантия героя-завоевателя упала на плечи молодого, менее известного военачальника по имени Ода Нобунага.

Ода были землевладельцами в провинции Овари. Между 1530 и 1539 гг. благодаря знакомому нам теперь процессу гэкокудзё они стали хозяевами всей провинции. В 1551 г. молодой Нобунага унаследовал растущие владения своего отца. Поскольку ему было только семнадцать лет, он столкнулся с сильной оппозицией со стороны других членов клана. Ей он противостоял с той жестокостью, которая в дальнейшем стала одной из основных черт его характера. В том же году, когда Нобунага унаследовал свое состояние, еще один молодой человек приступил к созданию собственной карьеры. Тоётоми Хидэёси тоже был родом из Овари, но родился в крестьянской семье. Еще юношей он бежал из храма, куда родители-крестьяне пристроили его в надежде, что он станет священнослужителем, и вступил в ряды армии местного магната в качестве асигару. Однажды господин доверил ему некоторую сумму денег. Он украл их, приобрел доспехи и оружие и присоединился к войску Нобунага, опять-таки в качестве асигару. Это было в 1558 г. У Нобунага было чутье на талантливых людей, и последующее

повышение Хидзёси по служебной лестнице не сравнимо по скорости ни с одной самурайской карьерой за всю историю Японии.

В 1558 г. произошла первая битва, в которой участвовал третий член нашей триады. Токугава Иэясу был семнадцатилетним самураем на службе у Имагава Ёсимото, который владел Микава, Тотоми и Суруга – провинциями, расположенными по дороге Токайдо вслед за Овари, где правил Ода. Обладание этими провинциями делало Имагава равным по положению таким магнатам, как Ходзё, Уэсуги и Такэда, однако ему не хватало их военного и административного таланта. Первая битва, где Токугава Иэясу сражался за Имагава, велась против Ода Нобунага. Иэясу атаковал одну из крепостей Нобунага, поджег ее, а затем задал жару и Нобунага, когда тот попытался взять ее обратно. В 1560 г. Иэясу вновь озадачил Нобунага, когда, везя припасы в принадлежавшую Имагава пограничную крепость Одака, он совершил отвлекающий маневр и ввел Нобунага в заблуждение. Невероятная самоуверенность Иэясу привлекала Имагава, который претендовал на большее, ибо Имагава суждено было стать первым полководцем, попытавшимся захватить Киото. Его тыл был хорошо защищен, поскольку Суруга отделена от Сагами, где правил Ходзё, горами Хаконэ, а в то время, на которое была намечена кампания, Ходзё Удзиясу был занят войной с Уэсуги Кэнсином. Имагава выступил в поход в июне 1560 г., собрав 25 000 самураев из всех своих трех провинций. Только три провинции отделяли его от Киото, и первой была Овари. Ставка Ода Нобунага находилась в крепости Киёсу, близ современного города Нагоя. 22 июня 1560 г. он получил сообщение, что одну из его пограничных крепостей, Марунэ, взял на рассвете штурмом Токугава Иэясу. Атака Иэясу была проведена быстро и энергично, он эффективно использовал концентрированный аркебузный огонь. Несколько часов спустя пала другая пограничная крепость, не оставив ничего между двадцатипяти тысячным войском Имагава и маленькой

армией Нобунага в Киёсу. К изумлению своих советников, Нобунага решил атаковать противника. Численность его войска не превышала 2 000 человек, однако при соотношении сил один к двенадцати он все же выступил из Киёсу, напевая какую-то мелодию, и казался совершенно беззаботным.

Разведчики Нобунага донесли, что Имагава дал отдых своим войскам в местечке под названием Дэнгаку-хадзама, около небольшой деревни Окэхадзама. Эту местность Нобунага знал хорошо. Дэнгаку-хадзама – узкое ущелье, при благоприятных условиях – идеальное место для неожиданного нападения. Разведчики добавили, что воины Имагава празднуют победу и пируют, в то время как Ёсимото осматривает отрубленные головы. Нобунага двинулся к лагерю Имагава и занял позицию неподалеку. Ряд знамен и чучела солдат, сделанные из соломы и лишних шлемов, производили впечатление большой армии, в то время как настоящее войско Ода двинулось в обход форсированным маршем, чтобы зайти Ёсимото в тыл. Удача и погода благоприятствовали Нобунага, ибо в середине дня душная жара сменилась сильной грозой. Пока самураи Имагава укрывались от дождя, Нобунага развернул свои войска, и когда гроза кончилась, они атаковали врага в ущелье. Атака была столь неожиданной, что Ёсимото подумал, что это началась драка между его людьми. Он понял, что это атака Нобунага, только когда на него налетели два вражеских самурая. Один нацелил на него копье, которое Ёсимото парировал мечом, но второй снес Ёсимото голову своим клинком.

Сражение при Окэхадзама продолжалась всего несколько минут, но это была одна из самых решающих битв в истории Японии. Ода Нобунага оказался в одном ряду с самыми могущественными полководцами и приобрел ценного союзника, поскольку смерть Имагава Ёсимото освободила Токугава Иэясу от вассальных обязательств, и в 1561 г. он присоединился к Нобунага. Все три потенциальных японских лидера отныне сражались бок о бок.

Теперь Нобунага был вынужден принять трудное решение. Дерзнет ли он попытаться достичь успеха там, где потерпел неудачу Имагава? В конце концов он был на одну провинцию ближе к Киото, чем Имагава – от столицы его отделяли только Мино и Оми. Чтобы укрепить свой тыл, он выдал дочь замуж за сына Такэда Сингэна, а в 1564 г. – младшую сестру за Асаи Нагамаса, который контролировал северную Оми. Поскольку Токугава Иэясу пользовался авторитетом в Микава, на его пути оставалась только провинция Оми. Читатель, может быть, помнит, что этой провинцией завладел бывший торговец маслом и бывший священнослужитель Сайто Тосимаса, который в предыдущей главе упоминался как исключительный злодей. Нобунага в течение нескольких лет ожидал неприятностей от Сайто, а затем в качестве меры предосторожности женился на его дочери. Тосимаса был малопривлекательным тестем, любил пытки, варил людей живьем, поэтому Нобунага с некоторым облегчением узнал о его смерти от руки собственного сына, Ёситацу, в 1556 г. Любой повод лучше, чем никакой, и Нобунага объявил этому сыну войну под предлогом мести за тестя. Однако еще до начала кампании Ёситацу умер от проказы, предоставив своему сыну Тацуоки продолжать борьбу. Покорение последнего из Сайто было поручено Тоётоми Хидэёси, который без особого труда взял замок Инабаяма (современный Гифу) в 1564 г.

Дорога на столицу была открыта; Нобунага был нужен только повод к действию. В 1567 г. он постучался к нему в дверь в лице молодого человека по имени Асикага Ёсиаки. Как следует из его фамилии, это и вправду был богатый улов, поскольку юноша был наследником сёгуната Асикага, который, несмотря на все превратности судьбы, пока еще кое-как существовал. Двенадцатый сёгун Асикага, Ёсихару, отрекся в 1545 г. в пользу своего сына Ёситэру, а затем, видя неизбежное приближение конца своего клана, умер от отчаяния. Жизнь Асикага Ёситэру, который стал тринадцатым сёгуном Асикага в возрасте одиннадцати лет, была сплошной

чередой несчастий. Его крепко держала в руках пара изысканных, но злобных заговорщиков, которых звали Миёси Токэй и Мацунага Хисахидэ; в конце концов они предали его смерти и сделали сёгуном его кузена, которого также превратили в марионетку. Ёсиаки избежал сетей заговора, который привел к смерти его старшего брата Ёситэру, и попросил убежища у Ода Нобунага.

9 ноября 1568 г. Ода Нобунага триумфально вступил в Киото, привезя с собой наследника титула, который давно уже утратил всякое значение. Едва ли нужно пояснять, что Ёсиаки стал марионеткой в руках Нобунага, который свел функции сёгуна к исполнению церемоний. Это предоставило Нобунага отличную возможность удовлетворить свою тягу к великолепию, и он отстроил новый дворец для сёгуна и еще один – для императора, который, естественно, был ему за это благодарен.

Пока Нобунага занимался политикой, его союзники и подчиненные ему командиры продолжали уничтожать его врагов. Растущее могущество Нобунага явственно проявляется в кампаниях, когда он наделял всеми полномочиями отдельных военачальников, таких, как Иэясу и Хидэёси. Он, правда, щедро вознаграждал их, но сам факт, что подобные союзы могли существовать и были достаточно эффективны, говорит о том, что в общей неразберихе самурайской политики стала проявляться хоть какая-то лояльность. В кампании, которую Иэясу провел в 1563 г. против монахов Икко, он предстает как молодой воин, дерзкий и храбрый. Икко-икки, о которых мы говорили в предыдущей главе, никому не уступали в своем фанатизме и религиозной нетерпимости. Они выступили навстречу Иэясу при Адзукидзака, укрепив на шлемах таблички с надписью: «Кто наступает, уверен в небесном блаженстве, кто отступает – в вечном проклятии». Дабы проклятие скорее настигло их врагов, они вооружились изрядным количеством аркебуз – предводители Икко были одними из первых клиентов недавно созданного в Сакаи арсенала.

Подвиги Иэясу в этом сражении говорят о том, что век личной доблести еще не подошел к концу. Иэясу вызвал одного из монахов на поединок. Тот ответил оскорбительным отказом, и тогда Иэясу налетел на него на всем скаку. К нему присоединилось еще несколько самураев, и в этой стычке один из предводителей Икко, возможно, тот самый, кто был вызван на поединок, вынужден был ретироваться с двумя длинными зарубками на задней части доспеха, оставленными копьем Иэясу. Когда Иэясу начал преследовать отступающего врага, он почувствовал, как в его доспехи ударила пуля из аркебузы, но это не причинило ему боли, поэтому, решив, что пуля отскочила, он продолжал сражаться. Когда наконец он вернулся в лагерь и стал снимать доспехи, две пули выпали из его рубашки. Будь у стрелка порох получше, Иэясу остался бы в памяти потомков как обычный фанатик – самурай, павший жертвой собственного энтузиазма, и вся последующая история Японии могла бы быть совсем иной. Эта стычка с Икко-икки была столь же малозначащей, как и рана Иэясу. Из всех противников Нобунага самыми беспокойными оказались различные религиозные секты, особенно Икко-икки в их неприступном храме-крепости Исияма Хонгандзи и монахи Энрякудзи на горе Хиэй. Одной из возможных причин такой воинственности монахов было появление на исторической сцене, впервые за восемьсот лет, соперника буддизма.

Когда португальцы прибыли в Японию в 1543 г., они привезли с собой не только огнестрельное оружие. Вслед за торговцами пришли миссионеры. Выдающейся личностью среди них был иезуит, св. Франциск Ксавье. Влияние христианства на самураев – вопрос слишком сложный, чтобы подробно рассматривать его в этой книге, однако некоторые его аспекты стоит отметить. Можно предположить, что одна из причин, по которой христианству удалось совершить столь успешное вторжение, был тот факт, что миссионеры сумели внушить самураям определенное к себе уважение. В 1549 г. Обществу Иисуса едва исполнилось девять лет со дня его

основания св. Игнатием Лойолой в 1540 г. Лойола прежде был солдатом, к тому же весьма неплохим, и когда он создавал свое общество, он привнес в него военную организацию, «дабы сражаться за Церковь мечом духа».

Строгая дисциплина и беспрекословное повиновение были теми главными добродетелями, наряду с готовностью идти куда угодно и совершать что угодно по первому требованию, которые позволяли Лойоле говорить о своем ордене как о «рыцарстве Церкви». Для вступивших в орден период посвящения был долгим и тяжелым: только после нескольких лет спартанского воспитания иезуит становился «полностью пригодным». В этом есть некоторая аналогия с воспитанием и ценностями самураев, что, может быть, и дает ключ к загадке первых успехов иезуитов в Японии. Сравнение, конечно, не должно заводить нас слишком далеко, но соблазнительно было бы рассматривать иезуитов как своего рода самураев Папы Римского. В какой-то мере те требования, которые в смысле духовном предъявляли к себе иезуиты, были бы понятны самураям, воспитанным в строгости учения Дзэн. Призыв отказаться от всего мирского, избавить сознание от привязанностей этого непостоянного мира, может с той же легкостью быть применен как к поиску просветления, так и к подготовке к трудам во славу Божию.

Поскольку появлялось все больше новообращенных христиан из числа самураев, уместно было бы задать вопрос: как религия, которая учит любви к ближнему, могла вообще усваиваться людьми, для которых ближний был врагом хотя бы уже потому, что был ближним? Что, например, мог самурай извлечь из заповеди «не убий»? Ответ: то же самое, что и его современники в Европе, то есть почти ничего. Христианский запрет посягать на жизнь не был для самураев великим откровением, ибо одной из заповедей Будды было видеть себя во всем, что живет, и потому не убивать. Как и в других странах, шестая заповедь была переосмыслена и подогнана к существующим условиям. Убийцы сёгуна Ёситэру были одними из первых новообращенных христиан в

Киото, а убийство произошло уже после того, как они приняли христианство. Некоторые, конечно, ценили свою новую веру и следовали ее заповедям. Выдающийся пример – Такаяма Укон, даймё Сэтцу, который был обращен после того, как проиграл диспут с иезуитом Гаспаром Вилелой. Он принял крещение со всеми своими домочадцами и стал оплотом христианской веры.

15 августа 1549 г. Франциск Ксавье высадился в Кагосима на южном Кюсю. Он был приветливо встречен местным магнатом Симадзу Такихаса. Их дружба стала взаимной, и Ксавье с энтузиазмом писал о японцах, что они «лучшие из тех, кого мы нашли за все это время, и, мне кажется, что мы никогда не найдем среди язычников другую расу, которая могла бы сравниться с японцами».

До тех пор, пока их миссионерская деятельность ограничивалась Кюсю, миссионерам сопутствовал огромный успех. Все правители острова стремились расширить торговлю с Португалией, они первыми стали использовать огнестрельное оружие, в то время как простые люди охотно прислушивались к проповеди, обещавшей им райское блаженство. Христианство процветало, и среди новообращенных было много самураев. Величайшим успехом на Кюсю было обращение Отомо Сорина, владельца Бунго, который добросовестно поддерживал новую веру, руководствуясь не только религиозными, но и политическими мотивами.

Вера, таким образом, процветала, а бойня продолжалась. Наиболее причудливый пример совмещения христианского образа жизни с «путем воина» имел место в 1567 г. Сибата Кацуиэ, один из первых военачальников Нобунага, вел кампанию против Миёси и Мацунага, убийц сёгуна Ёситэру. Битва произошла недалеко от города Сакаи, где ведущим католическим авторитетом был отец Луи Фруа. Когда две армии развернулись в боевом порядке друг против друга, Фруа призвал верующих с обеих сторон отслужить торжественную мессу, ибо был канун Рождества. Самураи –

христиане вместе пришли на мессу, приготовились принять и приняли святое причастие и, прежде чем разойтись каждый в свой лагерь, принесли блюда с плодами и вкусили от них вместе со святым отцом, «дабы показать, что они едины сердцем». Уходя, они возгласили: «Мы братья во Христе». На следующее утро, в день Рождества, произошла битва. Командиры, Мацунага и Миёси, бежали; всех, кто не сдался, предали мечу.

С этих пор мы все чаще встречаем упоминания о даймё-христианах и даже о целых христианских армиях. Мученичество и гонения были еще далеко впереди, и самураи, которые шли в бой с криками «Йезу!», «Санта Мария!» или «Сантьяго!» и несли крест на знаменах, несомненно, вдохновлялись глубокой и искренней верой. Что до Ода Нобунага, он так и не стал христианином, хотя и оказывал иезуитам существенную поддержку – прежде всего потому, что они могли быть полезным оружием против буддийских сектантов.

Следующие противники Нобунага были людьми чисто светскими. В Этидзэн, второй провинции Хокурикудо, жил Асакура Ёсикагэ, наследник небольшого, но хорошо обустроенного владения, созданного его дедом Тосикагэ. Тосикагэ оставил для внука ряд правил поведения, похожих на те, что сочинил Ходзё Соун, которые содержали следующее тонкое наблюдение:

«Не следует домогаться мечей и кинжалов, принадлежавших знаменитым воинам. Меч стоимостью в десять тысяч может быть побежден сотней копий по цене лишь в сотню за каждое».

В марте 1570 г. наследнику этого хорошего совета суждено было столкнуться с Ода Нобунага, который решил лично руководить экспедицией на Хокурикудо. Его сопровождали Иэясу и Хидэёси, и он собирался атаковать

ставку Асакура в Итидзо-га-тани, когда получил тревожное известие, что его шурин Асаи Нагамаса вступил в союз с Асакура. Поскольку Асаи охранял проходы в северной Оми, возникла серьезная опасность, что вся армия Нобунага будет отрезана от Киото и окружена. Было решено отступать, и Нобунага отошел с основной частью армии, а Иэясу и Хидэёси прикрывали тыл, отступая с боями. Это была мастерски проведенная операция, если учесть, что армия Нобунага насчитывала 110 000 человек; двум отрядам удалось задержать Асакура, а остальная армия тем временем благополучно вернулась назад. Эта операция укрепила отношения между Иэясу и Хидэёси, которые оба подвергались большой опасности. Об Иэясу рассказывали, что ему пришлось тогда хорошо попрактиковаться в стрельбе из аркебузы, из чего следует, что он находился в гуще событий.

Позже, в том же году, Нобунага вернулся в Оми, чтобы напасть на Асаи, и дело закончилось жестокой битвой при Анэгава. Нобунага выступил из своей ставки Гифу в Мино по дороге Накасэндэ и вдоль левого берега озера Бива в сторону Нагахамы. 21 июля он подошел к Отани, ставке Асаи, и начал штурм замка Йокояма в пяти милях к юго-востоку от нее, угрожая при этом и самой ставке. Здесь к нему присоединился Иэясу с пятью тысячами воинов Токугава из его родной провинции Микава. В этой битве мы впервые встречаем его си-тэнно, четырех главных приближенных. Их имена были: Сакаи Тадацугу, Исигава Кадзумаса, Сакакибара Ясумаса и Хонда Тадакацу. Последний был особенно яркой личностью и носил шлем, украшенный деревянными оленьими рогами. Он проявил себя как постоянный и верный защитник интересов рода Токугава.

Главные силы Асаи, подкрепленные войсками Асакура, блокировали дорогу на Отани, так что река Анэгава оказалась между ними и войском Нобунага. Они планировали атаковать на рассвете силами 8 000 воинов Асаи и 10 000 воинов Асакура. Армия Нобунага превышала их по численности

примерно в два раза, и Нобунага надеялся использовать это численное превосходство, атаковав первым. На самом деле не все его войска были надежными, но они находились под внимательным надзором Хидэёси, так что Нобунага нечего было бояться. Первоначально он хотел позволить Иэясу встать против Асаи, но затем передумал из-за личных отношений с последним и выставил против шурина собственные войска, насчитывавшие 23 000 воинов. Чтобы выдержать шок атаки, они были выстроены в тринадцать рядов.

В четыре утра обе армии вступили в широкие мелкие воды Анэгава. Отряды Иэясу, где впереди были Сакаи и Исикава, а Хонда и Сакакибара шли во вторых рядах, встретили силы Асакура посреди реки и задержали их. Клубы черного дыма от аркебуз поплыли над рекой, а сражавшиеся промокли от пота и красноватой воды Анэгава. У войск Нобунага дела шли не столь успешно. Асаи прорвался через его ряды и угрожал самому Нобунага. Поэтому Сакакибара и Хонда вывели свои части из сражения на левом фланге, пересекли реку и обрушились на правый фланг Асаи, в то время как Инаба Иттэцу, которого Иэясу держал в резерве до последнего момента, пришел на помощь левому флангу Нобунага. В битву вступили и отряды, осаждавшие замок Йокояма, которые оставили свои позиции и поспешили к месту сражения. В результате победа осталась за Нобунага. Командиры северной армии отступили, половина их войска погибла. В знак признательности Нобунага подарил Иэясу отличный меч и наконечник стрелы, некогда принадлежавший «великану» Минамото Тамэтомо. Стоит рассказать еще об одном случае, который произошел во время кампании на Анэгава. Самурай по имени Сасаи Масаясу ворвался в ставку Асаи Нагамаса с копьем в руке. Он был встречен аркебузным залпом, который отбросил его назад. Всего в него попало пятьдесят пуль, а его храбрость послужила сюжетом для одной из самых известных ксилографий Кунэёси – «Копьеносец против мушкетеров».

Битва при Анэгава увенчалась победой, но это была далеко не решающая победа. Через несколько месяцев Асаи и Асакура выступили вновь. Случай представился им, когда внимание Нобунага было направлено на Миёси Токэя. Нобунага воевал с Миёси около Осака, когда на помощь последнему пришли сектанты Икко из Исияма Хонгандзи, причем 3 000 из них были вооружены аркебузами. Увидев, что Нобунага увяз под Осака, Асаи и Асакура провели армию через горные проходы Оми. Нобунага поспешно оставил неравную борьбу с Икко, двинулся навстречу врагам на север и загнал их назад в горные проходы. Глубокий снег, выпавший зимой 1570/71 гг., мешал их отступлению, и войска Нобунага уже готовились нанести решающий удар, когда внезапно их атаковали с фланга монахи Энрякудзи. Боевая мощь этого старого осинового гнезда, может быть, и проигрывала в сравнении с Исияма Хонгандзи, но они все же были достаточно сильны, и Нобунага вынужден был отступить перед ними и отвести войска к Киото. К весне 1571 г. его положение казалось более опасным, чем когда-либо. Иэясу не мог ему помочь, поскольку Такэда Сингэн заключил союз с Ходзё, и он прилагал все усилия, чтобы как-то сдержать этих двух львов. Нобунага был окружен врагами со всех сторон, и в большинстве своем это были монахи. Его линия обороны растянулась от Киото до Гифу, и ее становилось все труднее удерживать. Чтобы прорвать сеть, Нобунага решил всеми силами атаковать Энрякудзи; эта операция лучше, чем любой другой эпизод долгой и богатой событиями карьеры Нобунага, демонстрирует его жесткий характер. Следует напомнить, что монастырь Энрякудзи всегда пользовался особым уважением из-за положения рядом со столицей, и, несмотря на появление новых сект, таких, как Дзэн или Нитирэн-сю, монастырь секты Тэндай Энрякудзи обладал таким авторитетом, каким не могла похвастаться больше ни одна монашеская община. Совершив отвлекающий маневр в другом направлении, Нобунага развернулся и направил тридцатитысячную армию к горе Хиэй. Тщетно его

подчиненные просили его передумать, но он был неумолим. «Это не я уничтожаю монастырь, – ответил он, – монастырь сам себя уничтожает». Под покровом ночи его самураи окружили гору Хиэй, и на рассвете, когда трубы из морских раковин протрубили сигнал к атаке, его армия стала медленно подниматься в гору, убивая всех, кто попадался на пути, будь то мужчина, женщина или ребенок. Иезуит отец Фруа отмечает, что штурм начался 29 сентября, в день архангела Михаила:

«... он сжег Сакамото и две других деревни, и под покровом дыма его люди взобрались на скалы, вошли в крепость [так!] и предали все огню и мечу. Они произвели страшное побоище среди всех этих ложных монахов. Некоторые даже бросились со скал, другие искали убежища в своих храмах, а иные спрятались в гротах и пещерах; но Нобунага столь умело руководил этим делом, что ни один из них не ушел. Он поджег храм бога Кваннон, который стоил невероятно дорого, и сжег все прочие храмы и монастыри; одним словом, он посылал своих людей в каждую щель или пещеру, как будто охотился на каких-то диких зверей, и там перебил этих несчастных. Так Господь наказал этих врагов Его славы в день св. Михаила в 1571 году».

Последняя фраза достаточно наглядно выражает мнение иезуитов о буддийском монашестве. Неудивительно, что они поладили с Нобунага.

Итак, этот враг был сокрушен полностью. Непохоже, однако, чтобы что-то подобное можно было предпринять против Икко-икки. Исияма Хонгандзи был настоящей крепостью; как отметил иезуит Вилела, каждый из его обитателей делал по нескольку стрел в день, и еженедельно там устраивались состязания в стрельбе из лука и из мушкета.

Их мечи могли разрубить человека «столь же легко, как острый нож режет нежный окорок». С Исияма Хонгандзи пришлось подождать.

Устроив должным образом самые срочные дела, Нобунага готов был теперь встретить угрозу с востока. Иэясу сослужил ему великую службу, удержав Такэда Сингэна и Ходзё Удзиясу. Этому помог и союз между Ода и Такэда против Уэсуги и Ходзё. Но в 1571 г. Удзиясу умер, а его сын нарушил равновесие сил, придя к соглашению с Сингэном. Тыл Сингэна был теперь обеспечен, и единственной опасностью для него могло быть только нападение Уэсуги Кэнсина, но и эту опасность можно было предупредить, перенеся кампанию на зимнее время, когда проходы из Этиго перекрываются снежными заносами. Поэтому в октябре 1572 года Такэда Сингэн оставил Каи и двинулся на Киото. У него было 20 000 самураев и асигару, отборные войска Такэда, верность которых и неугасимый боевой дух были несомненны. Силы Сингэна, к которым присоединились 2 000 самураев Ходзё, прошли на юг от Синано до Тотоми, чтобы выйти на дорогу Токайдо у Хамамацу. Этому непобедимому войску предстояло столкнуться с неколебимой твердыней.

Комендантом замка Хамамацу был Токугава Иэясу. Теперь ему было двадцать девять лет, он стал, быть может, менее порывист, чем в дни, когда сражался с Икко-икки, но был столь же храбр и изобретателен. Сингэну был пятьдесят один год, он был опытен, горд и дороден. Среди его командиров были лучшие полководцы Японии: Ямагата Масакагэ, Баба Нобухару, Найто Масатоё и Оямада Нобусигэ.

Иэясу выслал разведчиков под командованием Окубо Тадаё и Хонда Тадакацу. Они наткнулись на авангард Сингэна и вернулись изрядно потрепанными. Их настроение несколько поднялось, когда пришло подкрепление из 3 000 самураев от Нобунага, который и сам более чем когда-либо нуждался в людях, но, очевидно, понимал, что наступление Сингэна представляет для него наибольшую опасность. Иэясу встал перед выбором: вступить в сражение при таком

перевесе сил в пользу противника было равносильно самоубийству, но оставаться за стенами Хамамацу – значило играть на руку Сингэну, который, вероятно, выделил бы небольшой контингент, чтобы сдерживать армию Токугава, а сам беспрепятственно пошел бы на Киото. Это ведь был Такэда Сингэн, а не Имагава Ёсимото!

Иэясу храбро повел армию по дороге на север. В трех четвертях мили от Хамамацу была поросшая кустарником гряда, известная как Миката-га-хара. Рядом с правым флангом Иэясу протекала река Магомэ, а слева мили на две тянулся кустарник. Он выстроил свои войска в линию – японцы дали такому построению поэтичное название «крылья аиста». Подкрепление, пришедшее от Нобунага, он поставил справа вместе с отрядом Сакаи Тадацугу – на самом фланге, где начинался склон. Другие его си-тэнно стояли слева, а сам Иэясу возглавлял основные силы, расположившись немного позади от центра. Напротив них стояло войско Такэда, один авангард которого едва ли не превышал по численности всю армию Токугава. За ним стоял сам Сингэн с пятнадцатитысячной армией.

Когда обе армии встали в боевой порядок, пошел снег. Снегопад продолжался непрерывно до четырех вечера, когда авангард Такэда двинулся вперед, чтобы атаковать фланги Токугава. Левый фланг держался твердо, но правый, люди Нобунага, вскоре отступил, оставив Сакаи Тадацугу в окружении врагов. Он попытался пробиться назад, но Такэда Кацуёри, сын Сингэна, обошел его и атаковал с тыла. Поскольку стало темнеть, центр Такэда предпринял атаку во фронт, заставив Токугава поспешно отступить. Чтобы перегруппировать силы, Иэясу установил свой штандарт, большой золотой веер, на возвышенности в тылу войска. Опасаясь, что гарнизон в Хамамацу поддастся панике, Иэясу позвал одного самурая, который отрубил голову какого-то вражеского воина, и велел ему отнести ее в Хамамацу и объявить, что это голова Сингэна.

В это время самураи Такэда уже находились в опасной

близости от Иэясу, стрелы и пули свистели у него над головой. Он уже подумывал о том, чтобы умереть как истинный самурай, но мысли о будущем взяли верх, и Иэясу ускакал в направлении Хамамацу. Он едва спасся. Один из людей его свиты успел выбить лук из рук вражеского самурая, когда они проскакали мимо, а Иэясу пронзил стрелой самурая, который бросился на него с копьем. Прибыв в замок, Иэясу велел оставить ворота открытыми и зажечь факелы, чтобы указать путь отступающим. «Это должно также смутить врага, – добавил он. – Если закроем ворота, они подумают, будто мы их боимся». Наконец подошли самураи Такэда. По пути они заметили, что все Токугава, которые пали при отступлении, погибли, стоя лицом к противнику. В эту ночь они не пытались штурмовать замок. Не исключено, что попытайся они это сделать, им сопутствовала бы удача. Иэясу тем не менее мирно спал, а отряд самураев-добровольцев подобрался к лагерю Сингэна, который встал у Сай-га-дани. Поскольку местность была им хорошо знакома, они сумели подойти достаточно близко, прежде чем открыть огонь, так что самураи Такэда провели весьма беспокойную ночь.

Утром Сингэн созвал военный совет. Чем дольше они будут ждать падения Хамамацу, тем скорее наступит весенняя оттепель, и Уэсуги Кэнсин спустится с гор Этиго. Поэтому Сингэн решил снять осаду и начать общее наступление на Нобунага силами нечестивого союза – Такэда, Асаи, Асакура и Икко-икки. В начале 1573 г. Сингэн продолжил борьбу и вторгся в Микава, чтобы подготовить завершающий удар. Его первой целью был замок Нода, который удерживал один из командиров Иэясу. Осада была хорошо организована, настолько хорошо, что у защитников вскоре совсем кончилась еда, а единственным продуктом, оставшимся в замке, было изрядное количество сакэ. Не желая, чтобы драгоценный напиток достался врагу, гарнизон решил уничтожить его надлежащим образом. Шум пиршества далеко разносился в ночном воздухе, и сам Сингэн приблизился к крепостному

валу, чтобы лучше слышать приятную мелодию, которую наигрывал на флейте кто-то из часовых. Когда он подошел к стене, один самурай, который, видимо, был не так пьян, как остальные, прицелился из аркебузы и прострелил ему голову. Рана не повлекла за собой немедленной смерти, но Сингэн скончался в апреле 1573 г. Он, бесспорно, был одним из величайших самурайских полководцев. Говорят, что, узнав о его смерти, Уэсуги Кэнсин оплакивал потерю «лучшего из врагов».

Смерть Сингэна была страшным ударом для клана Такэда. Его сын Кацуёри был достаточно храбр, но ему недоставало исключительных талантов отца. Старые приближенные его семьи не были уверены в его способностях, и крушение дома Такэда казалось им неминуемым. Для Нобунага лучшего известия, чем о смерти Сингэна, и быть не могло. Как будто вдохновленный его гибелью, он выгнал сёгуна Ёсиаки из Киото, тем самым раз и навсегда уничтожив сёгунат Асикага, и атаковал Асаи и Асакура столь яростно, что оба покончили с собой. Летом 1574 г. он взял штурмом Нагасима, цитадель Икко на реке Кисо, и начал блокаду Исияма Хонгандзи. Звезда Нобунага вновь стояла в зените, и в следующем году он достиг вершины славы в битве при Нагасино, в сражении, которое открыло новую эру в военном деле Японии.

Если бы Нагасино была единственной битвой, которую выиграл Нобунага, этого было бы уже достаточно для утверждения его репутации. Нагасино – название замка в Микава, построенного на очень выгодном от природы месте, там, где реки Такигава и Оногава сливаются, образуя реку Тойокава. У места слияния реки имеют в ширину около ста метров, берега их высокие и крутые. Несмотря на неприступный вид, замок Нагасино несколько раз переходил из рук в руки, и в мае 1575 г. его удерживал для Ода Нобунага Окудайра Садамаса, энергичный двадцатичетырехлетний самурай, один из людей Токугава Иэясу родом из Микава. 16 июня замок Нагасино осадил Такэда Кацуёри. Гарнизон

стойко сопротивлялся всем тактическим приемам, которые могли быть в распоряжении сына Сингэна. Он привел с собой команду рудокопов с золотых рудников Такэда, которые стали подводить подкоп под стены. Защитники ответили контрминой. Тогда Кацуёри построил плоты и переправил самураев через реку, но эти платформы оказались столь же хорошей мишенью, как сидячие утки. Были построены и подведены под стены осадные башни, но защитники с легкостью разнесли их из крупнокалиберных мушкетов. К 22 июня Кацуёри решил превратить штурм в осаду: был возведен частокол, через реку протянуты канаты, а самурай Такэда расположился вокруг, надеясь уморить защитников замка голодом.

Поскольку пищи у осажденных осталось всего на несколько дней, они забеспокоились. Послали Иэясу просьбу о помощи, он в свою очередь попросил подкрепления у Нобунага, но защитникам ничего не было известно об этом. В это время произошел один из тех героических эпизодов, которые так разнообразят монотонное повествование о кампаниях XVI века, когда личная самурайская доблесть проявляет себя во всей красе. Самурай по имени Тории Сунъэмон вызвался доставить Иэясу послание из осажденного замка. В полночь 22 июня Тории тихо пробрался к реке и проплыл мимо часовых Такэда, разрезав канаты кинжалом. Вскоре он добрался до Окадзаки, где Иэясу и Нобунага обещали незамедлительно прислать помощь, и Тории поспешил назад с доброй вестью. К несчастью, этот доблестный самурай слишком спешил, чтобы сообщить гарнизону, что все в порядке, ибо зажег сигнальный огонь на холме, который заметили Такэда и что-то заподозрили. Когда Тории поплыл вверх по течению, он обнаружил, что к канатам на этот раз привязаны колокольчики. Звон колокольчиков и выдал Тории. Его схватили и привели к Кацуёри, который обещал ему жизнь, а также хорошую награду, если он согласится подойти к стенам замка и сообщить гарнизону, что помощь не придет и что им осталось

только сдаться. Тот согласился, но Кацуёри, мало ему доверяя, велел привязать его к большому деревянному кресту, который установил перед замком. Гарнизон позвали на стены, чтобы все могли выслушать послание Тории. В качестве дополнительной меры предосторожности несколько пехотинцев окружили крест и приставили наконечники копий к телу Тории. Тогда Тории крикнул: «Через три дня к вам придет помощь. Держитесь!» Как только он произнес это, копья пронзили его. Мужественный поступок Тории – лучший пример самой совершенной формы самурайской доблести, подвиг, который снискал ему уважение как друзей, так и врагов. Один самурай из стана Такэда был так потрясен примером Тории, что велел изобразить его на кресте на своем знамени.

Итак, подкрепление было в пути, и это было немалое войско. В операции по снятию осады с Нагасино Нобунага увидел возможность окончательно сокрушить клан Такэда, так что с ним шло 30 000 воинов, тогда как у Иэясу было 8 000. Войско Такэда, осаждавшее замок, едва ли насчитывало 15 000, так что старые и мудрые приближенные Сингэна посоветовали своему молодому господину отступить. К несчастью, Кацуёри хотел сражаться; тогда Баба и Найто попытались спасти хотя бы честь клана, если не голову, предложив общий штурм замка, чтобы занять его до прихода Нобунага. Кацуёри отклонил и это предложение, и старым командирам не осталось иного выбора, кроме как приготовиться храбро умереть. Увидев, что Кацуёри готов сражаться, Нобунага спланировал свои действия соответствующим образом. Он знал, что Кацуёри пользуется, насколько это в его силах, отцовским наследством в виде хорошо обученного и очень верного войска, главная сила которого заключалась в мобильности. Постоянная практика при Каванакадзима превратила кавалерию Такэда в силу, с которой нельзя было не считаться, и хотя армия Нобунага была больше, его войска были не столь надежны, и нельзя было рассчитывать, что они выдержат хорошую

кавалерийскую атаку. Приготовления, которые сделал Нобунага, чтобы противостоять этой угрозе, обеспечили ему достойное место в военной истории. Его людям были выданы колья и веревки, чтобы на возвышенности за ручьем, под горой Гамбо, примерно в миле от позиций Такэда, соорудить частокол. Это был довольно редкий частокол, как раз такой высоты, чтобы через него не смог перескочить конь, с проходами через каждые пятьдесят метров для более удобного проведения контратаки. Но гениальность плана Нобунага была не в том, что он просто разместил всю армию за частоколом, а в том, что он выделил из своего войска три тысячи аркебузирова и выстроил их в три ряда, по тысяче в каждом, под командованием Саса Наримаса, Маэда Тосииэ и Хонда Тадакацу. Приказ, который он отдал им, в полной мере показывает, сколь верно он оценил потенциал аркебузы. Он понимал, что основными недостатками этого оружия являются небольшая дистанция прицельного огня и медленная перезарядка, поэтому приказал каждому ряду аркебузирова стрелять по очереди, залпами, и не стрелять до тех пор, пока враг не подойдет достаточно близко.

На левом фланге, рядом с частоколом, он поставил Сакума Нобумори в качестве приманки для кавалерии Такэда, а справа от частокола – Окубо Тадаэ и перегородил дорогу в ожидании атаки с фланга. Самый край левого фланга удерживали Тоётоми Хидэёси и Сибата Кацуиэ, в то время как Нобунага, два его сына и Иэясу оставались за частоколом с основными силами. Ночью 28 июня Сакаи Тадацугу из войска Токугава с небольшим отрядом самураев зашел в тыл армии Такэда. С рассветом, в пять часов утра 29 июня 1575 г., началась битва при Нагасино.

Кацуёри разделил свою армию на пять групп по 3 000 человек для атаки: Баба был на правом фланге, Найто – в центре, а Ямагата – на левом фланге. Кацуёри следовал за тремя ветеранами с 3 000 воинов, а последняя группа продолжала осаду. Группа Ямагата первой пошла в атаку против Окубо Тадаэ, который не был защищен частоколом.

Атака превратилась в яростный рукопашный бой, то же случилось и на левом фланге Ода, который атаковал Баба. Тем временем центр Такэда предпринял атаку на частокол. Местность была неровная, земля размокла от ночного дождя. Конница Такэда двигалась медленно, и как только она добралась до берега ручья, в нее ударил смертоносный залп тысячи аркебуз. Залп следовал за залпом до тех пор, пока все люди и кони не полегли на склоне. Правый фланг под командованием Баба тоже попал под огонь, когда Сакума притворно отступил, а Хидэёси и Сибата Кацуиэ обошли его кругом, чтобы атаковать во фланг. Тогда Кацуёри приказал ввести в бой резервы и сам повел атаку на частокол. Но залпы чередовались с той же регулярностью и с той же эффективностью. Каждые двадцать секунд тучи пуль косили ряды и отправляли самураев Такэда в вечность. Баба Нобухару, Ямагата Масакагэ и Найто Масатоё лежали среди мертвых вместе со многими другими старыми приближенными Сингэна. Когда гарнизон замка Нагасино увидел, что чаша весов склоняется в их сторону, его воины сделали вылазку и атаковали Такэда с тыла. Одновременно основные силы Ода вышли из-за частокола и вступили в рукопашную схватку.

События того памятного дня запечатлены на шестисоставной расписной ширме конца XVI века. Несмотря на некоторую стилизацию, она очень живо передает накал самурайской битвы, и на ней можно различить нескольких конкретных персонажей. Такэда Кацуёри с его белым стягом ведет в бой резерв. Иэясу узнаваем по его штандарту в виде золотого веера; Ода Нобунага изображен в левом верхнем углу, перед Хидэёси несут его штандарт – «золотой ковш». По мере того как продвигалась военная карьера Хидэёси, он, говорят, добавлял к штандарту по ковшу после каждой победы. У частокола можно без труда различить, по его оленьим рогам, Хонда Тадакацу.

Сражение при Нагасино стало триумфом современных методов Нобунага, но часть вины за поражение все же

следует возложить на Такэда Кацуёри, нетерпеливость которого сделала возможной эту бойню. Такэда Сингэн никогда бы не сделал такой ошибки, и его ветераны это прекрасно понимали, но их верность молодому господину взяла верх над здравым смыслом, и они повели солдат в роковую атаку. Что касается Кацуёри, он бежал с поля битвы и продолжал борьбу с Нобунага, но уже не с прежней энергией. Только в 1582 г. Нобунага получил возможность лицезреть его отрубленную голову.

Нобунага достаточно хорошо укрепил свои позиции на востоке и смог обратить внимание на запад, где основной силой со дня битвы при Миядзима в 1555 г. стала семья Мори. Мори Мотонари умер в 1571 г., и его обширные владения, включавшие не менее десяти провинций, перешли к его внуку, Мори Тэрумото. «Две Реки», Кобаякава Такакагэ и Киккава Мотохару, были по-прежнему активны и готовы предоставить силы двух родственных кланов для поддержки племянника. До 1575 г. Мори не решались оспаривать превосходство Нобунага, но по наущению свергнутого сёгуна Ёсиаки они вступили в союз с Исияма Хонгандзи и начали переговоры с Уэсуги Кэнсином. Они обращались также и к Такэда Кацуёри, который отказался вступать в какой-либо союз против Нобунага, что, впрочем, не удивительно.

Некоторое время «адмирал» Нобунага, Куки Ёситака, блокировал Исияма Хонгандзи со стороны моря у Осака. Поскольку Мори контролировали большую часть морских перевозок по Внутреннему морю, Тэрумото решил начать враждебные действия против Нобунага с прорыва блокады. Это ему без труда удалось в 1575 г., что, собственно, и заставило Нобунага обратить внимание на Мори. Иэясу все еще преследовал Такэда Кацуёри, поэтому эта задача была поручена двум самым способным командирам Нобунага – Тоётоми Хидэёси и Акэти Мицухидэ. Нобунага оценил выдающиеся способности Хидэёси еще в то время, когда тот поступил к нему на службу в качестве асигару, и поэтому поручил самую трудную часть операции.

Военные действия против Мори были первой кампанией, в которой войску Нобунага предстояло удалиться так далеко от дома и пробивать себе дорогу вдоль берегов Внутреннего моря. Чтобы способствовать продвижению Хидэёси по Санъёдо, Акэти Мицухидэ должен был двигаться по Саниндо, дороге, идущей вдоль берега Японского моря. Два военачальника начали эту нелегкую кампанию.

В 1576 г. Нобунага начал строительство своего нового замка Адзути на озере Бива. Если о битве при Нагасино можно сказать, что она произвела переворот в военной тактике, то это грандиозное сооружение произвело такой же переворот в военной архитектуре. Мы видели, как концепция оборонительных сооружений развивалась от частокола к замку – от защиты Тихая, которой руководил Кусуноки, до обороны замка Нагасино под командованием Окудайра, но до Адзути замок всегда рассматривался как чисто военное сооружение. Адзути вышел за пределы военного назначения, это был в такой же мере дворец, что и замок, и он должен был поражать соперников как внутренним убранством, так и военной мощью. Адзути, спроектированный Нива Нагахидэ, одним из военачальников Нобунага, удивительным образом отразил и характер своего хозяина, и дух эпохи. Его размеры были огромны. Он был возведен на каменном останце, поднимавшемся из озера на высоту почти двести метров. Каменная стена, окружавшая замок, имела несколько тысяч метров в длину и более двадцати в высоту, внутреннее пространство делилось на четыре круглых двора. Центральная башня состояла из семи этажей; помимо складских помещений и арсенала, в ней были устроены роскошные жилые апартаменты и приемные залы. Отец Фруа посетил ее и оценил так:

«Его дворец и замок, если говорить об архитектуре, мощи, богатстве и великолепии, может сравниться с величайшими строениями Европы».

Место для замка Адзути было тщательно выбрано. Его построили в окрестностях Киото, подальше от пожаров, от которых периодически страдал город, и он господствовал над дорогой, ведущей на восток. Использование камня и наличие амбразур в стенах говорят о внимании, которое Нобунага уделял огнестрельному оружию, но прежде всего замок Адзути был важен как символ. Он лучше, чем любая армия, демонстрировал могущество Нобунага. Достаточно сравнить Адзути с Серебряным Павильоном, построенным Ёсимаса, чтобы увидеть, сколь резко изменился баланс сил в течение одного столетия. Архитектура Адзути являла пример броского и роскошного стиля военной диктатуры. Начало очередного периода в истории японского искусства, Адзути Момояма, принято датировать 1576 годом.

Пока строился Адзути, Нобунага продолжал свои военные кампании. В июне 1576 г. он предпринял штурм Исияма Хонгандзи, но был ранен пулей в ногу. Это заставило его несколько изменить планы, и в 1577 г. он провел ряд кампаний против сторонников лиги Икко, чтобы изолировать их и с суши и с моря. В 1578 г. он предпринял строительство нескольких так называемых «железных кораблей», надводная часть которых была частично обшита железными листами. Они имели 22 метра в длину и 13 метров шириной, и каждый был вооружен «пушкой». Под «пушкой», вероятно, имелся в виду фитильный мушкет крупного калибра. Отомо Сорин получил в подарок две португальских пушки в 1551 г., но их оказалось трудно скопировать. Большие мушкеты, называвшиеся «стенными ружьями», достигали в длину трех метров, но на море они не могли широко использоваться, поскольку «железные корабли» имели серьезные технические недостатки. Они могли противостоять пиратскому флоту, но, когда их атаковали корабли Мори, один из них был взят на абордаж и перевернулся. Тем не менее эти тяжелые и тихоходные суда помогли разбить флот Мори, и тем самым их контрабандным перевозкам был положен конец.

В том же 1578 г. Нобунага получил еще одну хорошую новость. В возрасте сорока восьми лет умер Уэсуги Кэнсин. Он, очевидно, страдал геморроем и скончался через девять дней после апоплексического удара, который настиг его в уборной. Его кончина была для Нобунага настолько своевременной, что заподозрили убийство; пошли грязные слухи о причастности к его смерти ниндзя, но доказать ничего так и не удалось.

Тем временем со всех сторон велось наступление на Исияма Хонгандзи. Мори больше не имели возможности снабжать крепость продовольствием, и в 1580 г. ее защитники, сектанты Икко-икки, сдались. С падением Исияма Хонгандзи завершилась долгая история монахов-воителей. А два года спустя Ияэсу принес Нобунага голову Такэда Кацуёри, которую тот осмотрел с величайшим удовольствием.

Нобунага мог теперь сконцентрировать все силы на борьбе с Мори. В течение пяти лет Хидэёси медленно, но верно добивался успеха в этой борьбе, в то время как для Акэти Мицухидэ кампания оказалась менее удачной. Кампания Хидэёси свелась к длинной череде осад, что требовало времени, но ему помогло предательство Укита Наоиэ, одного из союзников Мори. К апрелю 1582 г. Хидэёси продвинулся до Биттю и осадил замок Такамацу. Сперва он попытался подкупить коменданта, но неудачно, и тогда Хидэёси прибегнул к оригинальному инженерному решению. Замок Такамацу стоял на болотистой равнине, всего на несколько метров выше уровня моря. Хидэёси прорыл канаву около мили длиной и отвел воды реки Асимори, так что они превратили долину, где стоял замок, в озеро. По мере того как вода поднималась, замок становился прибежищем крыс и змей, а аркебузиры Хидэёси подвергали его непрерывному обстрелу. Дождь горячего свинца и подступающая снизу вода заставили коменданта срочно просить помощи у Мори Тэрумото, который вскоре явился в сопровождении «Двух Рек». Оказавшись лицом к лицу со всем кланом Мори,

Хидэёси срочно потребовал подкрепления у Нобунага, который послал ему всех, кого только мог, под командованием Икэда, Хори, Такаяма и прочих и сам собирался вскоре последовать за ними. Иэясу в то время был в Сакаи, где наслаждался коротким отдыхом после кампании против Такэда, и Нобунага остался в Киото с отрядом не более сотни воинов вместо своей обычной охраны из 2 000 человек.

Акэти Мицухидэ, военачальник, который потерпел неудачу в кампании против Мори, был в то время в Киото. Он тоже получил приказ Нобунага двинуться на помощь Хидэёси. Дойдя до реки Кацура, он повернул войско назад, воскликнув: «Враг в Хоннодзи!» Хоннодзи называлась резиденция Нобунага в Киото, и до воинов Акэти сразу дошел смысл его слов. С дымящимися в серпентинах аркебуз фитилями они вошли в Киото на рассвете 21 июля 1582 г. и со всех сторон окружили Хоннодзи. С охраной быстро расправились, и мятежники проникли во двор. Нобунага только что встал. Он умывался, когда услышал снаружи шум. Неожиданно стрела ударила ему в ребро. Он вырвал ее, схватил первое попавшееся копье и защищался им до тех пор, пока пуля не раздробила ему левую руку. Как пишет отец Фруа, «тогда он отступил в комнаты и с трудом запер за собой дверь. Одни говорят, что он вспорол живот и покончил с собой по обычаю японских владык, другие утверждают, что он заживо сгорел в объётом пламенем дворце, который подожгли нападавшие. Так или иначе, тот, кто прежде заставлял трепетать других не то что словом, но даже именем своим, теперь обратился в прах и пепел».

Так погиб Ода Нобунага в возрасте сорока девяти лет, от руки посредственного военачальника, который воспользовался удачным стечением обстоятельств. Можно лишь гадать о мотивах Акэти Мицухидэ. Возможно, он имел преувеличенное мнение о своем поэтическом даровании при том, что его стихи не нравились Нобунага. Нобунага привлек внимание к его преждевременному облысению, прозвав

«Плешивцем». Однажды, когда Нобунага был пьян, он зажал под мышкой голову Мицухидэ и стал отбивать на ней такт боевым веером. Эти оскорбления и зависть, возможно, и побудили Мицухидэ убить Нобунага. Есть, однако, подозрение, что отсутствие в тот момент Хидэёси и Иэясу было не просто совпадением. Никаких свидетельств в пользу заговора, правда, представлено не было, да никто их и не искал.

Трудно переоценить военные успехи Нобунага, однако надо признать, сколь многим он обязан таким людям, как Хидэёси и Иэясу. Нагасино, тем не менее, было его собственной победой, заслужившей ему репутацию, которой он бесспорно достоин. Уничтожение Энрякудзи – также дело его рук. Его манера сражаться была эффективной, но жестокой, а иногда – исключительно свирепой. Он не давал пощады никогда и никому. Его представление о победе сводилось исключительно к уничтожению врага. Время, конечно, было жестокое, но Нобунага жестокостью превзошел всех.

Веяния нового времени, уловленные Нобунага, отчетливо прослеживаются в строительстве замка Адзути. Теперь это крепость с постоянными жилыми помещениями, а не временное убежище, что очевидно демонстрирует тенденцию к превращению самураев в отдельное сословие. Когда грозила опасность, воины покидали поля и укрывались в замке, но поскольку крестьянину во время войны нечего было бояться, замок был нужен только для того, чтобы защищать господина и его воинов. Потому возникло различие между теми, кто был за стенами и кто оставался снаружи. Другими словами, теперь человек был либо воином, либо земледельцем, но не тем и другим одновременно. В какой-то степени и сам Нобунага способствовал развитию этой тенденции – он дисциплинировал своих асигару и ввел для них униформу, так что даже представители низших сословий превратились в воинов. Шло постепенное отчуждение самурая от земли, а земледельца – от меча, и возведение замка

Адзути положило начало этому процессу.

Храбрым, как сказано, счастье помогает. Ода Нобунага родился как раз в нужном месте и в нужное время. Есть какая-то ирония в том, что мастер мушкетной тактики окончил свои дни сраженным мушкетной пулей.

Глава IX

Чай и мушкеты

Десять месяцев между июнем 1582 и апрелем 1583 года засвидетельствовали самый мощный всплеск самурайской энергии, который когда-либо знала японская история. В июне 1582 г. Тоётоми Хидэёси был рядовым военачальником, сражавшимся за господина. Через десять месяцев, отомстив за смерть Нобунага, он стал владыкой тридцати провинций. Нобунага потребовалось двадцать лет, чтобы подчинить их своей власти. То, как ему это удалось, в уменьшенном виде отражает события последующих двадцати лет, ибо Хидэёси показал миру, каким образом он собирается создавать свою империю.

Когда известие о смерти Нобунага дошло до Хидэёси, он не стал разглашать эту новость и предложил Мори перемирие. Условия мира были достаточно мягкими, и вскоре Хидэёси поспешил в Киото. Тем временем Акэти Мицухидэ яростно преследовал родственников Нобунага, пытаясь истребить их. Нобутада, старший сын Нобунага, был убит самураями Акэти во дворце Нидзё. Акэти двинулся в Адзуту, замок-дворец Нобунага, и разграбил его, разделив золото и серебро среди своих воинов. Он не нанес ущерба самому дворцу, но через несколько дней тот сгорел, вероятно, подожженный мародерами, и таким образом от символа власти Нобунага остались лишь каменные стены. Его так никогда и не отстроили заново. Затем Акэти почувствовал себя неуверенно. Он знал, что Хидэёси скоро вернется, а его приспешники не могли разыскать и схватить Иэясу. Что касается последнего, то история, которую о нем рассказывают, настолько типична, что вполне может быть правдивой. Люди Акэти пытались перехватить его по дороге из Сакаи в Окадзаки. Во время этого опасного путешествия ему однажды пришлось спрятаться на грузовой барже под кучей тюков с рисом. Самураи Акэти обыскивали лодку, тыкая копьями в тюки. Острие одного из копий резануло

Иэясу по ноге, но он хладнокровно снял повязку с головы и вытер кровь с наконечника прежде, чем копьё вынули.

30 июня судьба настигла Акэти Мицухидэ. Как только вернулась армия Хидэёси, Акэти был атакован у Ямадзаки, к юго-западу от столицы. Войска Акэти были наголову разбиты. Когда он убегал через рисовые поля, его узнали крестьяне, которые вышли пограбить; они схватили его и забили до смерти. Прошло всего тринадцать дней с тех пор, как он повел войско против Нобунага; отсюда его прозвище – «тринадцатидневный сёгун».

Хидэёси, таким образом, отомстил за смерть Нобунага, и это поставило его в весьма выгодное положение. Поднявшись из рядовых солдат, он пользовался большой популярностью среди своих людей, для которых умение сражаться было главной добродетелью. Несмотря на невзрачную сутулую фигуру и лицо, которое, как замечают некоторые современники, делало его похожим на обезьяну, на поле битвы он был истинным богом войны. Когда-то простой асигару, свадебный наряд которому шили из старых знамен его господина, Хидэёси теперь готов был прибрать к рукам все владения прежнего хозяина. Как говорится в одной старой китайской пословице, тяжелый тюк переложили с одних широких плеч на другие.

Из тех, кто в первую очередь возражал против захвата Хидэёси всех этих владений, были, естественно, оставшиеся в живых члены семьи Нобунага. Надо было учесть и мнение товарищей по оружию, таких, как Сибата Кацуиэ, который сражался рядом с ним при Нагаино и занимал столь же высокое положение; Нива Нагахидэ, только что ставшего свидетелем того, как его творение – замок Адзути превратилось в пепел; Такигава Кадзумаса и Икэда Нобутэру. Токугава Иэясу еще не объявился, чтобы высказать свое мнение. Все эти люди хорошо и преданно служили Нобунага и едва ли были склонны рассматривать Хидэёси как его бесспорного наследника. Им, однако, пришлось иметь дело с человеком совсем иного склада, нежели их покойный

господин. Хидэёси был умным и хитрым политиком. Его предложение провозгласить наследником внука Нобунага было бы более чем оправданным и разумным, не будь этому внуку всего один год. Японская традиция марионеточных правителей возрождалась в новом облике!

В условиях феодальной Японии в такой ситуации единственным аргументом могла быть только сила. В течение четырех месяцев продолжались непрерывные форсированные марши, осады и сражения. Перед Хидэёси стояла сложная стратегическая задача. Нобутака, третий сын Нобунага, угрожал столице из Гифу, старого замка семьи Ода. Такигава Кадзумаса питал сильную ненависть к Хидэёси, которая, возможно, была вызвана завистью. Он укрепился в замке Камэяма в Исэ. Но самая большая угроза исходила от Сибата Кацуиэ, который отличился во время кампании Нобунага против Асаи и Асакура и в награду получил провинции Этидзэн и Кага, которыми управлял из своего замка Кита-но-сё (современный город Фукуи). Сибата выступил после переворота, чтобы напасть на Акэти, и был страшно раздосадован, что Хидэёси его опередил. Что касается Сибата, то единственным моментом, благоприятным для Хидэёси, было то, что на всю зиму его армия была намертво заперта в Этидзэн снежными заносами. В остальном, если не учитывать этого метеорологического обстоятельства, Хидэёси приходилось полагаться исключительно на свои военные дарования и надеяться, что три его противника не смогут согласовать свои действия. Последнее, впрочем, было более чем вероятно. Хидэёси не мог рассчитывать на поддержку какого-либо другого даймё. Все, включая Иэясу, внимательно следили, как Хидэёси выйдет из такого положения. Только явный успех, а не добрые отношения, позволил бы рассчитывать на поддержку.

Если бы три союзника, младший Ода, Такигава и Сибата, сумели действовать сообща, они, вероятно, взяли бы верх. Вместо этого нетерпеливый Ода Нобутака открыто объявил войну Хидэёси в декабре 1582 г., когда все проходы в

Этидзэн были завалены снегом. Это было по меньшей мере неблагоприятно, и Хидэёси мгновенно отреагировал. Он ввел войска в провинцию Мино и окружил замок Гифу. Такой демонстрации силы оказалось достаточно, чтобы Нобутака униженно попросил пощады и отдал себя целиком на милость Хидэёси. Тот простил его и ограничился только взятием заложников, чтобы обеспечить его лояльность в дальнейшем. Как это не похоже на покойного отца Нобутака! Нобунага, наверное, перебил бы весь гарнизон.

Едва Хидэёси вернулся в Киото, как пришло еще одно известие. Такигава Кадзумаса был готов выступить на Киото из Исэ при поддержке отряда Сибата, размещенного в замке Нагахана в Оми. Гарнизон замка Нагахана командовал Сибата Кацутоё, сын Кацуиэ. Замок находился южнее, поэтому снежные заносы не мешали продвижению Кацутоё. Поскольку к поспешным действиям его вынудил молодой Ода, Сибата, очевидно, пытался задержать Хидэёси до оттепели. Хидэёси, однако, умел воевать золотом не хуже, чем сталью, и за хорошую взятку замок Нагахана перешел к нему вместе со всем гарнизоном, включая командира. Обезопасив тыл, Хидэёси обошел Исэ и осадил Такигава Кадзумаса в замке Камэяма. Такигава сдался, когда замок стал разваливаться у него на глазах – результат наиболее успешного использования подкопов в военной истории Японии.

Теперь Сибата Кацуиэ мог надеяться только на весеннюю оттепель. Чтобы предупредить любое нападение со стороны Этидзэн, Хидэёси послал гарнизон в Нагахана и устроил оборонительный рубеж из тринадцати фортов на севере Оми. Это, очевидно, были довольно примитивные, наскоро построенные укрепления – возможно, обыкновенный частокол со смотровыми башнями, поскольку тогда стояла зима, а север Оми – гористая местность. Центр этой оборонительной линии находился как раз к северу от озера Бива, среди крутых лесистых холмов, окружающих озеро Ёго. Два форта контролировали дорогу, которая ведет на север от

Нагахаме: форт Тагами, которым командовал кузен Хидэёси, Хасиба Хидэнага, и Ивасакияма, под командованием христианина Такаяма Укона; на горе же, на высоте 400 с лишним метров, стоял форт Сидзугатакэ, которым командовал Накагава Киёхидэ.

Все было спокойно на северном фронте, когда Хидэёси получил известие, что Ода Нобутака вновь восстал. Проклиная свое великодушие, Хидэёси вновь направился к Гифу, но едва он успел построить войска в боевой порядок, как пришли вести с границы между Оми и Этидзэн. Сибата послал по талому снегу Сакума Моримаса напасть на пограничные форты. Сакума занял Ивасаки, а христианин Такаяма вынужден был отступить в Тагами. Сакума воспользовался плодами победы и осадил Сидзугатакэ. Крепость не пала, но ее комендант, Накагава, был убит, и осаждавшие готовились отразить штурм.

Хидэёси спросил посланца, не отвел ли Сакума свои войска назад. Когда тот ответил, что никаких признаков готовящегося отступления пока не заметно, лицо Хидэёси, до тех пор скорбное, неожиданно осветилось радостью. Вот она, та единственная роковая ошибка врага, благодаря которой Япония упадет к нему в руки как спелый персик. В чем же была причина такой уверенности? В одном слове – Нагасино. Опыт той страшной битвы был жив в памяти как Хидэёси, так и Сибата. Сакума Моримаса в ней не участвовал, и поспешный штурм, которым он собирался взять форт Сидзугатакэ, должен был стать самоубийственным при атаке на силы, занимающие оборонительную позицию. Необходимо было послать сильное подкрепление, прежде чем к Сакума сможет присоединиться Сибата, который все еще пробивался через горные проходы из Этидзэн. Одним из тех быстрых бросков, мастером которых был Хидэёси, он проскакал с горсткой самураев из окрестностей Гифу в Тагами, ночью за шесть часов покрыв расстояние в пятьдесят миль. Здесь он застал своего кузена и вместе с растерявшимся Такаяма провел отряды через горные проходы к Сидзугатакэ. Все это

они успели до рассвета.

Сакума тем временем игнорировал повторные приказы Сибата Кацуиэ отступить на позиции. Узнав о прибытии Хидэёси прежде, чем, как полагал Сакума, тот вообще мог услышать о нападении на Сидзугатакэ, он отступил на близлежащий холм, где на рассвете его войско, насчитывавшее 7 000 или 8 000 человек, было атаковано 6 000 воинов Хидэёси. Расписная ширма в замке Осака, хотя и стилизованная, прекрасно передает ощущение битвы среди холмов и лесов. Сражение продолжалось до полудня, до тех пор, пока воины из Этидзэн не дрогнули и не побежали, побросав копья, мечи, мушкеты и даже одежду, когда они продирались через густой кустарник.

Затем началась кровавая погоня через горы, до самых ворот замка Сибата, Кита-но-сё. Сибата, который не участвовал в битве, признал свое поражение и решил умереть со славой. Все окна в замке были затворены, а центральную башню заполнили соломой, которую Сибата поджег. Когда вспыхнуло пламя, он вонзил себе кинжал в живот. Так завершилась короткая, но решающая битва при Сидзугатакэ. Она предоставила Хидэёси контроль над всем, что оставил Нобунага и, что, вероятно, еще более важно, обеспечила ему союзников и верных помощников. Среди «семи копий Сидзугатакэ», как он нарек в тот день семерых самых доблестных самураев, мы находим имя Като Киёмаса, сына кузнеца из родной деревни Хидэёси, который вскоре стал одним из его величайших полководцев.

Когда Ода Нобутака узнал о смерти Сибата, он должным образом последовал примеру своего союзника. После этого в живых остался только один сын Нобунага, Ода Нобуо, который поспешил вступить в союз с единственным вероятным соперником Хидэёси во всей центральной Японии – Токугава Иэясу. То было роковое решение, ибо оно вело к столкновению двух выдающихся воинов, двух близких друзей и братьев по оружию. Любое военное противостояние Хидэёси и Иэясу завершилось бы битвой титанов.

Иэясу в то время был владыкой пяти провинций, поскольку смерть Такэда Кацуёри дала ему Каи и Синано, прежние владения Сингэна, в дополнение к Микава, Тотомии и Суруга. Иэясу, таким образом, унаследовал золотые рудники Сингэна, его отлаженную административную систему и многих из его верных и свирепых приближенных. Он был опасным противником, и Хидэёси это знал.

Как только оба они осознали, что противостояния не избежать, они стали вербовать союзников всюду, где только могли. Стратегическую расстановку сил в этом противостоянии – одну из наиболее интересных в истории Японии и в то же время менее всего изученную, вкратце можно описать так.

Хидэёси владел собственными провинциями и состоял в союзе с Мори на западе, с Нива Нагахидэ и Маэда Тосииэ на Хокурикудо, которых он «устроил» в освободившихся провинциях Сибата, и с Уэсуги Кагэацу, наследником Кэнсина, в северном Тосандо. Среди прочих своих командиров – землевладельцев он мог рассчитывать на Инаба Иттэцу, Гамо Удзисато и Хори Хидэмаса, при том, что рядом с ним были также Икэда Нобутэру и Мори Нагаёси (не связанный родством с кланом Мори). По численности силы союзников Хидэёси превосходили силы Иэясу раза в три.

У Иэясу было много сторонников на Токайдо. Он предусмотрительно выдал свою дочь замуж за Ходзё Удзинао, представителя четвертого поколения Ходзё, если считать от Ходзё Соуна. На Хокурикудо он полагался на сомнительную поддержку Саса Наримаса, воинственный вид которого один историк уподобил «скалящей зубы сушеной сардине». Иэясу поддерживал Сикоку в лице Тосокабэ Мототика. Были и другие, менее значительные союзники, вроде самурая по имени Хомо с Токайдо.

Итак, два гиганта копили силы. Иэясу было сорок три года, Хидэёси сорок девять. В этом наборе союзников было что-то от войны Гэмпэй, только в более крупном масштабе. С появлением Хидэёси и Иэясу возникает ощущение, что

средние века остались позади и мы присутствуем при столкновении двух армий Ренессанса. Спор между ними вновь должен был разрешиться в местности, прилегающей к равнине Ноби, недалеко от современного города Нагоя. Следует иметь в виду, какое влияние оказал на Хидэёси и Иэясу опыт сражения при Нагасино. Оба понимали значение стратегии обороны, несмотря на то, что она противоречила традиционным самурайским идеалам.

Кампания началась, когда союзник Хидэёси, Икэда Нобутэру, захватил замок Инуяма на реке Кисо. Таким образом он оказался в двенадцати милях по прямой от Иэясу, который разместил свой форпост в Киёсу. В какой-то мере Овари стала «ничейной землей» между Мино и Микава, провинцией Иэясу. Захват Инуяма был косвенно направлен против Иэясу, и когда зять Икэда, Мори Нагаёси, показался на дороге, ведущей от Инуяма к Киёсу, Иэясу решил остановить его продвижение, пока силы противника не объединились. Сакаи Тадацугу и другие командиры взяли одно из подразделений армии Токугава в 5 000 человек и встретили армию Мори у деревни Комаки, в середине пути. Произошла жаркая битва. Мори удавалось удерживать силы Токугава в деревне, несмотря на плотный огонь аркебузов, пока Сакаи не обошел его и не атаковал с тыла. Мори поспешно отступил, потеряв 300 человек.

Тогда Сакакибара Ясумаса предложил, чтобы Иэясу перешел в Комаки, поскольку рядом с деревней находился круглый холм, возвышавшийся над окрестными рисовыми полями метров на 80. Солдаты Токугава взяли лопаты, выкопали рвы и установили вокруг Комакияма частокол. На возведение укреплений ушла неделя, и поскольку никакая непосредственная опасность пока им не угрожала, Иэясу приказал отремонтировать два старых форта в Хира и Кобата. Вскоре после того, как Иэясу закончил сооружение укреплений, подошел Хидэёси. 7 мая 1584 г. он прибыл в замок Инуяма, где Икэда Нобутэру ознакомил его с диспозицией. Хидэёси покинул Инуяма, чтобы произвести

разведку позиций Иэясу, и сделал комплимент противнику, искренне польстив ему тем, что велел возвести ряд фортов напротив фортов Иэясу. Он разместил свою ставку в Гакудэн, за линией фронта, которая протянулась от Ивасакияма до Нидзубори. Между этими двумя фортами, стоящими примерно в полутора милях друг от друга, он построил стену высотой пять метров и в метр толщиной. Иэясу в ответ воздвиг еще один форт в Тараку, но не стал строить стену. Две самурайских армии основательно окопались, почти как солдаты первой мировой войны. Оба военачальника выжидали за линией укреплений, не решаясь начать лобовую атаку и разделить участь Такэда Кацуёри. У Хидэёси было не менее 80 000 человек, и такое положение дел ему изрядно наскучило, как он писал Мори Тэрумото: Наша линия обороны растянута на десять или пятнадцать тё [около мили] напротив замка Комаки. И хотя мы пытались заставить врага выйти и вступить в сражение, Иэясу ни за что не хочет выходить из своего замка в Комаки. Так что нет смысла здесь оставаться ...

Было очевидно, что в Японии XVI века такая позиционная война не могла продолжаться долго. Менее чем через неделю ожидания Икэда Нобутэру пришел к Хидэёси и предложил совершить рейд в провинцию Микава. Поскольку половина самураев Микава в то время сидели за укреплениями на Комакияма, это предложение не было лишено смысла, но при условии, что гарантировалась внезапность. Хидэёси согласился и приготовился к лобовой атаке на позиции Иэясу в качестве отвлекающего маневра.

Икэда выступил в полночь, с 15 на 16 мая. Его силы в целом насчитывали 20 000 человек, но, чтобы сохранить обстановку секретности при переброске такого большого войска, он двинулся первым с 6 000 воинов, немного спустя за ним последовали Мори Нагаёси с 3 000, Хори Хидэмаса с 3 000 и Миёси Хидэцуна с 8 000 солдат. Утро 16 мая застало их на привале в Касиваи. Армию в 20 000 человек довольно трудно спрятать, и к полудню какие-то крестьяне доложили

Иэясу о присутствии в районе Касиваи большого числа вражеских самураев. Сперва он не хотел им верить, но к вечеру разведчики подтвердили эти сведения, и Иэясу приготовился выступить. К тому времени армия Икэда после короткого отдыха пошла дальше, продвигаясь уже днем и не с такой скоростью. В ночь с 16 на 17 мая они переправились через реку Ята, и авангард Икэда приблизился к форпосту Ивасаки, который удерживал для Иэясу Нива Удзисигэ. Армия растянулась почти на пять миль, и на рассвете 17 мая самураи Икэда пошли на штурм Ивасаки, который был взят без особого труда. Остальная армия расположилась на завтрак вдоль дороги, не подозревая о приближающейся войске Токугава.

Иэясу оставил Сакаи, Хонда и Исикава присматривать за Комаки и выступил в восемь вечера 16 мая. Его авангард под командованием Мидзуно Тадасигэ к десяти вечера добрался до Кобата, где в полночь к нему присоединился Иэясу. Иэясу разгадал стратегию Икэда и после двух часов сна отправил Мидзуно перехватить арьергард колонны Икэда.

Нападение было совершенно внезапным. Самураев Икэда, которыми командовал Миёси Хидэцугу, застали врасплох, когда они завтракали на Сирояма. Они были неожиданно атакованы Мидзуно справа и Сакакибара слева. Атака была успешной, и Миёси едва удалось унести ноги. Третья дивизия, ближайшая, от кого можно было ожидать подмоги, расположилась примерно в трех милях дальше по дороге. Когда грохот аркебуз докатился до них, Хори Хидэмаса поспешно развернул армию и двинулся назад, на шум выстрелов. Они вскоре подошли к поселку Нагакутэ и расположились на холме двумя отрядами, так, что между ними и наступающими войсками Токугава оказалась река Канарэ. Хори Хидэмаса был опытным командиром и увидел в полоске воды защиту не менее действенную, чем частокол Нагасино. Было семь часов утра 17 мая. Хори приказал своим людям зажечь фитили, зарядить ружья и стрелять, как только враг приблизится метров на двадцать. В качестве

дополнительной награды он обещал по 100 коку риса каждому, кто собьет всадника. Войска Токугава приближались бегом, прямо в зону прицельного огня аркебузирова. Тучи пуль смешали их ряды, и, увидев, что они дрогнули, Хори повел своих людей в яростную атаку, которая разбросала самураев Токугава в стороны. Опять повторилась бы та же история, что и при Нагасино, но в момент, когда 3 000 воинов Хори врезались в строй 4 500 Токугава и раскололи его надвое, Хори увидел на горизонте золотой веер, штандарт Иэясу, который вел основные силы Токугава. Тогда он благоразумно отступил и вновь занял позицию вместе с первой и второй дивизиями под командованием Мори и Икэда, которые отступили назад от Ивасаки. Иэясу сделал широкий обход, собирая остатки своего потрепанного авангарда. Последовала пауза, пока обе армии строились в боевой порядок, а затем, с девяти утра, завязалась «настоящая» битва при Нагакутэ.

Войско Токугава насчитывало 9 000 человек, которые были разделены почти поровну между тремя командирами. Ии Наомаса был одним из столпов дома Токугава. Он служил Иэясу с 1578 г. и, по совету Иэясу, облачил всех своих самураев и асигару в красные лакированные доспехи. Эту идею Иэясу позаимствовал у старых приближенных Сингэна, которые рассказали ему, как в сражениях при Каванакадзима Ямагата Масакагэ имел обыкновение одевать в красные доспехи всех своих людей. Против так называемых «Красных Дьяволов» Наомаса стояли два сына Икэда, Тэрумаса и Юкисукэ, с 4 000 воинов. Мори Нагаёси стоял на левом фланге с 3 000 человек, а Икэда Нобутэру оставался в резерве с 2 000. Соотношение сторон было почти равным. Не было ни более выгодной позиции, ни частокола, ни элемента неожиданности.

Сражение началось с того, что аркебузиры Токугава стали обстреливать противника, что побудило двух сыновей Икэда атаковать Ии Наомаса, который отбил их атаку плотным аркебузным огнем. Старший Икэда пришел на

помощь сыновьям, но ни Мори, ни Иэясу пока не сделали ни одного выстрела. Мори ждал, когда Иэясу окажет поддержку своему левому крылу – тогда Мори смог бы атаковать его с фланга, но Иэясу трудно было одурачить. Он неожиданно повел все свои силы в атаку, разделив их на два отряда, и этот удар заставил дрогнуть самураев Мори. Мори разъезжал взад и вперед перед рядами воинов, размахивая боевым веером. Он был весьма приметен в своей белой накидке, и один из «Красных Дьяволов» тщательно прицелился и прострелил ему голову. Это была очень эффектная смерть, и она стала сигналом для Ода Нобуо, который пошел в обход и атаковал армию Мори с фланга. Все войско Мори подалось назад, а Икэда упал на свой походный стул, поняв, что теперь все пропало. Молодой самурай по имени Нагаи Наокацу подбежал и пронзил его копьем, захватив призовую голову. К часу дня сражение закончилось. Иэясу сел, и перед ним положили 2 500 голов побежденных. Он рад был узнать, что его собственные потери ограничились 600.

Битва при Нагакутэ изображена на расписной ширме, которая хранится в Музее искусства Токугава в Нагоя. На центральной панели ширмы отображено несколько наиболее интересных моментов, среди них красный штандарт семьи Ии с их инициалами и смерть Икэда Нобутэру.

Тем временем в двух лагерях строились предположения об исходе экспедиции. Когда Хидээси услышал о «битве за завтраком» на Сирояма, он немедленно выступил с подкреплением, в то время как Хонда Тадакацу приготовился атаковать его с фланга. До стычки, однако, дело не дошло – войско Хидээси было столь огромным, что оно без труда могло бы уничтожить этого талантливоего командира Токугава, но Хидээси так понравилась его храбрость, что он не стал ему даже угрожать. Поэтому Хонда вернулся в Кобата, где встретил Иэясу. Вскоре обе армии вновь укрылись за оборонительными рубежами, и прежнее противостояние возобновилось.

Этот застой продолжался в течение нескольких месяцев,

в то время как союзники двух главных соперников сражались в других частях страны, в частности, на Хокурикудо, где Маэда Тосииэ разбил Саса Наримаса. С конца 1584 г. отношения между Иэясу и Хидэёси стали от военного противостояния переходить к политическому партнерству. В конце концов каждый из них понимал, что другой стоит большего с головой, нежели без нее, и Иэясу покорился. Ведь Хидэёси, думал он, не будет жить вечно, а вместе они могут покорить всю Японию. Иэясу поступил очень разумно и заслуживает репутации человека, который овладел империей путем уступок.

Между 1582 и 1586 гг. Хидэёси построил замок Осака. Этот замок оставался его официальной резиденцией до самой его смерти и, подобно Адзути, олицетворял могущество своего владельца. Он был возведен на месте бывшего Исияма Хонгандзи, укрепленного храма Икко, который в свое время также был построен с учетом стратегических задач. Из Осака можно было одним глазом наблюдать за Внутренним морем, а другим – за Киото. Одной из необычных черт в его конструкции было использование циклопических гранитных блоков. Самый большой камень имеет двенадцать метров в длину и шесть в ширину. Замок Осака подвергся многочисленным перестройкам и в нынешнем состоянии является лишь тенью былого сооружения.

Теперь, когда Иэясу был на его стороне, а замок Осака стал его базой, Хидэёси почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы приступить к завоеванию всей Японии. Единственными влиятельными кланами в Японии, не признавшими его превосходства, были: на Хонсю – Ходзё и Датэ, которые оба были блокированы союзниками Хидэёси, а также обитатели Сикоку и Кюсю. Сикоку пал первым. Кампания была столь короткой, что ее не стоит и обсуждать подробно. Вторгшаяся на остров армия Хидэёси насчитывала 80 000 солдат, включая людей Мори. Тосокабэ Мототика вскоре сдался. Ему позволили оставить за собой провинцию Тоса, а вся остальная территория острова была разделена

между полководцами Хидэёси.

К 1587 г. могущество Хидэёси возросло настолько, что он стал планировать последнюю кампанию – вторжение на Кюсю. Этот большой южный остров всегда оставался в стороне от основного течения японской политики. Во время войны Гэмпэй он пострадал от столкновений местных владетелей; единственным случаем, когда на него вторглись извне, была экспедиция Нориёри, которая продвинулась не более чем на тридцать миль вглубь острова. Главные события войны между Северным и Южным Дворами послужили для самураев Кюсю не более чем предлогом для собственных территориальных захватов. Монгольское вторжение они отбили почти без посторонней помощи. Иными словами, Кюсю был совсем другим миром, и прежде чем описывать вторжение Хидэёси, стоит кое-что сказать о том, что происходило на Кюсю в период Сэнгоку.

Как мы уже говорили в главе шестой, растущей силой на южном Кюсю был клан Симадзу из Сацума. Сибуя, которые так упорно противостояли Симадзу, в конце концов капитулировали, предоставив Симадзу безраздельно править Сацума из их столицы Кагосима. Как раз на территории, подвластной Симадзу, высадились в 1543 г. португальцы с огнестрельным оружием, и, как мы уже говорили, первым, кто использовал огнестрельное оружие в бою, насколько известно, был Симадзу Такахиса (1514–1571) в 1549 г. В том же году он дал аудиенцию св. Франциску Ксавье в Кагосима. Так что, хотя Кагосима и находился далеко от Киото, этот город был далеко не культурной периферией. Скорее наоборот: поскольку все торговые и деловые контакты завязывались в первую очередь на Кюсю, это Киото приходилось поспевать за модой.

В 1556 г. Симадзу начали планомерное завоевание всего острова. Этот стереотип поведения нам уже знаком, достаточно вспомнить возвышение Ходзё и Токугава. В 1556 г. они аннексировали провинцию Осуми и начали семилетнюю кампанию против клана Ито в Хюга. Ито

Ёсисукэ капитулировал в 1578 г. и бежал на север искать помощи у христианского владыки Бунго, Отомо Сорина. Отомо выступил против Симадзу с армией в 100 000 человек, и после яростной битвы 10 декабря 1578 г. половина его солдат либо утонула в водах реки Мимигава, либо погибла мертвыми на много миль вокруг. Отомо Сорин вернулся в Бунго, поклявшись отомстить весьма не по – христиански. Провинция Хюга была занята Симадзу.

Их внимание обратилось теперь на Хиго, и огромное войско Симадзу осадило Минамата на самой границе Хиго. Гарнизон сдался ночью 17 сентября, и вскоре почти вся провинция Хиго оказалась в руках Симадзу. Теперь они владели половиной Кюсю. Отомо еще удерживали Бунго, а клан Рюдзодзи контролировал большую часть северо-запада. Стычки между передовыми частями Симадзу и Рюдзодзи и раньше происходили время от времени, но только к весне 1584 г., в то самое время, когда Хидэёси и Иэясу готовились к кампании на Комаки, эти два клана столкнулись. Рюдзодзи Таканобу «подчищал» кое-какие самурайские кланы, уцелевшие после войны. Он напал на один независимый клан, оказавшийся в сфере его влияния – клан Арима, христианского даймё в провинции Хидзэн. Арима обратился за помощью к Симадзу, что последних весьма удивило, и помощь была предоставлена в лице Симадзу Иэхиса, третьего сына покойного Такихаса.

24 апреля 1584 г. Симадзу окопались на Окита-Наватэ, возвышенности напротив Симабара, где встретили яростную атаку Рюдзодзи, у которых не было недостатка в огнестрельном оружии, включая крупнокалиберные мушкеты. Те атаковали Симадзу и Арима в три колонны: одна наступала по дороге через холмы, а другая двигалась вдоль берега. Последней вскоре пришлось попробовать собственного зелья, когда христиане Арима поддерживали союзников, открыв огонь по Рюдзодзи с лодок, которые подошли близко к берегу. Стрелки в лодках были вооружены аркебузами, мушкетами и двумя пушками, которые, надо

думать, были португальскими. Поскольку атакующая колонна была очень плотной, промахнуться было трудно, и религиозный смысл того, что христианские самураи разносили в куски самураев-буддистов, от них не ускользнул. Не ускользнул он и от внимания отца Фруа, который писал:

«... обычай, которого они придерживались, был весьма примечателен: прежде всего, благочестиво преклонив колени и воздев руки к Небу, они стали молиться: „Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое...“ Выполнив таким образом первую часть своего стратегического плана и с нетерпением приступив к заряданию пушек ядрами, они с такой силой открыли огонь по врагу, что после первого же выстрела можно было видеть, как все небо наполнилось оторванными членами. Тут они вновь опустили на колени. Последовали молитвы воскресной проповеди, и они, таким образом, нанесли тяжёлые потери язычникам, которые не имели мужества продолжать наступление. Одна часть отступила, а другие присоединились к третьей колонне».

Другими словами, «прости нам грехи наши ...», а те, кто согрешил против Арима, пусть отправляются в преисподнюю под шквалом пуль! Окончательная победа при Окита-Наватэ была одержана, когда штурмовая колонна самураев Симадзу прорвала ряды Рюдзодзи и взяла голову Таканобу.

В результате сражения при Окита-Наватэ весь северо-западный Кюсю оказался под контролем Симадзу, что сделало неизбежным возобновление конфликта между жадными Симадзу и мстительными Отомо – несомненно, к великому беспокойству христиан Арима, чье благочестивое поведение так помогло Симадзу. С 1585 г. Симадзу вынашивали планы завоевания Бунго, последний решающий шаг в покорении всего Кюсю, не имея представления о том,

какая судьба им уготована. Отомо Ёсимунэ попросил помощи у Тоётоми Хидэёси!

Просьба о помощи стала тем самым поводом, который так нужен был Хидэёси. Если все будет выглядеть так, будто он действует в интересах одного из местных кланов, это сильно облегчит покорение Кюсю. Приняв сторону Отомо с гладстоновским лицемерием, Хидэёси написал Симадзу Ёсихиса от имени императора, приказывая ему прекратить враждебные действия против Отомо и убраться в Сацума, откуда пришел. Ёсихиса, который плохо понимал, что, имея дело с Хидэёси, они имеют дело с военным гением и мастером политической интриги, отнесся к письму с пренебрежением. Однако он ответил, противопоставив возвышение Хидэёси от крестьянского мальчика до диктатора многим векам правления Симадзу в Сацума – то, что больше всего должно было задеть Хидэёси за живое.

Нападение Симадзу на Бунго началось в ноябре 1586 г. Братья Симадзу, Ёсихиса, Ёсихиро и Иэхиса, повели три огромных армии по дороге из Хиго и Хюга в Бунго. Армия их союзников осадила Татибана на границе провинций Бунго и Тикудзэн, а братья тем временем раздельно двинулись к Фунаи (совр. Оита), столице Бунго. Ёсихиса первым делом подошел к Усуки, где жил Сорин, старший Отомо. События показывают, что это было нечто большее, чем обычная борьба кланов. Отец иезуит жалуется, что «отряд бонз (буддийских монахов) присоединился к армии Сацума. Эти безумцы не щадили ничего, что попадалось им на пути; повсюду были лишь развалины церквей и бегущие миссионеры».

В это время другая армия Сацума осадила замок Тосимицу. Поскольку город держался, был оставлен отряд, чтобы его блокировать, а в это время три брата объединили силы для атаки на Фунаи. В это самое время на Кюсю высадился авангард армии Хидэёси. Войска клана Мори под командованием Кобаякава и Киккава переправились через пролив с Хонсю и сняли осаду с Татибана. Это было первое поражение, которое потерпели Симадзу за тридцать лет

войны, но эта неудача компенсировалась скоростью их продвижения в Бунго. Замок Фунаи, однако, был укреплен другим контингентом, посланным Хидэеси, под командованием Сэнгоку Хидэхиса и Тосокабэ Мототика, которые переправились через пролив Бунго с Сикоку и высадились в Усуки. Хидэеси дал им приказ защищать Фунаи, но Сэнгоку и младший Отомо его игнорировали, и, несмотря на увещевания Тосокабэ, войско Сикоку отправилось на выручку Тосимицу. Как только Симадзу услышали о приближении союзников, они напрягли все силы и взяли Тосимицу штурмом 20 января 1587 г. Когда самураи Сикоку подошли к замку, они увидели знамена Симадзу с черным крестом в круге на его стенах. В последовавшей затем битве армия Сикоку была наголову разбита, а сын Тосокабэ убит. Тосокабэ Мототика бежал к побережью, чтобы переправиться обратно на Сикоку, но начался отлив, и к лодкам нельзя было подойти из-за зыбучих песков. Он уже собирался покончить с собой, когда прибыл самурай с посланием от преследовавшего его Симадзу Иэхиса: Мы весьма сожалеем, что убили вашего сына во вчерашнем сражении. Мы понимаем, однако, как трудно добраться до ваших лодок через эти зыбучие пески. Ждите спокойно, пока не наступит прилив. Желаем вам благополучного возвращения.

Век рыцарства еще не кончился.

24 января 1587 г. Симадзу триумфально вступили в Фунаи. Но от этой победы они так никогда и не оправались.

За четыре дня до падения Фунаи Хасиба Хидэнага, кузен Хидэеси, высадился на Кюсю с 60 000 воинов. К нему присоединились «Две Реки», которые освободили Татибана, и их объединенный контингент, численностью в 90 000 человек, двинулся на Фунаи. Перед лицом такой новой угрозы со стороны союзников Симадзу решили, что не стыдно будет и отступить, и не успели союзники прослышать об их отступлении, как они уже пересекли границу и ушли в Хюга. Хидэнага стал их преследовать и не встречал сопротивления

до тех пор, пока не дошел до крепости Такасино. Эта твердыня стояла в десяти милях в стороне от его маршрута, и там, где великий Хидэёси выделил бы отряд, чтобы блокировать крепость, Хидэнага проявил бездарность, засев перед Такасино со всей 90-тысячной армией.

Когда началась осада, пришло послание от Симадзу Иэхаса, который сообщил, что собирается прийти на помощь осажденным. Получив такое предупреждение, Хидэнага выделил 60 000 солдат, чтобы встретить армию Симадзу, и разместил их на укрепленных позициях. Симадзу имели репутацию людей храбрых и решительных, но хотя их провинция и была первой, вкусившей благодать огнестрельного оружия, из-за их удаленности от центра Хонсю они остались незнакомы с уроком Нагасино. Хидэнага должным образом приготовился. Были выкопаны длинные ряды траншей, срублено множество деревьев, из стволов которых построили засеки. За линией обороны он построил башни, с которых стрелки могли вести прицельный огонь по рядам воинов Сацума.

Симадзу непредусмотрительно полагались на старые идеалы ведения войны – характерная черта, которая делает доблестных самураев Сацума похожими на взлелеянный идеал типичного самурая. Губбинс сообщает: Впереди шли отборные силы – 3 000 меченосцев, которым было приказано уничтожить укрепления. За ними была поставлена кавалерия, готовая пойти в атаку через засеки, как только в них будут проделаны достаточно широкие бреши. В тылу у конницы были выстроены основные силы, а отряд в 1 000 человек был послан, чтобы атаковать имперскую армию с тыла.

И вот с присущей им стремительностью Симадзу бросились прямо под мушкетный огонь. Защитники, однако, сперва чуть было не попались на одну из собственных уловок, поскольку направили основной огонь на фигуру в великолепных доспехах, восседающую на походном стуле, которая, казалось, руководила атакующими.

Пять раз объект этого концентрированного огня сбивали

со стула, но всякий раз его место быстро занимал другой. Стрелки поздравляли друг друга после каждого меткого выстрела, пока наконец один, более зоркий, чем другие, обнаружил, что предполагаемый полководец был не более чем соломенным чучелом, выставленным на виду, чтобы отвлечь огонь защитников. Нападавшие тем временем проделали брешь в укреплениях и притворно отступили, чтобы дать простор кавалерии, которая прорвалась внутрь и овладела этой частью укреплений.

Несмотря на столь удачное начало, Симадзу в свою очередь попались на уловку очень простую, особенно в свете описанного выше эпизода. Прибыли разведчики и доложили Иэхиса, что большая армия зашла между ними и их базой в Садовара. Эта «большая армия» состояла из бумажных плакатов и старых копий, привязанных к кольям, но она заставила Симадзу отступить. «Имперцы» последовали за ними, и горстка самураев Сацума отчаянно сражалась, прикрывая отступление, встав полукругом перед своими павшими товарищами. Они принесли себя в жертву не зря. Армия Сацума отбила Садовара, а флегматичный старый Хидэнага вновь засел перед Такасино. Его терпение было, наконец, вознаграждено, когда у защитников крепости кончились припасы и им пришлось сдаться. После этого Иэхиса оказался заперт в Садовара войсками Хидэнага, что, впрочем, можно было бы сделать гораздо раньше. Старший брат, Симадзу Ёсихиса, стал управлять делами в Сацума из Кагосима.

Замок Такасино пал, вероятно, где-то конце мая. Хидэеси к тому времени тоже добился некоторых успехов. Он прибыл на Кюсю 22 февраля 1587 г., через месяц после того, как выступил из Осаки с 30 000 человек. Таким образом, всего под его началом, включая контингенты Хидэнага и Мори, оказалось около четверти миллиона человек, набранных не менее чем из тридцати семи провинций. Двадцать тысяч вьючных лошадей везли провизию. Только такой способный командир, как Хидэеси, мог собрать подобное войско,

организовать его и перебросить за сотни миль. И, конечно, только такой ловкий человек, как Хидэёси, сумел бы убедить богатых купцов из Сакаи финансировать эту экспедицию.

Одним из проявлений политической зоркости Хидэёси было и то, что он понимал, что не всех союзников Сацума на Кюсю следует подавлять. Многие, полагал он, являются союзниками только по принуждению и при случае охотно перейдут на другую сторону. Первая возможность проверить эту догадку представилась, когда Хидэёси подошел к замку Огура, который удерживал Акидзуки Танэдзанэ. В ту же ночь Акидзуки оставил замок и отступил в другой. О том, как он наконец покорился Хидэёси, рассказывают забавную историю. Когда Хидэёси занял Огура, он обнаружил, что замок недостроен: его сооружали в такой спешке, что не успели отштукатурить стены. Он тут же приказал оклеить внешние стены белой бумагой. На следующее утро разведчик донес Акидзуки: могущество Хидэёси столь велико, что по его приказу всего за одну ночь весь замок покрыли штукатуркой. Так Хидэёси приобрел еще одного союзника, убедившись в том, что его осторожный подход к тем союзникам Сацума, которые являлись ими по принуждению, был правильным. Он обратился к своим командирам со следующими словами: Будем действовать осторожно и, сосредоточивая свои силы, каждодневно умножать их, привлекая на нашу сторону тех владетелей, которые являются вассалами Симадзу. Затем, когда Сацума останется в одиночестве, подобно дереву, лишенному листьев и ветвей, мы нападём и уничтожим корень...

К концу мая Хидэёси продвинулся до Яцусиро в Хиго, почти одновременно со своим кузеном в Такасино. Здесь он обрел союзников, которые ему были столь желанны. «Владыки островов»: Мацуура с Хирадо, христианин Арима Харунобу, Гото с одноименного острова – все явились, чтобы покориться ему, и их корабли заполнили узкий пролив. Это был вотум доверия Хидэёси, и он отдал приказ об общем наступлении против Симадзу, которых теперь полностью

оттеснили в их родную провинцию Сацума. Когда Хидэёси уже готов был выступить, к нему присоединился Рюдзодзи Масаиэ, который отправился в Сацума морем, высадившись около Акунэ. Хидэёси в сопровождении тысяч самураев с Кюсю, которые тридцать один год лелеяли жажду мести, утвердился на территории Симадзу. Шестьдесят тысяч человек были оставлены в Акунэ, чтобы двигаться на Кагосима морем, в то время как Хидэёси с 170 000 продвигался сушей.

Тем временем в Кагосима собрался военный совет, на котором присутствовали все более или менее значительные представители клана Симадзу. Обсуждался вопрос, следует ли попытаться как-либо воспрепятствовать продвижению противника или же дать ему пройти через Сацума и решить исход кампании из столицы. В какой-то мере на решение повлияла позиция Нииро Тадамото, главного вассала Симадзу, который отказался уводить свои войска с реки Сэндай и охранял этот естественный рубеж с 20 000 воинов. Еще 30 000 были немедленно отправлены ему на помощь, а Симадзу Ёсихиро установил еще одну линию обороны примерно в восьми милях к северу от Кагосима.

6 июня армия Хидэёси, впервые за всю кампанию, встретила лицом к лицу с Симадзу. Шестьдесят тысяч самураев выстроились, чтобы не дать ему переправиться через Сэндайгава, и Хидэёси с удивлением отметил, что они решили сражаться, оставив реку у себя за спиной. Огромная армия двинулась вперед. Примерно в миле от реки они остановились, и командиры стали выравнивать ряды. Увидев, что они встали, Нииро Тадамото повел свой личный пятитысячный отряд в дикую атаку против 170 000 солдат Хидэёси. Поскольку армия только начала строиться в боевой порядок, Нииро Тадамото прорвался и сквозь первый ряд и сквозь второй, и они уже устремились к золотому ковшу – штандарту Хидэёси, когда наткнулись на самураев Фукусима Масанори и Като Киёмаса. В этот момент подросли остальные самураи Сацума. Но, хотя прославленное

мастерство меченосцев Сацума и сказалось в рукопашной схватке, численное превосходство противника заставило их отступить назад к реке. Атака конных самураев отвлекла внимание Хидэеси ровно настолько, чтобы Симадзу смогли отступить, но только после того, как произошел поединок между Нииро Тадамото и Като Киёмаса. Нииро был выбит из седла и находился во власти противника, но тот великодушно отказался воспользоваться своим преимуществом и даровал жизнь храброму самураю. Когда стемнело, армия Сацума, или то, что от нее осталось, растворилась в ночи.

Вторая линия обороны, как мы говорили, проходила в восьми милях от Кагосима. Здесь Симадзу задумали устроить дерзкую засаду. Все дороги на Кагосима шли через перевалы или глубокие ущелья, образованные многовековыми отложениями пепла из вулкана Сакурадзима. Поскольку топография этой местности хранилась в секрете, можно было надеяться задержать там целую армию; план же состоял в том, чтобы поджечь кустарник и под прикрытием дымовой завесы перебить солдат противника. К несчастью, эта часть ловушки была задействована преждевременно, когда авангард армии Хидэеси оторвался и заблудился в лабиринте расщелин.

Была лишь одна вещь, которой не предусмотрели Симадзу – предательство. У Хидэеси были свои шпионы в районе Кагосима среди монахов Икко, которых труднее всего было заподозрить. Эти монахи готовы были провести войско Хидэеси через вулканическую пустыню. Хидэеси тем временем отдал последние распоряжения. Те 60 000 солдат, которые остались в Акунэ, должны были погрузиться на корабли и плыть, огибая полуостров с юга и вверх по проливу. Одновременно Хидэнага должен был наступать по главной дороге, а колонны под командованием Като Киёмаса, Фукусима Масанори и Курода Ёситака – двигаться через расселины и ущелья, следуя за проводниками-монахами.

Симадзу Ёсихиро узнал о наступлении, когда на главной дороге появился Хидэнага. Самураи Сацума без особого

труда блокировали его продвижение, но тут пришли тревожные новости о высадке десанта на побережье. Неожиданно появились Като и Курода, прошедшие тайными тропами, и тогда Хидэнага пошел в атаку. Ёсихиро бежал, и армия Сацума отступила.

Теперь не оставалось ничего, кроме земляных валов и частокола вокруг Кагосима, последнего штурма, побоища и, возможно, самого массового самоубийства в истории самураев. Но новых сражений не последовало. Через посредничество Иэхиса, которого взяли в плен в Садовара, Симадзу Ёсихиса, глава клана Сацума, который с оружием в руках проложил себе путь от одного конца Кюсю до другого, первый раз встретился лицом к лицу с Хидэёси. Он увидел человека небольшого роста, с морщинистым обезьяньим лицом, но в манерах великого полководца было такое врожденное благородство, что Ёсихиса исполнился благоговейным страхом. Условия, предложенные Хидэёси, были просты. Ёсихиса должен был отправиться в Киото как заложник, а управление Сацума переходило к его брату Ёсихиро. Симадзу сохраняли контроль над Сацума, Осуми и половиной провинции Хюга. Предложение было щедрым, в духе дальновидной политики Хидэёси. Он и до этого был великодушен с Мори и с Тосокабэ, которые пошли сражаться за него на Кюсю. Он не хотел уничтожать своих врагов, но стремился покорить их и использовать. Так закончилась великая кампания на Кюсю, самое грандиозное военное предприятие, которое знала Япония. Лучшие полководцы Хидэёси, включая Като Киёмаса и Курода Ёситака, получили земли на Кюсю, откуда они могли присматривать за Сацума. В начале июля армия отправилась домой.

Эта история имеет занятный эпилог, который чем-то напоминает недавние события. В тот день, когда армия Сацума понесла поражение, храбрый Нииро Тадамото, истинный самурай, предпочел укрыться среди холмов, дабы не видеть позор поражения своего клана. Там он собирался продолжать борьбу, не зная, что заключено перемирие и что

война окончена. Когда 150–тысячный авангард армии Хидэёси проходил через один из узких проходов на границе Сацума, они обнаружили, что путь им перекрыл Нииро и его оборванные самураи. Тщетно самураи пытались убедить Нииро, что мир уже заключен. Он еще яростнее размахивал мечом и уже готов был атаковать авангард, если бы в тот момент не подошла вся армия Хидэёси. Тогда Нииро осознал всю абсурдность своих намерений и стал последним самураем, сложившим меч в этой войне. Японские солдаты, которых находили на тихоокеанских островах через многие годы после окончания второй мировой войны, имеют достойного предка.

Возвращение Хидэёси было триумфальным. Он преуспел там, где потерпели неудачу многие полководцы, от Минамото Нориёри до Имагава Рё-сун. Хидэёси достоин того, чтобы его называли «Наполеоном Японии».

Объединение Японии под властью Хидэёси не было только военной операцией. В его арсенале, помимо мечей и мушкетов, было и другое оружие. Японскую чайную церемонию трудно описать в нескольких фразах. Это культ элегантной простоты, вежливости и эстетического подхода, идеальным образом сосредоточенный вокруг чаепития. Хидэёси лучше многих других понимал, что чайная церемония – это способ влиять на людей и приобретать друзей. Ему мы обязаны тем, что чайная церемония превратилась из модного времяпровождения в истинный культ и в средство для укрощения духа тех, кто мог бы посягнуть на его авторитет.

Чай появился в Японии в IX веке, но настоящая культура чая развивается с XII в. Сперва к чаепитию относились с некоторым подозрением, но когда один сёгун обнаружил, что чай снимает последствия похмелья, чай сделался почитаемым напитком. В период Камакура хороший чайный лист высоко ценился и стоил очень дорого. Кувшин чая иногда давали в награду воинам, совершившим какой-нибудь необычный подвиг, и они собирали друзей и

родственников, чтобы разделить с ними драгоценный дар. С этого, возможно, и началась чайная церемония.

С самого начала чай был тесно связан с учением Дзэн. И чаепитие, и Дзэн предполагали спокойное размышление о простых вещах, а учителя Дзэн еще раньше открыли, что чай помогает при медитации, действуя как слабый стимулятор. Японское пристрастие к формализму и церемониалу привело к разработке «правил» церемонии. Асикага Ёсимаса, сёгун эпохи войны Онин, окончательно сформулировал идею чайной церемонии в том виде, в котором ее воспринимали впоследствии. Аспект Дзэн в чаепитии привлекал к нему самураев. С середины XVI века, по мере того как «новые даймё» приобщались к этой моде, в изобилии появляются чайные анекдоты. Ода Нобунага часто устраивал чайные церемонии, и с тех пор мало было даймё, о которых не рассказывалась какая-нибудь история, связанная с чайной церемонией. Хидэёси относился к чаю с особым энтузиазмом. Он использовал любой повод, чтобы предаться своей страсти к этому культу. Возвращаясь после битвы при Нагакутэ, он остановился, чтобы выпить чаю у обочины дороги, а после кампании на Кюсю устроил чайную церемонию на пляже в Хаката. Исида Мицунари, который будет играть важную роль в нашем рассказе, впервые привлек внимание Хидэёси, когда подавал ему чай. Когда Отомо прибыл в Осака, чтобы просить помощи у Хидэёси, что привело к вторжению на Кюсю, одним из устроенных для него развлечений была чайная церемония. Принадлежности для чайной церемонии высоко ценились, изделия наиболее прославленных гончаров были очень дороги. Чайник, сделанный известным мастером, считался более ценной наградой, чем хороший меч. Когда Иэясу подчинился Хидэёси после кампании на Комаки, последний подарил ему чайник. Но не все принадлежности для чайной церемонии были прерогативой богачей. Некий Уэда Сигэясу мчался на коне под мушкетным огнем, когда заметил у дороги очень хороший ствол бамбука. Он спокойно спешил, не обращая внимания на свистевшие вокруг пули,

и срезал коленце бамбука, чтобы сделать вазочку для своего чайного домика.

Некоторые воины, конечно, продолжали с подозрением относиться к чайной церемонии. Курода Ёситака как-то заметил Хидэёси, что наслаждение чаем – не дело для самурая. Это рискованно, сказал он, когда хозяин и гости сидят так близко друг к другу без оружия. На следующей чайной церемонии, куда он был приглашен, Хидэёси сел рядом с ним и стал тихим голосом обсуждать военные проблемы. Тогда Курода и оценил одно из преимуществ мирной обстановки чайной комнаты. Хидэёси, конечно, извратил тогда самую суть чайной церемонии, в основе которой лежат вещи не от мира сего, но таково уж было обыкновение Хидэёси. Курода еще повезло, что последствия его критического высказывания по поводу пристрастия его господина ограничились светской беседой. Известно, что Ода Нобунага и Като Киёмаса замыслили убийства во время чайных церемоний. Предполагаемой жертвой Ода Нобунага был Инаба Иттэцу, но тот сложил такое очаровательное стихотворение во время чайной церемонии, что Нобунага признался в своем умысле и попросил прощения. Заговор Като завершился еще более причудливо. Его объектом был мастер чая, руководивший церемонией, которого он надеялся застать врасплох, когда тот сосредоточится на приготовлении напитка. Мастер, однако, был столь бдителен и осторожен, что не дал Като ни одного шанса, и тот нехотя похвалил изысканные манеры хозяина, когда церемония завершилась. Один знаменитый мастер чая, рассказывают, парировал удар меча своим чайным ковшиком.

Многие чайные истории напоминают притчи Дзэн. Один из любимых героев автора – великий даймё северного Хонсю, Датэ Масамунэ, известный своей сдержанностью. Однажды, рассматривая одну особо ценную чайную чашку, он едва не уронил ее и невольно вскрикнул. Это так устыдило его, человека, который мог не дрогнув вступить в любое сражение и тем не менее вскрикнул, опасаясь за чашку, что он схватил

ее и бросил о камень, разбив на тысячу осколков.

Невозможно постичь образ мысли самурая, не учитывая того влияния, которое оказывало на него чаепитие и связанные с ним ритуалы. Хидэёси был на них просто помешан – начиная от простой церемонии с одним гостем и кончая роскошным и экстравагантным пиршеством, которое он устроил в Китано после возвращения с Кюсю, на котором присутствовали сотни гостей и побулькивали десятки чайников, в то время как величайший человек в стране упивался своим эстетизмом.

Другая мера, предпринятая Хидэёси для установления социального контроля, была не столь изящна. В течение двух веков крестьяне, духовенство и пираты сражались бок о бок с самураями, и такое изнурительное испытание на прочность позволяло людям, подобным Хидэёси, подняться до вершин власти. Для Хидэёси с его намерением объединить страну было жизненно необходимо, чтобы весь этот беспорядок прекратился, чтобы у других не осталось того шанса, который когда-то представился ему. Иными словами, одного Хидэёси было достаточно. Одной из предпринятых для этого мер была великая перепись земель, другой – предпринятая Хидэёси знаменитая «охота за мечами», посредством которой он намеревался разоружить крестьянство и перековать мечи если не на орала, то, во всяком случае, на что-нибудь столь же мирное. Это был благочестивый инженерный проект Хидэёси – сооружение еще одного Великого Будды. Конфискованные мечи следовало переплавить и использовать для изготовления гвоздей и болтов для статуи, которую собирались соорудить из дерева, поскольку отливка ее в бронзе заняла бы слишком много времени. Будда начал приобретать форму в 1586 г. Статуя сооружалась к востоку от Киото, на этой стройке в течение шести лет было занято 50 000 человек. Статуя была разрушена землетрясением в 1596 г., но она сослужила свою службу. Сам же приказ об «охоте за мечами» был издан 29 августа 1588 г. Стоит процитировать его хотя бы частично:

«1. Людям различных провинций строго запрещается иметь у себя мечи, короткие мечи, луки, копья, огнестрельное оружие и другие виды вооружения. Обладание ненужными орудиями [войны] затрудняет сбор налогов и пошлин и способствует зарождению бунтов... Поэтому наместникам провинций, официальным чиновникам и уполномоченным надлежит собрать все перечисленное выше оружие и сдать правительству.

2. Собранные таким образом мечи и короткие мечи не пропадут даром. Их пустят на гвозди и болты при сооружении Великой Статуи Будды. Это пойдет на пользу людям не только в этой жизни, но и в последующей...»

Таково было могущество Хидзэси, что указ выполнили дословно. Растущая социальная мобильность среди крестьянства мгновенно обратилась в свою противоположность. Икки, монахи-воины, отошли в прошлое, все оружие у них отобрали.

Трудно переоценить значение «охоты за мечами» для становления самураев как класса. По мере того как шла «охота за мечами», строительство замков, которое началось при Нобунага, превратилось в манию. Соответственно, тенденция к социальному расслоению общества, когда человека буквально ставили перед выбором: быть ему солдатом или крестьянином, за стенами замка или снаружи – разительно усилилась. Какой-нибудь асигару мог быть воином низшего ранга, но он был воином, носителем меча, а не крестьянином. То было истинное начало социальной стратификации Японии эпохи Токугава, когда самурай стал «человеком с двумя мечами» – знаком отличия, который давал ему право жизни и смерти над представителями низших сословий. Со времени «охоты за мечами» термин «самурай» теряет прежнюю расплывчатость и получает гораздо более

четкое определение.

Еще одно нововведение Хидэёси имело важные последствия. Мы постоянно видели, что на протяжении многих лет самураи почти всегда ожидали награды за свою службу. До времени Нобунага обычной наградой были участки земли, которые постепенно и тщательно распределялись между доказавшими свою преданность вассалами. Хидэёси стал раздавать своим самураям золото и серебро, превратив эти награды в своего рода «призы». Во время кампании на Кюсю один из встретившихся ему замков, Гандзаку, оказался особенно крепким орешком, поскольку его защищали отчаянно. Хидэёси наблюдал за ходом битвы со склона ближайшего холма, в окружении сундуков с монетами. Когда самураи возвращались, неся головы врагов, их награждали прямо на месте из этих сундуков. Сравните это с обещанием Хори Хидэмаса дать по сто коку риса каждому, кто подстрелит всадника, и станет ясно, в каком направлении менялась обстановка.

В 1600 г., когда Курода Ёситака вербовал солдат для кампании, которая будет описана в одиннадцатой главе, он дал объявление, приглашая ронинов (самураев без господина) к себе на службу и обещая в награду золото и серебро. В «день получки» Курода заметил, что ронины проявляют нетерпение, пока для них взвешивают монеты. Он приказал своим казначеям, чтобы те не слишком обращали внимание на возможный небольшой перевес. Курода велел также своим офицерам подмигивать тем, ежели таковые будут, кто прикарманит несколько украденных золотых. «Хорошо, – сказал он, – все взвешивать точно, когда имеешь дело с торговцами, но здесь лучшая политика – щедрость, которая придаст мне больше известности и привлечет больше ронинов».

Мы завершим эту главу рассказом о последнем шаге к воссоединению империи. Последующим событиям в жизни Хидэёси посвящена отдельная глава.

Провинции северного Хонсю всегда были удалены, как

политически, так и по своему местоположению. Провинции Канто вовсе не было никакого дела до победоносных кампаний Хидэеси. Канто, конечно, была оплотом Ходзё, а возвышение основателя этого клана, Ходзё Соуна, может считаться наглядным примером процесса гэкокудзё. Его сын и внук честно следовали заповедям предка, состоявшим из двадцати одного параграфа, но следующее поколение, в лице Ходзё Удзимаса, расслабилось. Возможно, он устал от наставлений своего покойного прадедушки, или, может быть, то, что его отец передал ему Канто в готовом виде, сделало его беззаботным. Ходзё к тому же все больше замыкались в себе, считая горы Хаконэ естественной преградой не только для вражеских самураев, но и для культурных новшеств. Они, например, прекрасно знали о существовании огнестрельного оружия, но Удзимаса почему-то придавал больше значения луку и стрелам, нежели ружьям, и «тренировал» своих солдат, заставляя их гоняться за собаками. Обычаи замка Одавара также были весьма старомодны, и надо быть японцем, чтобы их оценить.

В 1589 г. Хидэеси нашел предлог для кампании против Ходзё и планировал вторжение в масштабах, равных экспедиции на Кюсю. От разных даймё потребовали выделить от сорока до семидесяти процентов их войск, реальное же число набранных солдат зависело от близости их владений к Канто. Самое тяжкое бремя, таким образом, ложилось на Токугава Иэясу, чьи владения соседствовали с землями Ходзё и который деликатно увильнул от участия в кампании на Кюсю под предлогом их удаленности от острова. Он должен был начать наступление на Одавара по дороге Токайдо вместе с Гамо Удзисато и Ода Нобуо, в то время как Уэсуги Кагэкацу и Маэда Тосииэ должны были зайти с севера. Поскольку провинции Иэясу растянулись вдоль Токайдо, он спешно принял меры к тому, чтобы привести в порядок эту великую дорогу. Вдоль нее строились постоянные дома, ремонтировались старые замки. Для более быстрой переброски войск через реку Фудзи был построен понтонный

мост, в том самом месте, где столетия назад имел место эпизод с «водоплавающими птицами». Приготовления Хидэёси, касавшиеся снаряжения и провизии, были доверены Накацука Масаиэ, который организовал перевозку 200 000 коку риса морем из Осака вдоль побережья Токайдо. Сверх всего этого, 10 000 больших золотых монет было потрачено на покупку риса в провинциях Токайдо.

Силы клана Ходзё были безнадежно малы в сравнении с этой армией. Они могли собрать до 50 000 человек и сперва собирались сражаться на открытой местности, но перед лицом 200-тысячной армии отступили в свой замок Одавара, где разместили по три мушкета и одной пушке в каждой бойнице.

Хидэёси выступил из Киото 5 апреля 1590 г., устроив парад своих войск, масштабы и величие которого не поддаются описанию. Его продвижение по Токайдо было размеренным и пышным. Иэясу уже двинулся вперед, чтобы начать осаду. Сохранились его полевые приказы, и они хорошо отражают характер военных действий в эпоху Момояма:

«Если кто-либо отправится на разведку без приказа, он будет наказан.

Если кто-либо вырвется вперед, даже для того, чтобы совершить подвиг... он и вся его семья будут наказаны.

Всякий, кто окажется в другом отряде [на марше] без уважительной причины, будет лишен коня и оружия.

Все войска на марше должны держаться главных дорог.

Когда войска находятся на марше, все флаги, ружья, луки и копья следует нести в соответствии с правилами.

Длинные копья не следует нести с собой, кроме как в строю».

Далее следуют предписания против выпаса коней,

грабежей, поджогов, а также относительно размещения обоза. Приказы завершаются словами:

«Да будут все боги Японии, большие и малые, наблюдать за нами! Да поразят они без жалости всякого, кто нарушит эти приказы! Да будет так.

Иэясу».

Гамо Удзисато сыграл свою роль в наказании нарушителей. Инспектируя бывших под его началом самураев, он заметил одного, который был не на своем месте. Самурай получил строгий выговор и приказ встать в строй. Некоторое время спустя Гамо вновь обнаружил, что самурай стоит не на своем месте, и тогда без лишних слов вынул меч и снес ему голову. После этого проблем с дисциплиной больше не было.

Сражаться пришлось совсем немного. Люди Иэясу заняли несколько пограничных фортов, но когда остальная армия прибыла к Одавара, они просто сели и стали ждать, когда голод заставит Ходзё сдаться. Обстановка была столь мирной, что вокруг замка вырос временный городок, где самураи развлекали своих жен, играли в го, устраивали чайные церемонии и выращивали овощи. Ходзё также старались веселиться, как могли, в своем хорошо обеспеченном припасами замке, где сакэ было не меньше, чем пороха. Единственный настоящий приступ за долгих четыре месяца осады был предпринят войском Токугава. Иэясу привез нескольких саперов из Каи, которые подкопались под один из участков стены, так что во время неожиданного штурма кладка развалилась. «Красные Дьяволы» Ии бросились в брешь, и завязалась жестокая схватка. Подобные действия, однако, предпринимались большей частью для того, чтобы развеять скуку.

Один наблюдатель отмечает, что:

«союзники больше не предпринимали попыток пойти на приступ, но проводили время в пирах. Танцовщицы, музыканты и актеры привозились в разные лагеря, дни проходили в веселье. Это больше напоминало гигантский пикник, нежели войско, намеренное сражаться».

Ходзё наконец покорились, а Удзимаса покончил с собой. С другими членами семьи обошлись столь же милостиво, как с Симадзу, но они не сохранили за собой свои провинции. Пророческим жестом Хидзёси подарил Иэасу провинцию Канто и предложил место, где могла бы быть основана столица – не Одавара, но одну рыбацкую деревушку около Камакура, под названием Эдо. Иэасу согласился и распределил земли вокруг этого небольшого городка между членами клана Токугава. О том, насколько успешным было это его начинание, можно судить по тому факту, что Эдо в настоящее время именуется Токио.

Единственным даймё, который еще не покорился, был Датэ Масамунэ на крайнем севере Хонсю. Клан Датэ, хотя и жил в отдалении, был хорошо знаком со всеми военными новшествами, о чем можно судить по их вооружению. Датэ Масамунэ был яркой личностью; его прозвали «Одноглазым Драконом», поскольку он потерял в бою один глаз. Когда он был ранен, глаз повис на его щеке. Он впоследствии отрезал его, чтобы враг не мог ухватиться за него во время сражения.

Датэ прибыл, чтобы выразить свое повиновение Хидзёси после, или, возможно, во время кампании против Одавара. Союз с ним довершил полновластие Хидзёси. Впервые после войны Онин, покорившись мечу сына дровосека, Япония стала единой нацией. К великому сожалению Хидзёси, он так никогда и не стал сёгуном, поскольку не был одним из Минамото; он носил титул кампаки, т.е. «регента». Его всегда смущало отсутствие хорошей родословной: можно предположить, что изысканный узор, мон, на его доспехах выражает его одержимость

ПОИСКОМ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

Глава X

Корейская война Хидэёси

Теперь, когда Тоётоми Хидэёси сделался владыкой Японии, для него открылся путь к осуществлению его заветной мечты – завоеванию Китая. Этот грандиозный замысел был не плодом внезапной одержимости, а идеей, которую он вынашивал много лет. Еще в 1578 г. он поделился своими размышлениями с Ода Нобунага, перед тем как отправиться воевать для него с кланом Мори. В своей необыкновенной речи, если учесть, что он тогда был всего лишь одним, пусть даже самым способным, из командиров Нобунага, он зашел гораздо дальше порученной ему миссии: он мечтал о покорении Кюсю, дальнейших завоеваниях за морем, вплоть до того, что при помощи усмирненной и дружественной Кореи он вознамерился покорить и самый Китай. «Я сделаю это, – сказал он Нобунага, – с той же легкостью, как свертывают циновку и уносят ее под мышкой».

К 1586 г. его планы стали приобретать определенную форму, и он настолько уверился в их реальности, что обратился к двум отцам иезуитам с просьбой помочь ему достать два португальских корабля, вооруженных, с укомплектованной командой, чтобы использовать их при вторжении. Не желая участвовать в экспедиции, которая могла бы нанести вред их миссии, иезуиты ему отказали.

В растущем интересе Хидэёси к этому проекту есть своя забавная сторона, ибо пять лет спустя, во время осады Одавара, он как-то раз отвлекся от блокады Ходзё и посетил святилище Хатимана Цуругаока около Камакура. Это было святилище божества, считавшегося покровителем клана Минамото, и последнее пристанище Минамото Ёритомо, который умер в 1199 г. Хидэёси подошел к статуе великого сёгуна и, похлопав ее по спине, обратился к изображению своего славного предшественника с такими словами:

«Ты обрел всевластие под небесами, ты и я – единственные, кто смог это сделать. Но ты производишь из благородного рода, а я вышел из крестьян. Но что до меня, как только я завоюю всю империю, я намереваюсь покорить Китай. Что ты об этом думаешь?»

У Хидэёси была еще одна причина для похода на Китай, ибо в Японии, теперь объединенной, было около полумиллиона безработных самураев. Как еще Хидэёси мог удержать столь быстро обретенную власть? Не имея возможности куда-либо направить свою энергию, его суровые подданные едва ли стали бы сидеть тихо, и Хидэёси это предвидел. Использовать эту энергию в заморской войне было наиболее многообещающим решением, и такая мысль играла в рассуждениях Хидэёси, вероятно, не меньшую роль, чем грандиозный замысел посадить императора Японии на Драконий трон Китая.

Между Японией и Китаем лежит Корея, гордая независимая страна, объединившаяся в 1392 г. Она все еще была китайским протекторатом, но тем не менее считала себя равной Японии. Отношения между Кореей и Японией долгие годы оставались довольно прохладными, главным образом из – за набегов японских пиратов. В 1587 г. Хидэёси попытался возобновить обмен посольствами, понимая, что для исполнения его замысла Корея должна либо вступить в союз с Японией, либо быть завоеванной. Первый японский посол, посланный Хидэёси в Корею, вернулся, так и не увидев корейского правителя, и Хидэёси велел его обезглавить «для воодушевления прочих». Это должным образом стимулировало членов следующего посольства, и из Кореи пришел ответ, что правитель соблаговолит принять послов при условии, что они привезут ему нескольких японских пиратов для наказания. Изловили и послали трех пиратов, и, наконец, японские послы были приглашены во дворец в августе 1589 г. и преподнесли корейскому вану павлина и

несколько фитильных мушкетов. Примечательно, что это были первые ружья, попавшие в Корею, и эта простая демонстрация превосходства японской военной технологии давала понять, что любой конфликт с Японией – дело опасное.

В апреле 1590 г. японцы возвратились с тремя корейскими послами и письмом от правителя. Хидэёси принял их и через некоторое время дал ответ в высокопарном стиле, более чем ясно выражавший его намерения.

«... расправив крылья, как дракон, я покорил Восток, устранил Запад, покарал Юг и сокрушил Север. Быстрый и грандиозный успех сопровождал мое возвышение, подобно восходящему солнцу осветившее всю землю.

... я соберу могучую армию и вторгнусь в Великую Мин. Холод моих мечей заполнит все небо над четырьмястами провинциями. Если я приступлю к исполнению этого замысла, то надеюсь, что Корея станет моим авангардом. Пусть она преуспеет в этом, ибо моя дружба с вашей почтенной страной целиком зависит от того, как вы себя поведете, когда я поведу свою армию против Китая».

По тону этого письма и из наблюдений, сделанных за время их визита в Японию, корейские послы пришли к выводу, что война между двумя странами неизбежна, поскольку корейцы не собирались сидеть сложа руки, в то время как японские армии будут маршировать через их страну на Китай. Им не дадут прохода, если только они не прорубят его мечом. Корейские послы, питавшие к Хидэёси такое же презрение, как и он к ним, добавили, что идея завоевания Китая столь же абсурдна, как старания пчелы ужалить черепаху сквозь панцирь.

Такой ответ привел Хидэёси в ярость, и слухи о его намерениях вскоре дошли до Пекина, откуда направили

посланцев в Корею, чтобы выяснить подробности. Корея могла только подтвердить их наихудшие подозрения и предупредить Китай о нависшей опасности.

Если нападение на Китай можно уподобить пчеле, досаждающей черепахе, то завоевание Кореи следовало бы сравнить с собакой, дерущейся с зайцем, к тому же слепым, хромым и глупым. Несмотря на решительность ее дипломатов, ни одна страна не была хуже подготовлена для противостояния военной мощи Японии, чем Корея в 1594 г. Это было общество, состоящее только из двух классов – аристократии и рабов. Первые вели жизнь, во многом подобную изнеженному существованию знати эпохи Хэйан, только без самураев, способных защитить их от агрессоров, поскольку последние их почти не беспокоили. Двор был заражен завистью, политическое соперничество приобрело столь дикие и безжалостные формы, что по сравнению с корейской знатью даже деспоты Фудзивара показались бы афинскими демократами. Крестьяне, которые составляли ряды корейской армии, были не более чем толпой, чьи понятия о патриотизме обычно сводились к уплате определенной суммы денег, избавлявшей их от военной службы. Все, кто мог откупиться, так и поступали, так что защита страны ложилась на плечи беднейших из бедных. По своему вооружению корейская армия значительно уступала японской. Особенно жалко выглядели в сравнении с японскими их мечи – короткие обоюдоострые колющие клинки. Использовались также лук и стрелы, несколько разновидностей прямых и изогнутых копий, а также любопытный корейский цеп. Это было что-то типа палицы с длинным древком и соединенным с ним на цепочке из трех звеньев билом, усеянным шипами – оружие корейской кавалерии, в эффективность которого корейцы очень верили. Об отсутствии аркебузов мы уже говорили, при том что пушки у корейцев имелись, но они даже не попытались скопировать те образцы, которые привезли японские послы.

В качестве доспехов офицеры и кавалерия носили

длинные кафтаны, укрепленные кожей и металлическими заклепками, которые надевались поверх кольчуги, и простой кожаный или железный шлем. Большинство простых пехотинцев имели еще более примитивное вооружение, а доспехов у них вообще не было. И эта нация, без того уже изнуренная нищетой и злоупотреблениями правителей, должна была противостоять военной мощи страны, профессиональная армия которой могла бы сравниться с любой армией Европы.

Два фактора, однако, были в пользу корейцев. Прежде всего – их родная земля. Корея имеет гористый неровный ландшафт со множеством скрытых ущелий и долин. Зимы там бывают суровые, и, принимая во внимание эти обстоятельства, становится ясно, что Корея представляет идеальное место для партизанской войны. Это как раз то, с чем японцам никогда не приходилось сталкиваться, поскольку они никогда не воевали в чужой стране. Японские гражданские войны превращались в столкновения между соперничавшими даймё и очень мало затрагивали простого крестьянина, поскольку для него они кончались лишь заменой одного угнетателя другим. В таких условиях никакого движения сопротивления и не могло возникнуть. В Корее же, где боль была бы столь остро ощутима, а агрессор столь очевиден, он повсюду встретил бы враждебность, и за каждым углом его ждал бы кинжал.

Другим преимуществом Кореи было то элементарное обстоятельство, что при враждебном отношении населения к агрессорам японцы нашли бы там только выжженные поля и враждебные лица, и каждую пулю, каждую унцию пороха и каждое зернышко риса пришлось бы везти через открытое море. И хотя корейская армия, плохо вооруженная и лишенная толкового руководства, едва держалась на ногах, корейский флот представлял реальную угрозу для Японии, ибо хорошо оснащенный флот мог так же легко перерезать японские коммуникации, как меч самурая перерубал корейское копьё.

С полным пренебрежением к последней опасности были начаты приготовления к вторжению. Осенью 1591 г. на северо-западном побережье Кюсю, в Нагоя (совр. Карацу), была создана база, где были собраны самураи, пехотинцы, кони, корабли и все остальное, необходимое для ведения войны. Хидэёси разработал план до мельчайших деталей. Он все организовал, но не финансировал почти ничего, переложив все расходы и вербовку солдат на даймё. Самое тяжелое бремя легло на даймё Кюсю, которые, исходя из общей оценки их имущества, должны были выставить по 600 воинов на каждые 10 000 коку своего годового дохода. Другие даймё на Сикоку и Хонсю поставляли меньшее количество, пропорционально удаленности их владений от Кюсю. Даймё, чьи владения выходили на побережье, должны были также обеспечить по две джонки на каждые 100 000 коку; экипажи для них набирались из рыбацких деревень из расчета по десять моряков с каждой сотни домов.

Стратегический замысел Хидэёси был не менее грандиозен. Армия вторжения состояла из двух эшелонов. Первый удар должны были нанести семь дивизий, сконцентрированных на острове Цусима; их задачей было усмирить Корею и захватить ее. Затем должны были высадиться три резервных дивизии, соединиться с первой армией и при поддержке дружественной теперь, как они надеялись, корейской армии начать наступление на Китай. Следующая таблица показывает, как была организована каждая дивизия, состоявшая из войск нескольких даймё, один из которых был главнокомандующим.

Эти цифры говорят о грандиозных масштабах операции, запланированной Хидэёси. Однако, несмотря на эти внушительные цифры, сама человеческая природа создавала определенные трудности. Поскольку Хидэёси не собирался лично сопровождать первую армию, у нее не оказалось реального главнокомандующего, а старая самурайская традиция личного подвига была еще жива. Поэтому отношения между дивизиями были далеко не

добрососедскими – особенно это касается первых двух дивизий, которые должны были стать авангардом армии вторжения. Каждой из них командовал, конечно, хороший солдат; непонятно только, как Хидэёси, с его дотошным вниманием к мельчайшим деталям, смог подобрать такой несовместимый дуэт для осуществления замысла, для которого прежде всего было необходимо постоянное взаимодействие и хорошее взаимопонимание. Командиром первой дивизии был Кониси Юкинага, христианин, который ненавидел буддистов, а вторая дивизия была под началом Като Киёмаса, буддиста, ненавидевшего христиан. Поскольку их антагонизм оказался решающим фактором в этой кампании, стоит сказать о них несколько слов.

Оба они, как и Хидэёси, вышли из низов. Кониси был сыном аптекаря из Сакаи, впервые он привлек внимание Хидэёси своим искусством сервировать чайный столик – достоинство, которое немедленно возвысило его в глазах последнего. В деле войны он был не менее одарен и быстро продвинулся до должности командира первой дивизии в возрасте всего двадцати трех лет. После экспедиции на Кюсю ему была дана в ленное владение половина провинции Хиго. Он был крещен в 1583 г. иезуитскими миссионерами и получил имя дон Антонио. Кониси оставался верующим христианином до самой смерти. В иезуитских источниках его образ «самурая без страха и упрека» должным образом приукрашен, хотя в целом он, вероятно, соответствовал ему и в жизни. Хидэёси подарил ему на прощание коня, сказав: «Топчи им бородатых дикарей!» Като Киёмаса, командующий второй дивизией, был совсем другим человеком. В противовес католицизму Кониси он был последователем Нитирэна, страстного буддийского проповедника, который воодушевлял японцев на борьбу с монголами и основал единственную фанатичную буддийскую секту. Киёмаса придавал большое значение своей вере, вплоть до того, что начертал на своем штандарте большими красными буквами: «Наму мёхо рэнгэ кё» (Слава Лотосу Божественного Закона) –

молитву и девиз своей секты. Киёмаса, сын кузнеца, родился в 1562 г., и хотя он был всего на семь лет старше Кониси Юкинага, его послужной список под началом Хидэёси был гораздо длиннее. В награду за его заслуги на Кюсю Хидэёси дал ему другую половину провинции Хиго, сделав ближайшим соседом Кониси. Киёмаса любил носить богато украшенные шлемы с высокими наверху на деревянном каркасе, щеголял бакенбардами, утверждая, что с ними тугие завязки шлема становятся более удобными. При всем его эксцентризме он был предельно жесток и превратился в яростного гонителя христиан.

Как ни странно, большая часть дивизии Юкинага состояла из воинов – христиан; единственным исключением был клан Мацуура с острова Хирадо. Такой же была и третья дивизия, два командира которых получили при крещении имена Дамиан и Константин. Первый из них – Курода Нагамаса, еще один молодой вождь двадцати четырех лет, сын знаменитого полководца. С того дня, как он был поручен заботам Хидэёси, он вел жизнь самурая. Его войска было легко распознать по черному кругу на знаменах – типичный пример японской геральдической шарады, поскольку куро-да означает «черное поле».

Состав четвертой дивизии говорит о том, как прочно Хидэёси укрепился на юге Кюсю, поскольку им командовал его бывший враг Симадзу Ёсихиро, который сделал все возможное в его нынешних стесненных обстоятельствах. Следующий документ представляет собой опись войска Симадзу, иллюстрирующую не только их доверие к огнестрельному оружию, но и неизменную природу военной бюрократии:

«Военная служба Симадзу-доно в корейской экспедиции: 15 000 человек – Мата-итиро-доно 300 знамен; 5 ручных копий (тэ-яри) – Ёсихиса 300 копий, из которых 200 длинные копьё (нагаэ-яри) и 200 ручных копий – Ёсихиро.

Помимо этого, люди должны по мере возможности поставить ручные копья... В свите или перед лагерем не пристало иметь только длинные копья.

1 500 ружей, 1 500 человек с луками 600 человек с малыми знаменами (сасимоно): эти должны быть в доспехах.

Только отборные воины должны быть верхом; однако все, кто не может идти, тоже должны быть верхом. Посему количество верховых не определено. Всадники также должны иметь шлем и доспехи.

Эти предписания следует выполнять с усердием».

Мата-итиро-доно – это старший сын Ёсихиро по имени Хисаясу, который был убит в Корее в 1593 г. Ёсихиса – тот самый, который сражался против Хидэёси на Кюсю. Среди командиров других дивизий также находим немало славных имен. Кобаякава Такакагэ (четвертая дивизия) – победитель при Миядзима (1555), который, несмотря на свои шестьдесят лет, не утратил воинственности. Киккава Хироиэ и Мори Тэрумото (седьмая дивизия) были его племянниками; последний построил замок Хиросима в 1591 г.

Очевидно, что состав первых семи дивизий не подтверждает высказанного некоторыми исследователями предположения, что Хидэёси отправил в Корею самых своих опасных соперников попросту для того, чтобы их там убили. Вторжением должны были командовать его самые лучшие и самые преданные командиры, люди, своим положением и богатством целиком обязанные Хидэёси. Если бы он пытался ослабить своих вероятных противников, он позаботился бы, чтобы такие люди, как Датэ Масамунэ и Токугава Иэясу, первыми ступили на вражескую землю. На самом же деле тем, чьи владения были дальше от Кюсю, было легче всего отказаться от участия в экспедиции. Они ограничились пополнением гарнизона в Нагоя, который насчитывал 100 000

человек.

Таким образом, в 1592 г. Тоётоми Хидэёси оказался в состоянии выставить армию в 300 000 человек, полностью вооруженных и всем обеспеченных. В сравнении с ними флот, который должен был их перевозить и сопровождать, являл собой печальное зрелище. Мы уже обратили внимание на то, каким образом Хидэёси реквизирует корабли. В результате на континент был послан скороспелый и совершенно неподготовленный флот. Попытка купить два португальских корабля не удалась, а корабли, присланные в ответ на его требования, представляли собой очень странное зрелище. Большинство из них имели один квадратный парус и весла в дополнение к нему, поскольку не могли лавировать. Хидэёси не был моряком и наивно предполагал, что у него получится превосходный флот, если он соберет побольше военных кораблей и погрузит на них побольше солдат. Он к тому же сам подорвал свой морской потенциал в 1587 г., когда расправился с пиратами, что повлекло за собой мгновенный упадок единственной организованной морской силы в Японии.

Собрался огромный и неуклюжий флот, укомплектованный лучшими и благороднейшими самураями в стране. За ним плелись джонки, груженные сакэ, солониной, сушеной рыбой, соевыми бобами, стрелами, мушкетными пулями, военными веерами и прочими бесчисленными военными припасами. Ничего не забыли:

Провизия для этих людей (12 433) на пять месяцев, 10522,9 коку, включая припасы для матросов и их начальников.

272 коня. Провизии для них 816 коку бобов на пять месяцев, из расчета по одной пятидесятой коку в день (на каждого коня).

Риса и бобов вместе, 11438,9 коку.

На то, чтобы собрать эту армаду, ушло семь или восемь месяцев. Теперь они ждали приказа, чтобы двинуться против презренного, но пока еще неизвестного врага.

Между тем соперничество между Кониси Юкинага и Като Киёмаса становилось все более жестким. Как мы знаем из предыдущих глав, считалось великой честью первым вступить в сражение, поэтому каждый из двух командиров страстно желал, чтобы именно его дивизия первой высадилась на корейской земле. Раннее утро 24 мая было туманным, и Кониси воспользовался случаем, чтобы избежать и встречи с корейским флотом и в то же время оторваться от Като Киёмаса. Вскоре часовые на южном берегу Кореи заметили транспорты, которые перевозили первую дивизию. К ночи дивизия высадилась, а Като Киёмаса тем временем призывал на помощь буддийских богов, чтобы те наполнили его паруса ветром или, вернее, проклинал своего соперника-католика, который самовольно реквизирует большую часть транспортных судов. Это неожиданное начало вторжения вполне могло закончиться катастрофой, будь на месте корейцев любой другой противник, поскольку Кониси покинул остров Цусима преждевременно, а японская армада все еще продолжала формироваться в Нагоя. Небольшая корейская флотилия могла бы спутать им все карты, однако ни один корейский корабль так и не потревожил ни Кониси, ни Като Киёмаса, который прибыл четыре дня спустя, весьма раздосадованный тем, что его более молодой соперник его обогнал.

Прежде чем описывать кампанию на суше, имеет смысл рассмотреть характер той задачи, с которой пришлось столкнуться японцам. Корея представляет собой полуостров, который протянулся с севера на юг, с востока его омывает Японское море, а с запада – Желтое море. Расстояние от порта Пусан, самой близкой к Японии точки полуострова, до китайской границы – около 550 миль. Сеул, в 1592 г. столица всей Кореи, лежит примерно на середине пути в Китай, так что японцам, прежде чем они достигли бы своей главной цели, предстояло пройти через всю Корею, что дивизия Кониси и стала осуществлять с поразительной скоростью.

Пусан пал первым после короткого, но мужественного

сопротивления, оказанного его губернатором, затем была взята Тоннэ, крепость в нескольких милях к северу от Пусана. Кониси Юкинага принимал активное участие в битвах, а во время штурма Тоннэ он первым взобрался на стену по приставной бамбуковой лестнице. Затем он вывел свою армию на самую прямую, по его расчетам, дорогу на север.

Другие дивизии тоже не сидели без дела. Буддийская бригада Като Киёмаса высадилась около Пусана 28 мая и, брезгуя идти по следам побед соперника, отправилась на север по другой дороге, протянувшейся к востоку от той, которую выбрал Кониси. Еще одна христианская дивизия, третья, под командованием Курода Нагамаса, также не желая ни с кем делить славу, выбрала третью дорогу к северо-востоку от линии наступления других частей. Таким образом, три японских дивизии порознь торили путь к северу Кореи, и гонка, целью которой была столица, началась.

Кониси и Като на короткое время соединили свои силы 5 июня при Мунгёне, и их объединенная армия направилась к проходу Чорюн, потенциальной ловушке для любой вторгшейся армии. Однако, по причине чудовищной бездарности корейского командования, проход никто не защищал, и японцы бодро прошли через него. Корейские полководцы почему-то решили встретить японцев на плоской равнине за проходом, где, как они рассчитывали, корейская кавалерия обрушится на захватчиков со своими цепами. Японцам была предоставлена полная возможность для маневра на поле боя, выбранном корейцами: с одной стороны оно было ограничено рекой Тамгуемда, а с других трех сторон – горами, образуя обширный амфитеатр, выйти из которого можно было только по узким проходам с каждой из сторон. Японцы постепенно поднялись к подножью гор, а затем по команде открыли плотный огонь из фитильных мушкетов. За этим последовала сокрушительная атака, которая заставила корейцев отойти к берегу реки. Вскоре та армия, большую часть которой составлял единственный гарнизон между Пусаном и Сеулом, который еще не бежал

или не был разбит, лежала мертвая на берегу, а ее остатки спасались бегством через горный проход на севере.

Дорога за полем битвы расходилась, и две дивизии вновь расстались. Като отклонился к западу, надеясь таким образом выйти к Сеулу раньше Кониси, который продолжал следовать прежним маршрутом. 12 июня Като уже казалось, что ему это удалось, когда его дивизия форсированным маршем вышла к южному берегу реки Ханган, которая образует естественный ров перед Сеулом. Город казался брошенным, и, перейдя реку, Като понял причину царившей в нем тишины. Кониси все-таки прибыл в Сеул на четыре часа раньше! Оба они, вероятно, были еще больше расстроены, когда узнали, что если бы действовали сообща и прибыли на четыре дня раньше, они захватили бы правителя Кореи со всеми его сокровищами.

16 июня к ним присоединились Курода Нагамаса и Укита Хидэиэ с восьмой дивизией; последнего Хидэёси послал со своим войском, чтобы тот взял на себя функции главнокомандующего, как только падет Сеул. Дивизии прибывали одна за другой, и Укита приступил к выполнению указов Хидэёси, касавшихся приведения страны к повиновению. Эти приказы разграничивали сферу влияния командиров каждой из японских дивизий. Кониси и Като следовало раздельно продолжать продвижение на север, первому – по прежнему маршруту вплоть до китайской границы, там, где она проходит по реке Ялу (Амноккан), второму – к северо-востоку, где Корея граничит с Маньчжурией. Остальные дивизии должны были разойтись из Сеула в разные стороны, а войска Укита остаться в столице в качестве гарнизона. Продвижение Укита, по странной случайности, не обошлось без происшествий, ибо по пути из Пусана его армия была изрядно потрепана одним корейским полководцем, который, однако, сам вскоре пал жертвой завистливого соперника. Соперник обвинил своего коллегу в предательстве и доложил обо всем вану. Таковы уж были перипетии корейской политики, что командир, который с

самого начала войны впервые что-то смог сделать для своей страны, предстал перед палачом, и тот выполнил свою «жизненно важную функцию» прежде, чем герой сумел доказать свою невиновность.

Когда Хидээси получил известие о падении Сеула, радость его не знала границ. И действительно, за столь короткое время это был невероятный успех. За девятнадцать дней дивизия Кониси участвовала в трех битвах и нескольких стычках и в составе 18 700 человек прошла 250 миль. Дивизия Като сражалась меньше и добралась до Сеула за 15 дней, продвигаясь со средней скоростью шестнадцать миль в день. Скорость этого наступления позволила Хидээси надеяться, что и оставшаяся часть кампании даст такие же результаты, и в июле он написал своему племяннику Хидэцугу, рассказав ему о падении корейской столицы и дав несколько весьма любопытных советов из области создания империй:

«Ваше высочество должны быть готовы отправиться на войну. Вы должны выехать в первом или во втором месяце следующего года. Корейская столица пала за два дня. Посему вы должны не мешкая пересечь море. Я намереваюсь теперь повелевать страной Великой Мин. [Вы можете] переправиться на корабле из Хёго. ... Вы, скорее всего, не встретите сопротивления в Трех Областях, но, ради своей репутации, должны внимательно следить за состоянием вашего оружия и снаряжения. И вам следует строго внушить это подчиненным всех рангов.

Не надо трогать рис в замке Киото. Я уже отложил тридцать тысяч коку для армии, но если этого мало, вы можете позаимствовать из запасов Тайко.

Следует поставить тысячу мечей в ножнах, оправленных в металл, и короткие мечи. Если они будут слишком большими, они будут неудобны в столь долгом путешествии, поэтому

мечи пусть будут весом в семь рё [около 500 г.], а короткие мечи – около трех рё.

Вам лучше будет взять тридцать алебард, укрепленных металлом, и двадцать таких же копий. Больше брать ни к чему. Древки длинных копий должны быть укреплены металлом. Не берите ножен, отделанных мехом. Поскольку в Осака есть выдержанные дубовые древки, вы можете взять из них сколько вам надо. Вам достаточно будет шести комплектов доспехов, брать больше не обязательно.

Когда Его Величество Микадо соизволит отправиться в Китай, его императорское путешествие будет обставлено со всей церемонией. Завоевание Кореи и Китая не займет много времени».

27 июня, после заслуженного отдыха, первая дивизия под командованием Кониси Юкинага выступила из Сеула на север. Поскольку естественная преграда, которую представляла река Ханган, была прорвана, когда японцы вошли в Сеул, корейцы отошли к северному берегу реки Имчжинган, которая впадает в Желтое море рядом с современной границей между Северной и Южной Кореей. Здесь они решили занять оборону, и позиция, которую они выбрали, была с этой точки зрения очень выгодной. Дорога на север вела к Имчжингану через узкий проход между высоких утесов, а северный берег реки представляет широкую полосу песка, где и выстроилась корейская армия, так что ее лучники простреливали единственную переправу через эту быструю реку. Для двух японских командиров это могло стать непреодолимым препятствием. Като подошел через несколько дней, и в течение десяти дней японцы сидели и ждали. Если бы корейцам удалось задержать японцев у Имчжингана, последующие события развивались бы совсем иначе. Но причиной катастрофы стала, скорее, неспособность корейцев управлять собственной армией, нежели отсутствие

возможности контролировать действия противника. Кониси и Като применили старейшую в мире уловку: корейцы увидели, как на противоположном берегу японцы поджигают свой лагерь и направляются на юг. Среди корейского командования, конечно же, нашлись горячие головы, готовые преследовать отступающего врага, а поскольку сила была на их стороне, в ответ на более разумные советы следовал приказ: «отрубить ему голову». Не стоит и говорить о том, что корейское войско, как только переправилось через реку, попало в засаду и было уничтожено на виду у тех, кто стоял на северном берегу. Не все еще было потеряно, ведь японцы еще не захватили переправу, но корейские командиры весьма галантно пришли на помощь захватчикам, приказав начать общее отступление, и показали пример соотечественникам, убежав одними из первых.

Переправившись через Имчжинган, две японские дивизии вновь разделились. Как мы говорили выше, перед Като Киёмаса стояла менее славная задача: покорить северо-восток полуострова, чтобы предотвратить атаку корейцев с фланга на линию коммуникаций Кониси, протянувшуюся от Сеула до реки Ялу. Като предстояла трудная кампания среди снежных заносов северной Кореи, которая заняла его на всю зиму 1592–93 гг. Больших сражений не было, только многочисленные стычки и осады, во время которых Като захватил нескольких важных заложников, включая двух корейских принцев и девушку, считавшуюся первой красавицей во всей Корее. Преследуя врага, японцы забредали в дикие и пустынные районы, в непроходимые горы, где они сталкивались не только с врагом, но и с тигром, потревоженным в его логове. Им часто приходилось становиться лагерем в местах, где дикие звери нападали на часовых и на спящих солдат. Охота на тигров стала популярным отдыхом от бесконечной погони за корейцами, и сам Като Киёмаса убил тигра копьём после отчаянной схватки – сюжет многих японских картин и ксилографий.

Теперь последуем за Кониси Юкинага по дороге на Пекин. Между ним и китайской границей осталась только одна крепость – город Пхеньян (ныне столица Северной Кореи), хорошо укрепленный и, как и Сеул, окруженный другой рекой – Тэдонган. Кониси добрался туда 15 июля, и перед ним вновь встала проблема переправы через быструю реку с неизвестными бродами. Поскольку нельзя было надеяться, что корейцы вновь повторят свой «маневр» при Имчжингане, Кониси испытал последнее средство, известное всякому отчаявшемуся полководцу: он отправил через реку послание с предложением начать мирные переговоры. Последующая встреча состоялась на лодках, вставших на якорь посредине реки, но, поскольку японцы требовали открыть им дорогу на Китай, переговоры ни к чему не привели, и Кониси вернулся на берег в ожидании дальнейших событий. От ожидания японцы расслабились и потеряли бдительность. Корейцы заметили это и приготовились неожиданно атаковать их ночью. Но летние ночи коротки, а корейская армия была столь плохо организована, что к тому времени, когда отдельные ее части переправились и атаковали лагерь Кониси, уже занимался рассвет. Дивизия Курода, которая незадолго до этого присоединилась к своим товарищам, провела грамотную контратаку, прижав корейцев к реке и погнав их назад через броды, что, на радость японцам, раскрыло местоположение последних. После завтрака вся армия бросилась в погоню, и к полудню Пхеньян был у них в руках, со всеми своими складами, оружием и провизией. Последняя корейская крепость пала, и незащищенная китайская граница лежала всего в восьмидесяти милях. Но ни одному самураю из тех, кто стоял в тот день на стенах Пхеньяна, не суждено было ее пересечь, и Пхеньян стал последним форпостом скороспелой империи.

Венец всех их завоеваний был все-таки вырван из рук японцев. «Блицкриг» последних двух месяцев шел по плану, настала очередь для второй фазы операции. Как мы помним, в первоначальном плане Хидэёси было учтено, что тех семи

дивизий, которые пробили себе путь через всю Корею за шесть или семь недель, будет недостаточно для покорения Китая. Это была задача для 52 000 войск резерва, которые теперь следовало перебросить морем вдоль западного берега Кореи, чтобы они соединились с Кониси у Пхеньяна. То, что это второе войско так и не прибыло и вторжение в Китай, соответственно, так и не состоялось, произошло благодаря храбрости одного корейца, адмирала по имени Ли Сунсин. Мы уже говорили о военном потенциале корейского флота. Отметим мы и то, что семь японских дивизий смогли высадиться в Пусане, не встретив ни единого корейского корабля. Произошло это отчасти потому, что корейцев застали врасплох, но в немалой мере также и по вине адмирала, ответственного за охрану провинции Кёнсандо, где находится Пусан, некоего Вон-Гюна. Пьяница Вон-Гюн являл собой наихудший образец корейского аристократа. Завидев японскую армаду, он заколебался, какое из двух решений принять – при том, что оба они были весьма характерными для него и оба роковыми. Первой его мыслью было затопить весь флот, второй – просто бежать. К счастью для последующей истории Кореи, он выбрал второй путь и стал спешно просить помощи у адмирала соседней провинции Чолладо, Ли Сунсина. Адмирал Ли был сделан совсем из другого теста, нежели Вон-Гюн. Он родился в 1545 г., в том же году, что и его современник, столь на него похожий – сэр Фрэнсис Дрейк. Встреча с незадачливым Вон-Гюном произошла 7 июня, в то время как японцы наперегонки прорывались к Сеулу. Адмирал Ли понимал, что нужно его стране, и вышел в море, чтобы дать японцам в первый раз вкусить горечь поражения.

Когда Хидэёси решил послать экспедицию в Корею, он готовил ее с большим размахом, со вниманием ко всем деталям, и эти приготовления, насколько подсказывал ему его военный опыт, полностью соответствовали стоявшей перед ним задаче. Однако за все годы прежних кампаний ему не доводилось перебрасывать армии через враждебное море, да и

вообще через море, если не считать узких проливов, которые отделяют один японский остров от другого. Все его морское предприятие держалось на горстке энтузиастов – даймё, в роду которых имелись кое-какие пиратские корни – особенно следует отметить братьев Курусима: Митифуса и Митиюки, а также Куки Ёситака, который участвовал на стороне Нобунага в морских битвах против Мори и командовал объединенным флотом Хидзёси во время кампаний на Кюсю и при Одавара. Его соратники тоже прибыли в Корею. То были Вакидзака Ясухару и Като Ёсиаки (не родственник Киёмаса). Но у них не было опыта хождения в открытом море, да и корабли их не были для этого приспособлены, поскольку практика японского пиратства чаще всего сводилась к набегам на прибрежные города. Кроме того, большая часть действующего японского флота состояла тогда из транспортных судов, как по назначению, так и по конструкции, а военный корабль в представлении японцев был не более чем плавучей платформой для самураев.

Но достаточно о японцах. Корейские суда, в противоположность японским, были настоящими военными кораблями, большими, быстрыми и, если верить корейским историкам, опередившими свое время лет на триста. Ибо целый ряд авторитетных исследователей упорно утверждают, что адмирал Ли командовал по крайней мере одним, а возможно, и несколькими броненосцами! То были так называемые «корабли-черепахи», гордость корейского флота. То, что такой необычный корабль, или корабли, существовали, нет сомнения; не совсем ясно только, был ли это единственный флагман или тип военного корабля. Последнее более вероятно, поскольку единственный корабль, даже такой необычной конструкции, едва ли мог действовать достаточно эффективно. Поэтому мы можем предположить, что у корейцев было несколько таких кораблей-черепах, имевших, как следует из их названия, форму черепашого панциря. По сохранившимся описаниям можно восстановить внешний вид подобного судна. Оно было около 30 метров в

длину и 10 метров в ширину, приводилось в движение посредством паруса и весел. На носу оно имело резную драконью голову, а панцирь черепахи представлял собой округлую дощатую крышу, полностью закрывавшую палубу, что затрудняло действие вражеской абордажной команды, а также давало защиту пушкарям, чьи пушки выглядывали из портов по обоим бортам судна. Мы уже говорили, что корейцам не было знакомо огнестрельное оружие того типа, который использовали японцы, т.е. аркебузы. Но порох они прекрасно знали, а корейская огневая мощь существовала в форме пушек. Пушки, которыми оснащались корабли-черепахи, были около метра длиной, стреляли они картечью или дротиками с железными наконечниками. По вражеским кораблям могли также выпускать горящие стрелы, а бомбы, подобные тем, которые использовались монголами при вторжении в Японию, по-видимому, метались из катапульт. Учитывая, что на каждом корабле имелось до сорока и более пушек, они действительно были хорошо вооружены, однако более всего корабли-черепахи примечательны своей броней. Когда корабль вступал в бой, мачта убиралась под палубу; после обстрела противника флот, очевидно, шел на сближение и пытался взять его на абордаж. Для защиты от вражеских абордажных команд «панцирь» был усеян железными шипами, спрятанными под пучками соломы. Некоторые описания идут еще дальше, утверждая, что «панцирь» был обшит железными листами. Это трудно проверить, но, вне зависимости от наличия железных пластин, корабль-черепаха превосходил все, что имелось тогда у японцев, так же, как и боевая тактика адмирала Ли превосходила японскую. Эта тактика включала использование дымовой завесы – сернистый дым, который «подобно туману» извергался из пасти драконьей головы, и построение в кильватерную колонну. Когда корейский флот приближался к противнику, левое крыло ложилось в бейдевинд, позволяя правому выдвинуться вперед: таким образом построение, что перед этим походило на обращенную

назад широкую стрелу, превращалось в кильватерную колонну. Аналогичную тактику Дрейк использовал против другой армады четырьмя годами раньше. Ли извлекал пользу также из своего знания корейских фарватеров – то, с чем японцы даже не сделали попытки ознакомиться; наконец, что важнее всего, на море Ли Сунсин был единственным командиром, в отличие от своих менее удачливых коллег на суше.

16 июня 1592 г., когда третья дивизия Курода Нагамаса входила в Сеул, флот Ли Сунсина, в который вошла и эскадра незадачливого Вон-Гюна, напал на японцев у Окпо на побережье острова Кочжедо напротив Пусана. Японский флот насчитывал всего пятьдесят кораблей, тогда как у корейцев было двадцать четыре корабля-черепахи, пятнадцать малых кораблей и сорок шесть судов типа «морские ушки» – по всей видимости, беспалубных лодок. В судовом журнале адмирал Ли описывает свои первые впечатления от встречи с японскими самураями в их страшных масках и разукрашенных шлемах. «Они были, – пишет он, – подобны зверям или демонам и могли испугать кого угодно». Кого угодно, только не адмирала Ли, который пришел со своими кораблями-черепахами и потопил сорок японских судов.

Японцы, хотя и были удивлены таким неожиданным всплеском энергии у противника, которого они неустанно гнали на суше, не испугались и подвели флот к берегу, чтобы поддержать армию. Ли застал японский флот выстроенным вдоль берега у Сучона. Корейцы мало что могли сделать, поскольку, подойди они ближе, они могли бы посадить корабли на мель. Расстояние было слишком большим для эффективного огня, и адмирал Ли сделал вид, что отступает. Японцы, уставшие от бездействия, погнались за ним в надежде помериться силами с «кораблем-черепахой». Вакидзака Ясухару вскочил на фальшборт своего корабля с багром и приказал направить его на ближайшую «черепаху». Прикрываясь бронированным рукавом и назатыльником шлема, Вакидзака метнул багор в обшивку «корабля –

черепахи» и бросился на абордаж с храбрейшими из своих самураев. Оторвав несколько досок обшивки прежде, чем корейцы успели что-либо предпринять, они прорвали оборону, так что один приз все же достался японцам.

Потери одного корабля было достаточно, чтобы Ли принял вызов и обрушил шквал огненных стрел на японский флот. Когда корабли вспыхнули, строй «черепах» раскрылся, чтобы пропустить отряд Вон-Гюна, который атаковал растерявшихся японцев. Те ответили аркебузным огнем. Адмирал Ли был ранен в левое плечо, но, не обращая на это внимания, продолжал руководить сражением. Когда оно кончилось, он вырезал пулю кинжалом. Рана была глубокой, что очень встревожило его соратников, но, казалось, мало волновало самого адмирала. Попади пуля чуть ниже, это могло бы изменить всю историю Азии.

После короткого отдыха адмирал Ли вновь атаковал японские корабли, на этот раз у Танхо, у полуострова Тонэн. Если какие новости о войне на суше и доходили до него, они не отвлекали его от исполнения долга. К середине июля корейский ван бежал в Китай, а Кониси стоял у Пхеньяна. Положение на море было прямо противоположным, как, впрочем, и характеры флотоводцев. Жизнь на борту японских флагманов была удивительно похожа на корейский двор. В судовом журнале Ли записано, что

«... он [Курусима Митиюки] имел обыкновение восседать на баке в желтом облачении и позолоченном головном уборе, и все вокруг него было роскошно обставлено. Каждый вечер капитаны других кораблей прибывали к нему, приветствовали его и получали приказы, смиренно сидя перед ним головами к мачте. Всякий нарушивший приказ немедленно обезглавливался».

Все это рассказала Ли Сунсину корейская девушка, которая была захвачена японцами. Отряд адмирала спас ее во

время боя при Танханхо 13 июля. Флагман Курусима был главной целью адмирала. Это был большой, богато украшенный корабль с трехэтажной башней на носу, выкрашенной в красный и зеленый цвета, как буддийский храм. Ли подошел поближе и открыл огонь по этой надстройке. В последовавшей за этим схватке корейские лучники всадили в Курусима десяток стрел. Смертельно раненый, он удалился и совершил харакири – единственный японский адмирал, погибший за всю кампанию.

Все эти действия на море нельзя назвать решающими сражениями, но это был клин, который адмирал Ли стал вбивать между Кореей и Японией. Поставка припасов заметно сократилась, а оставшиеся в корейских водах корабли чувствовали себя в безопасности только в гавани Пусана. Но решающая битва была впереди. Адмирал Ли оценил силы соперника и с конца июля стал регулярно патрулировать южный берег Кореи. Он разгадал стратегию Хидэёси, и в середине августа его терпение было вознаграждено, когда судно-разведчик доставило ему известие о приближении большого японского флота. Это была вторая армия вторжения, целью которой являлся Пекин.

У Ли был большой флот, к которому присоединились другие адмиралы, помимо бездарного Вон-Гюна. Они отдыхали в Танхо, когда пришло известие, что японцы встали на якорь у Кьён-нэ-рьян, примерно в середине пролива. Отправившись туда, корейцы вскоре наткнулись на два японских корабля – разведчика, которые при их приближении укрылись в гавани. Адмирал Ли видел, что ему не удастся причинить им много вреда на стоянке, поскольку гавань была узкая и у японских самураев всегда оставалась возможность добраться до суши. Поэтому он решил выманить их к острову Хан-Сан, который находился достаточно далеко в море между двумя мысами у устья пролива. Здесь некуда было бежать, кроме самого необитаемого острова.

Битва при Хан-Сане произошла 14 августа 1592 г. Японским флотом командовали Куки, Като и Вакидзака, у

которых было тридцать шесть больших кораблей, четырнадцать средних и несколько джонок. Чтобы выманить их, Ли послал вперед всего шесть кораблей. Как всегда, осторожность была забыта, как только Вакидзака вырвался вперед, оставив позади остальных. Другие в конце концов последовали за ним. Подразнив их достаточно долго, Ли приказал своему флоту построиться «крылом аиста», то есть в одну линию с несколько выступающими вперед флангами. Японцам должно было казаться, что их охватывает полукруг, образованный кораблями противника. По японским судам был открыт сильный огонь, и из отряда Вакидзака только четырнадцать кораблей ушли невредимыми, а четыреста японцев спаслись вплавь на остров Хан-Сан. Вакидзака чудом остался в живых, когда ливень горящих стрел обрушился на его судно. Он вполне мог бы даже взять приз, если бы не самурайское упрямство и стремление к личной славе любой ценой. Вакидзака и Куки Ёситака одновременно забросили абордажные крюки на один вражеский корабль. Вакидзака приказал одному из своих людей перерубить канат соперника. Возмущенный Куки готов был схватиться с коллегой, и пока они пререкались, корейское судно успело уйти.

Вакидзака едва не нашел могилу в волнах, а другие адмиралы решили поскорее укрыться в гавани Анголь. Корейский флот висел у них на флангах и держал под обстрелом. Мачта корабля Куки была сбита. Им удалось оторваться от преследователей только с наступлением ночи. 400 человек из отряда Вакидзака, которые спаслись на острове Хан-Сан, оказались в ловушке: неизвестно, сколько времени им предстояло питаться морской травой и сосновыми шишками. Тем, что они в конце концов выбрались оттуда, они обязаны Вон-Гюну, которого Ли оставил стеречь остров, пока основная часть корейского флота преследовала японцев. До Вон-Гюна дошли слухи о приближении еще одного японского флота, и он поспешно ретировался, дав запертым на острове японцам возможность построить плоты из обломков судов и добраться до материка.

Ли тем временем последовал за японцами до Анголя и 17 августа атаковал их. У японцев было двадцать два больших корабля, пятнадцать средних и шесть транспортных джонок. Большие корабли выстроились у входа в гавань, прикрывая стоящие за ними транспорты. Ли посылал свои корабли по одному – два, они давали бортовой залп и уходили, а их место занимала следующая пара. Это, наконец, побудило японцев бросить все силы в атаку, результат которой нетрудно было предсказать, а затем уже Ли разделался с транспортами. В сражениях при Хан-Сане и Анголе было потоплено пятьдесят девять японских кораблей, хотя многим командам удалось спастись. Ли пишет в своем судовом журнале:

«Негодяи разбегались во все стороны, и если они замечали парус хотя бы рыбацкой лодки, они пугались и не знали, что делать».

Ли оставалось только нанести завершающий удар, уничтожив японскую базу в Пусане. Однако Пусан оказался крепким орешком, и когда в октябре Ли послал туда большой флот, ему противостояло четыреста семьдесят японских кораблей, а также укрепления на суше. Он отошел после короткой стычки, поскольку японцев теперь трудно было выманить, и удовольствовался блокадой порта, уверенный, что если ему и не удалось спасти свою страну, то он, во всяком случае, спас Китай. Сражение при Хан-Сане заставило на неопределенное время отложить вторжение в Китай и резко изменило весь ход войны в Корее.

Вернемся теперь к Кониси Юкинага в Пхеньяне. Он вошел в город 20 июля и весь следующий месяц занимался укреплением той самой линии коммуникаций, самый южный участок которой разрушал Ли. Он построил цепь фортов от Пхеньяна до Сеула, на расстоянии одного дня пути друг от друга, и постоянно осматривал горизонт в ожидании подкрепления, которому так и не суждено было прибыть. Он горел желанием действовать, но наступление было

немыслимо до прибытия свежих сил, а вести с юга с каждым днем становились все хуже. Началась энергичная партизанская война, которой руководили вожди более молодые и более способные, чем те старые генералы, которые бежали в Китай. Они нападали на японские форпосты и устраивали засады разведочным отрядам. Они заманивали отряды самураев в тупики горных долин и уничтожали их, забрасывая камнями, по ночам перерезали горло часовым. Помимо реального ущерба, который они наносили, добывая отставших от войска солдат, они изматывали врага, и людей и коней, заставляя их быть постоянно настороже и в движении, лишая их ощущения безопасности. Те регулярные корейские войска, которые еще остались, заперлись в городах и замках и отбивали все атаки японцев, которые из постоянного страха нарваться в ночи на невидимый нож чувствовали себя скорее осажденными, чем осаждающими. Курода Нагамаса потерпел неудачу, попытавшись захватить замок Юнан, а для седьмой дивизии попытка взять замок Чинчжу на юге закончилась просто катастрофой. Корейцы, казалось, вновь воодушевились. Стремительное наступление японцев разбросало их в стороны, но «тот, кто внизу, может не бояться падения». Корейцам больше нечего было терять, они могли только выиграть.

Как раз в тот момент, когда у Кореи появились более светлые перспективы и на суше и на море, в ходе войны произошел еще один драматический поворот. Наступила осень, и всегда бдительные пикеты Кониси заметили приближение отряда в пять тысяч человек. Это не могло быть долгожданное подкрепление, поскольку они шли с севера, и когда они приблизились к Пхеньяну, японцы разглядели их желтые шелковые знамена, на которых было начертано «Тай Мин» (Великая Ясность) – девиз минской династии Китая.

Китаю нелегко далось решение оказать Корее военную помощь. Китайцы были настолько удивлены быстрой капитуляцией Кореи, что заподозрили даже сговор с японцами, и только после настоятельных просьб корейцев они

согласились вмешаться. Кониси на испугало появление сравнительно небольшого китайского отряда, и он приготовился его встретить. Когда китайцы подошли к Пхеньяну, они нашли городские ворота открытыми и вошли в город, в самую простую и самую опасную из всех возможных ловушек. Японцы были в каждом доме. Сперва они обстреляли китайцев из аркебуз, а затем бросились на них с мечами. Почти весь отряд был уничтожен, а кто уцелел, бежали со всех ног за Ялу.

Этот визит с севера заставил Кониси отвлечься от планов дальнейших завоеваний, и по мере того, как на смену осени пришла суровая зима, ему все больше приходилось думать об удержании завоеванных позиций. Правительство в Пекине тоже погрузилось в размышления; китайцы поняли, что Япония представляет собой большую силу. Чтобы выиграть время, был отправлен для переговоров с японцами, независимо от корейцев, посланник по имени Чжин Икэй. Его манера держаться произвела большое впечатление на Кониси. Решено было заключить перемирие, к большому облегчению как Кониси, так и китайцев. Его заключили на 50 дней, что дало необходимую отсрочку японцам, которые воспользовались ею для укрепления цепи фортов от Пхеньяна до Сеула и для борьбы с упрямыми партизанами. Китайцы тем временем формировали большую армию, чтобы вытеснить японцев с полуострова. Нет точных данных о численности этого войска: приводятся цифры от сорока до двухсот тысяч. Какова бы ни была в действительности его численность, это была хорошо вооруженная армия, еще без фитильных ружей, но с большим артиллерийским парком, главным образом с легкими полевыми орудиями, и с сильной кавалерией. В конце 1592 г. новая китайская армия выступила в поход. Продвижение через перевалы Ляо Тун проходило в столь суровых условиях, что лошади, как говорят, потели кровью. Они пересекли Ялу в разгар зимы, 27 января 1593 г., а в начале февраля подошли к стенам Пхеньяна.

Кониси встал перед выбором: рискнуть всем и принять

сражение, или отступить. Он остановился на первом и, как мог, укрепил город. К северу от Пхеньяна возвышается холм, где японцы вырыли траншеи в промерзшей земле и воздвигли частокол из обледеневших стволов. Здесь они собирались задержать китайцев аркебузным огнем, а затем отступить под прикрытие городских стен. Попасть в окружение было маловероятно, поскольку к западу, югу и востоку от реки Тэдонган возвышаются горы, те самые, через которые японцы бодро перешли семь месяцев назад.

10 февраля на рассвете китайцы начали атаку по всему фронту. Японские аркебузы скосили первые ряды наступавших, но вскоре китайцы начали теснить их благодаря своему численному превосходству, и к концу следующего дня осады защитникам пришлось укрыться в стенах города, потеряв 2 000 человек на первой линии обороны. Китайский командующий Ли Чжусунь отправил к ним парламентаря с предложением сдаться. Ответом ему было обезглавленное тело посланца, сброшенное со стены. Увидев, что японцы готовы сражаться до последнего и что его войска измотаны после непрерывной сорокавосемичасовой битвы, Ли Чжусунь приказал отступить к лагерю, рассчитывая возобновить военные действия утром. Когда китайцы ушли, Кониси воспользовался передышкой, чтобы оставить город. Под покровом ночи японцы выбрались через южные ворота и по льду перешли замерзшую реку Тэдонган. Отступление было произведено мастерски, позади не осталось ничего, кроме трупов. Измотанные, со стертymi ногами, страдающие от холода и голода, некогда гордые самураи начали свой долгий путь к югу. Их задачу еще больше усложнила трусость Отомо Ёсимунэ, который был назначен комендантом следующего за Пхеньяном форта, охранявшего линии коммуникации. Узнав о приближении китайцев, он бежал, как и комендант следующего форта. Японцам пришлось двигаться маршем два дня, прежде чем они дошли до складов с провизией. В этом им никто не препятствовал, поскольку китайцы не делали попыток их преследовать, а у корейцев в тех местах не было

достаточно сил для нападения. Они удовольствовались тем, что обезглавили около шестидесяти самураев, из-за усталости или болезни отставших от основной колонны.

Падение Пхеньяна было первым серьезным поражением, которое японцы потерпели на суше, и поскольку войско Кониси отступило на юг, Като Киёмаса остался в изоляции на северо-востоке. Как мы уже говорили, его усилия не пропали впустую, о чем свидетельствовало присутствие в его лагере двух царственных пленников. Окрыленный успехом китайский военачальник, который захватил Пхеньян, отправил к Като посла с составленным в высокомерном тоне предложением сдаться. Като пренебрежительно отверг его и стал еще более тщательно охранять пленников. Из чистой жестокости, просто чтобы устрашить китайского посла, он в его присутствии предал смерти пленную корейскую красавицу, привязав ее к дереву и пронзив копьем от талии до плеча. Но когда до него дошли известия об отступлении Кониси, он решил пробиваться назад через снега северной Кореи и присоединиться к своему сопернику. Его удручала необходимость принять такое решение, поскольку во время зимней кампании он успел даже пересечь реку Туанган и на короткое время зайти в Маньчжурию. В районе, контролируемом Като, корейцы действовали весьма активно и даже захватили одну крепость, что, как видно из следующего отрывка, встревожило японцев: Человек по имени Ри Чосон придумал пушку, которую он назвал «Син-тэн – рай», или «Гром-сотрясающий-небо», и своим искусством тайно доставил к стенам замка. Ее привели в действие, выстрелили по замку, и снаряд упал во дворе. Японские солдаты не были знакомы с его устройством и сбежались посмотреть, что это за странный снаряд выпустил по ним враг, когда внезапно пороховой яд взорвался с грохотом, заставившим содрогнуться небо и землю, и снаряд разлетелся на множество железных осколков, мгновенно убивших всех, в кого они попали. Более тридцати человек таким образом было убито, а кого не убило, швырнуло на землю.

Похоже, что здесь мы имеем дело с изобретателем мортиры и бомбы. Она взорвалась не сразу, поскольку корейский порох, содержащий избыток серы, горел медленно; как и корабль-черепаху, бомбу не признали творением рук человеческих.

Кониси и Като соединили свои силы у Кэсона, к северу от реки Имчжинган, и решили отвести к Сеулу все японские силы, находившиеся к северу от реки Ханган. Все командиры немедленно исполнили этот приказ, за исключением Кобаякава Такакагэ, сурового воина шестидесяти одного года, командира шестой дивизии. Когда до него дошел приказ об отступлении, он отказался двигаться с места. Ему деликатно намекнули, что его присутствие необходимо, чтобы дать генеральное сражение китайцам, которые опять перешли в наступление. Тогда он согласился отступить при условии, что ему отведут самое опасное место в строю в предстоящей битве. Когда он начал с достоинством отходить, на него наткнулся авангард китайской армии, но он стряхнул их и продолжил путь к Сеулу. Добравшись туда, он отказался входить в город, сказав, что он и так уже достаточно далеко отошел назад и что пришло время старому воину показать молодым, как превратить поражение в победу. Это было не обычное самурайское хвастовство, но хорошо рассчитанный план арьергардных действий, дававший японской армии время перегруппироваться. Итак, Кобаякава Такакагэ, вероятно, самый старый самурай в японской армии, приготовился встретить всю китайскую армию. Молодые командиры были несколько пристыжены таким оборотом дела, и в подкрепление ему были посланы два отряда по 3 000 человек, включая Като Киёмаса, который всегда был готов сражаться. У Кобаякава было 10 000 человек из шестой дивизии, в основном его собственные люди, и он решил встретить китайцев у холма Пёкчжэ, в нескольких милях к северу от Сеула.

Сражению 25 февраля 1953 г. суждено было стать самым крупным и самым кровавым за всю кампанию. Пёкчжэ

представляет собой круглый холм, и Кобаякава поставил свою дивизию за ним, тогда как остальные японские войска расположились на его северном склоне двумя группами по 3 000 человек. С приближением весны снег стал таять, и поле боя превратилось в море грязи, которая, как надеялся Кобаякава, замедлит продвижение китайской кавалерии и подставит ее острым клинкам японцев. До Пёкчжэ еще не было ни одного настоящего большого сражения, и, кроме дивизии Кониси, у самураев не было случая испытать себя в деле против китайцев. Китайцы пошли в атаку на рассвете, бросившись на передовые позиции японцев. Вновь заговорили аркебузы, но колоссальная китайская армия, разбавленная корейскими войсками, которые отовсюду стекались под победоносные знамена Ли Чжусуня, медленно, но верно теснила японцев к вершине холма. Добравшись до гребня холма, китайцы уже решили, что одержали победу, и опрометчиво стали преследовать противника, бросив вниз по противоположному склону и пехоту и кавалерию – туда, где стояли 10 000 самураев Кобаякава. Кобаякава подождал, пока враг удалится от своего лагеря достаточно далеко, чтобы не дожидаться подкрепления, поглядел, как китайцы все больше устают, их ряды расстраиваются, а кони завязают в грязи. Затем был дан сигнал к атаке, и 10 000 самураев обрушились на врага со сверкающими в лучах слабого зимнего солнца кривыми клинками. Сражение превратилось в гигантскую рукопашную схватку, равных которой Корея еще не видела. Японский меч впервые померялся с укороченным корейским и китайским вариантами, с плачевными результатами для последних. Японские асигару устроили страшную бойню, навалившись на застрявших в жидкой грязи всадников. Самураи действовали своими длинными копьями с крестообразными наконечниками, крестовиной стаскивая китайцев с седел и приканчивая их рубящим или колющим ударом. Особо отличился Като Киёмаса, чей серебряный шлем сверкал в гуще сражения. Эта рукопашная схватка продолжалась с десяти до полудня. Китайцы потеряли 10 000

человек убитыми. Говорят, что их командир Ли Чжусунь пришел в такое уныние, что проплакал всю ночь. Что до старого Кобаякава, эдакой помеси маршала Нея и Джона Уэйна, то он с большой скромностью отнесся к тому факту, что спас японскую армию от уничтожения. «Когда в древности императрица Дзинго вторглась в Корею, – сказал он, – ей помогали боги. Кто знает, может быть, и сейчас они помогли нам вновь?» Победа при Пёкчжэ дала японцам лишь временную передышку. Долгие зимние дожди повергли самураев в подавленное и мрачное настроение, вполне подходящее для совершения харакири, а состояние дорог и дерзкая храбрость партизан, которые осмелели настолько, что совершали набеги до самых ворот Сеула, сделали добывание фуража очень непопулярной обязанностью. Среди таких неудобств они провели зиму. Наступила поздняя весна. В таких условиях китайцы и корейцы готовы были предложить переговоры, а японцы – обсудить условия мира. Была организована встреча, короткая и деловая. Корейцы требовали освободить двух царственных пленников и отвести японские войска на самый юг полуострова. Эти требования неизбежно вели к возобновлению вражды между Кониси и Като, поскольку первый их поддержал, в то время как для Като это означало отдать главный приз всей кампании. Но в конце концов ему пришлось согласиться, и от имени Хидэёси Кониси и Като согласились оставить Сеул 6 мая 1593 г., почти через год после того, как с триумфом его заняли. 20 мая в город вошли китайцы и стали свидетелями всех тех ужасов, которые оставили за собой японцы. Умиравшие с голода люди дрались из-за каждой крошки, отчаяние доводило их до каннибализма. Свиристствовал тиф, мертвые тела валялись вдоль дороги, голова одного на груди другого.

Японцы двинулись на юг, ни корейцы, ни их китайские союзники их уже не тревожили. Единственными военными действиями, которые имели место, было взятие крепости Чинчжу, и то лишь ради того, чтобы удовлетворить жажду мести Хидэёси, поскольку под этой крепостью потерпела

неудачу седьмая дивизия Мори Тэрумото. Сконцентрировав такое количество войск на юге, японцы могли предпринять массированную атаку под командованием Като Киёмаса, который очень хотел поскорее взять крепость и тем самым разозлить корейцев и сорвать мирные переговоры, которых он так боялся. Однако упорное сопротивление гарнизона, который сбрасывал камни на головы штурмовых отрядов, заставило его прибегнуть к одному нововведению в области осадной техники. Собрав несколько сот сырых шкур и высушив их на огне до твердого состояния, он велел покрыть ими четыре прочных повозки с покатыми крышами. Эти повозки, названные камэ-но коса, или вагоны-черепахи, были подведены под стены крепости. Пока аркебузиры вели огонь по тем, кто стоял на стенах, солдаты под прикрытием вагонов – черепах стали подкапываться под их основание. Камни выпадали из кладки, и, когда образовалась достаточно большая брешь, свежие войска бросились туда и быстро взяли замок штурмом.

После этого предприятия дивизия Кониси рассредоточилась по нескольким укрепленным лагерям вдоль южного берега, а большая часть остальных войск, участвовавших в кампании, была выведена, и начались долгие переговоры о мире. Они тянулись целых четыре года, а японские войска тем временем оставались в своих лагерях в Корее. Выдвигались условия, охотно принимались, затем столь же легко нарушались, а Кониси метался между Японией и Кореей как главный уполномоченный Хидэёси по переговорам. Даже силы природы сыграли свою роль в затягивании переговоров: сильное землетрясение разрушило большую часть административных зданий в Киото, и китайское посольство, которое прибыло 21 октября 1596 г., пришлось разместить в одном из крыльев замка Осака. Встреча, которая так долго откладывалась, была проведена со всем великолепием и блеском. Китайцы привезли с собой письмо, которое, как уверял Кониси, содержало готовность удовлетворить все требования Хидэёси. Хидэёси, однако,

принял их далеко не благосклонно, и когда дело дошло до той части письма, где содержалось требование снести все японские укрепления и вывести оставшиеся войска, он так разгневался, «что от его головы пошел пар». По ходу этого спектакля ему нанесли еще одно оскорбление: Хидэёси получил в подарок корону и мантию, которые, как он думал, присланы в знак признания его императором Китая. Однако истинное значение этого дара стало очевидно, когда была зачитана инвеститурная грамота: «...посему мы возводим вас, — говорилось в ней, — в достоинство правителя... Японии!» Хидэёси пришел в полную ярость и послал за Кониси, чтобы обезглавить его на месте. Кониси клялся, что невиновен, и, учитывая его военные заслуги, был прощен. Послам немедленно указали на дверь.

19 марта 1597 г. был издан приказ о подготовке второй экспедиции в Корею. Что очередная попытка завоевать эту страну после провала первой едва ли имеет много шансов на успех, было очевидно каждому, кроме Хидэёси, который стал быстро терять контроль над своим рассудком. Это было совершенно бессмысленное предприятие, и единственным оправданием ему была овладевшая Хидэёси жажда мести. Тем не менее недостатка в добровольцах, желавших командовать новой экспедицией, не было, и эта честь выпала всегда готовому Като Киёмаса, а флотом назначен был командовать Кониси Юкинага. Адмирал Ли дал японцам суровый урок, и они на этот раз постарались вооружить пушками все свои суда. Верховное командование армией должен был осуществлять молодой самурай по имени Кобаякава Хидэаки, приемный сын Кобаякава Такакагэ и племянник Хидэёси. Августейшее покровительство обеспечило ему столь высокое назначение в нежном возрасте двадцати лет. Курода Ёситака, отец Нагамаса, был отправлен вместе с ним, чтобы присматривать за молодым человеком. Это назначение, естественно, вызвало большую зависть у других командиров, особенно у некоего Исида Мицунари, в прошлом, во время первого вторжения, офицера штаба Укита

Хидэиэ. Он не теряя времени обвинил молодого командующего в некомпетентности и, как только вторжение началось, стал подмечать все его ошибки.

Вместе с гарнизоном, уже стоявшим в Корее, численность высадившихся японских войск составляла 149 000 человек: пять дивизий с Кюсю, две с Сикоку и две, Мори и Укита, с Хонсю. Может показаться странным, что второй экспедиции вообще удалось высадиться; дело, однако, в том, что корейский флот был уже не тем, что в 1592 г. Даже доблестный адмирал Ли Сунсин не смог устоять против махинаций своих коллег, и его сместил с должности коварный Вон-Гюн, который сам занял пост главнокомандующего. Японцы без труда разбили Вон-Гюна, когда столкнулись с его флотом у острова Кочжедо в августе 1597 г. Корейский наместник провинции вызвал Вон-Гюна и велел его выпороть. Но это лишь побудило того искать утешения в пьянстве, и другим командирам не удавалось заставить его хоть что – нибудь предпринять. Он сошел на берег, где, сидя под сосной, пьяный, затуманенным взором смотрел на уничтожение корейского флота. Заметив отсутствие адмирала Ли, японцы атаковали с большим рвением, беря на абордаж каждое корейское судно, с которым сближались. Набэсима Кацусигэ, семнадцатилетний самурай, сын одного из товарищей по оружию Като Киёмаса, писал, что картина уничтожения такого множества корейских судов превосходила «даже любовование цветением вишни в Ёсино». Было потоплено сто шестьдесят корейских кораблей, и вторая армия вторжения высадилась в Корее с той же легкостью, что и первая в 1592 г.

Для Като Киёмаса высадка в Корее была оправданием его мнения, что такой вариант, как мирные переговоры, вообще не следует рассматривать. Но ему пришлось отказаться от стремительного наступления на север, поскольку китайцы уже послали свою армию в южную Корею, и против одного из ее подразделений Като Киёмаса первым делом и направил свои силы. Китайцы засели в хорошо укрепленном городке Намвон, окруженном каменной

стеной четырех или более метров высотой. Когда один из его командиров перехватил колонну, шедшую на помощь гарнизону, Като повел свою армию на Намвон и осадил город. Кониси, который командовал флотом, подошел к берегу и высадил подкрепления в устье реки Сем, на которой стоит Намвон.

Приготовления к обороне были сделаны по всем правилам китайской военной науки. По стенам поставили высокие башни, а сухой ров шириной в сто метров был усеян обрубками стволов с торчащими вверх сучьями. После нескольких отчаянных стычек японцы захватили ров, а затем применили одну из тех военных уловок, которые так превосходно удавались Като Киёмаса. Множество людей было послано на рисовые поля, которые крестьяне засеяли в надежде на мир. Срезав зеленые сочные стебли, они связали огромное количество снопов, приготовили штурмовые лестницы и стали ждать ночи. В темноте, в полной тишине, они подошли к той части стены, которая возвышалась на 7 метров и потому плохо охранялась, и стали возводить платформу из снопов. К тому времени, когда их уловка открылась, платформа была уже достаточно высокой, а когда поднялась тревога и аркебузиры начали обстреливать стены, снопы стали наваливать с бешеной скоростью, и куча рисовых стеблей, прочных и огнеупорных, дошла до уровня верха. Сотни самураев ворвались в крепость и перебили весь гарнизон. В первый раз японцы получили возможность исполнить приказ Хидзёси, изданный перед их отправкой в Корею, что командирам следует представлять наглядные доказательства, как они выполняют свой долг. Они соответственно бросились отсекал головы у павших защитников, число которых достигло 3 726. Головы офицеров и носы рядовых солдат засыпали солью и известью и в бочках отправили Хидзёси.

Японцы двинулись на Сеул, но уже в дороге они узнали новость, которая привела их в ужас – адмирал Ли Сунсин вернулся! Вскоре коммуникации были вновь нарушены – как

раз тогда, когда они уже были всего в семнадцать милях от Сеула. Их продвижение замедлилось. Была уже середина октября, и поскольку приближалась суровая корейская зима, командиры решили отойти под прикрытие укрепленных лагерей на юге и возобновить наступление весной. Когда они подошли к крепостям, тут же был отдан приказ дополнительно укрепить их, поскольку один из китайских полководцев решил как можно скорее закончить войну, предприняв массированную атаку на японские позиции и сбросив японцев в море. Полководец Ян Хо воздвиг алтарь, в присутствии своих воинов принес жертвы, чтобы умиловить духов Неба и Земли, и помолился за победу над захватчиками. Затем он проверил наличие необходимых припасов и отдал приказ начать общее наступление на Ульсан, известный японцам как Урусан, самый восточный из всех японских фортов. Это укрепление удерживала дивизия Като Киёмаса, оно имело прочные внешние и внутренние стены, а своей южной стороной форт выходил к морю. Военные операции, которые до того охватывали обширные территории, теперь сосредоточились в одной точке, в тридцати пяти милях от Пусана. Армия союзников, подкрепленная 40 000 китайских солдат, подошла, чтобы приступить к осаде, но слишком поздно, чтобы перехватить Асано Юкинага, который успел пройти в крепость со своими людьми.

В начале января 1598 г. китайская армия неожиданно начала штурм замка. Небольшой отряд, очевидно в качестве отвлекающего маневра, попытался взобраться на стену, но был отбит аркебузным огнем и отступил. Увидев это, японцы непредусмотрительно открыли ворота и бросились преследовать врага, думая, что это всего лишь корейцы. Отойдя на некоторое расстояние, они обнаружили, что их окружила 80-тысячная китайская армия. Только немногим участникам вылазки удалось с боем прорваться назад к стенам крепости. Они понесли большие потери, что сократило гарнизон до 5 000 человек.

На следующий день в китайском лагере вновь затрубили раковины войны, и осажденных оглушили вопли осаждающих, которые в полном составе бросились на приступ. Несколько атак было отбито, но китайцам удалось проделать брешь в стене, и гарнизону пришлось отступить во внутренние укрепления. На следующее утро японцы были разбужены дождем стрел, и сражение возобновилось. Несмотря на сильный холод, самураи так вспотели, что пот замерзал на их доспехах. Взобравшись на гору трупов своих соотечественников, китайцы пытались проломить ворота, а японцы продолжали обстреливать их со стен из мушкетов. В феврале китайцы вновь были отбиты, а часовые соскребали иней со шлемов. Некоторые японские самураи заметили, что их наплечники продолжают сосклизывать, несмотря на то, что их постоянно подгоняли. Дело в том, что их плоть исхудала настолько, что стали видны кости, а ноги стали тонкими, как стебли бамбука. Один воин, сняв шлем и маску, обнаружил лицо столь исхудавшее и сморщенное, что, казалось, он стал похож на одного из тех голодных демонов из потустороннего мира, которых так часто изображали в храмах на его родине.

К концу февраля китайский командующий, который до того рассматривал штурм крепости Урусан как дело незначительное, попытался начать переговоры. Японцы отклонили все предложения и воспользовались коротким перерывом, чтобы разжечь костры из сломанных стрел и насладиться обедом из горячей конины, срезанной с трупов их лошадей. Следующий день был тихим, но очень холодным, и многие истощенные самураи, которые уселись погреться на солнечной стороне башен, были затем найдены замерзшими насмерть. К голоду прибавилась пытка жаждой. Поскольку в крепости не было воды, японцы делали ночные вылазки и приносили воду из горных расщелин, но теперь осаждавшие воспрепятствовали этому. Солдаты, сражавшиеся днем, ночью выбирались наружу и лизали раны павших и даже втайне ели сырое мясо, срезанное с трупов китайцев. Они

жевали бумагу, ставили ловушки на мышей и ели их; пренебрегая стрелами часовых, обыскивали одежду убитых врагов в поисках случайного зернышка сушеного риса. Однажды ночью китайцам удалось захватить сто человек из гарнизона, бродивших подобно призракам среди трупов павших. Блокада была полной, и каждый день голод и холод собирали свой урожай.

Со временем известия об этом дошли до других японских командиров, которые спешно собрали войска, чтобы снять осаду с Урусана. Курода, Хатисука и Набэсима выступили с войском в 50 000 человек и прибыли как раз в момент, когда начинался новый приступ. Без колебания они ударили в тыл китайским войскам, и в то же время флот Кониси прорвал блокаду Ли Сунсина, чтобы доставить осажденным припасы. На этом кончились страдания доблестных защитников, которые столько времени продержались без еды и питья, не считая талого снега. С ощущением, будто они воскресли из мертвых, они сняли свои доспехи. Для командовавших защитой Урусана, Като Киёмаса и Асано Юкинага, это стало личным триумфом. Несколько дней спустя Асано написал восторженное письмо отцу, Асано Нагамаса, ветерану кампании 1592 г. В нем он подчеркивал превосходство японского оружия, поскольку, хотя корейцы и китайцы и вооружили теперь некоторые свои части аркебузами, преимущество все же оставалось на стороне японцев:

«Когда войска отправятся [в Корею] из провинции Каи, пусть возьмут как можно больше ружей, поскольку никакого другого снаряжения не требуется. Дайте строгий приказ, чтобы все люди, даже самураи, имели ружья».

С наступлением весны китайцы получили новые подкрепления, и Кониси стал советовать оставить форты и

сконцентрировать войска в Пусане. Но Хидэеси не желал об этом слышать. Он, однако, отозвал большую часть армии, оставив дивизию с Кюсю и еще несколько отрядов охранять лагеря, против которых китайцы предпринимали бесплодные атаки в течение всего лета. Один из этих лагерей удерживал клан Симадзу во главе с Симадзу Ёсихиро. До сих пор это семейство сколь-либо заметно не отличилось в войне, хотя Ёсихиро и потерял старшего сына Хисаясу в 1593 г., но теперь им выпала честь участвовать в последнем сражении корейской войны на суше. То была битва при Сочоне, 30 октября 1598 г. Как и в сражении при Пёкчжэ, противники встретились лицом к лицу. Китайцы понесли большие потери. В ответ на требование Хидэеси представить доказательства войны Сацума отрезали уши у 38 700 вражеских голов, засолили их и послали в Киото. Там их захоронили в насыпи, известной как «Мими-дзука», или «гробница ушей» – ужасный памятник ужасной войне. Вскоре после этой битвы до Кореи дошло известие о смерти Тоётоми Хидэеси, который скончался 18 сентября. С его смертью развеялась мечта об империи, уже ставшая кошмаром, и в японских лагерях в Корее повсюду радостно приветствовали приказ об отправке домой.

Но война еще не кончилась, оставался последний раунд, так как японцам еще предстояла эвакуация остававшихся в Корее войск. Чтобы обеспечить безопасное отступление, известие о смерти Хидэеси держали в строгом секрете от корейцев, чтобы они не предприняли нападение во время погрузки войск. Но корейские шпионы в Японии вскоре узнали о намерениях японцев, и когда Кониси выходил из пролива Ноньян 16 декабря 1598 г., до него вдруг донесся звук пушечного выстрела. Вскоре он встретил отряд судов Симадзу, который вышел со своей базы на острове Сучон и столкнулся с кораблями адмирала Ли, жаждавшего нанести последний удар по уходящему врагу. Атака началась в полночь, и теперь сражение было в самом разгаре. Воины Симадзу дрались отчаянно, им удалось взять на abordаж

корабль первого помощника адмирала и убить его командира. Адмирал Ли подоспел на помощь, но в этот самый момент пуля поразила его под мышку, и он упал. «Пусть никто не видит, это может повлиять на ход сражения», – сказал он стоявшему рядом моряку. Его прикрыли щитом и не стали никого извещать о его гибели. Японцы отступили. Симадзу вышли из боя с пятьюдесятью кораблями, а Кониси воспользовался сумятицей битвы и прорвался в открытое море. «Но, как только стало известно о гибели их Великого Адмирала, скорбные возгласы как корейцев, так и китайцев разнеслись далеко над океаном». Так погиб адмирал Ли – в тот самый момент, когда последний самурай покидал Корею.

На этом закончилась корейская война, кампания уникальная в военной истории Японии, единственный случай, когда энергия самураев была направлена на агрессивные действия против соседней страны. Она началась как первый этап грандиозного проекта, целью которого было завоевание Китая, но в результате не принесла никакой территориальной, финансовой или политической выгоды. В Японии ее образно нарекли «кампанией с головой дракона и хвостом змеи». Иначе говоря, ее начали очень энергично, но постепенно энергия японцев иссякла. Тем не менее она оказала большое влияние на последующие поколения, особенно когда в Японии строились планы создания новой азиатской империи, а успех самураев на корейской земле считали «цветком, достойным украсить японскую историю». Прежде чем циничный читатель осудит такой взгляд на войну, превратившую Корею в пустыню, ему стоит сравнить его с распространенным в Англии отношением к походам Генриха V во Францию и вспомнить, что в истории Японии корейская война была единственным случаем заморской агрессии за шестьсот лет. Более того, вторжение китайцев в конце 1592 г. было для Кореи почти таким же бедствием, как и высадка японцев. Когда китайцы перешли через Ялу, корейцы уже готовы были перейти от обороны к наступлению; можно предположить, что если бы китайцы не явились, чтобы

разделить с корейской армией ее и без того скудные запасы, Корея к тому времени могла бы превратиться в один огромный военный лагерь. Тогда освобождение северной Кореи стало бы лишь вопросом времени. Но получилось так, что Корея подверглась разграблению со стороны обеих наций и беспомощно наблюдала, как две великих державы сражаются на ее земле – далеко не последний раз в корейской истории. К тому же, когда в 1598 г. японцы ушли с Корейского полуострова, китайцы оставили там гарнизон в 34 000 человек, что едва ли способствовало возрождению Кореи.

Для Кореи война обернулась трагедией. Вся страна стала полем битвы, и помощи ждать было неоткуда. Города и села лежали в руинах, повсюду бродили голодные беженцы и шайки разбойников, а коррумпированные чиновники набивали карманы, пользуясь всеобщим смятением.

Война нанесла удар и по минскому Китаю. У китайского правительства к началу войны и без того хватало внутренних проблем, а проведение кампании в Корее обошлось ему очень недешево. Только для второй корейской экспедиции китайской армии потребовалось 118 000 зажигательных стрел, 41 тонна пороха, а также мечи, фураж и рис. Это не просто истощило ресурсы нации: поскольку большая часть войск была переброшена из северного Китая, защита его границ была ослаблена, что в конечном счете привело к завоеванию Китая маньчжурами.

И для Японии эта война была неудачной. Кампания провалилась, поскольку Хидэёси не смог понять, что для достижения успеха на суше необходимо преобладание на море. Вопрос был не в создании более совершенных кораблей и не во взаимодействии армии и флота – что, кстати, было достигнуто перед отправкой второй экспедиции. Необходимо было запереть или полностью уничтожить вражеский флот, прежде чем высаживать в Корее хотя бы одного самурая. Если бы это было сделано в то время, когда Вон – Гюн еще командовал корейским флотом, весь ход кампании мог быть иным. Но подобные идеи в корне противоречили

традиционному японскому взгляду на корабль как на плавучую платформу для солдат, и ни Хидэёси, ни его командиры не имели опыта, который позволил бы им думать иначе. Так что предоставим читателю возможность гадать, что было бы, если бы второй эшелон армии вторжения высадился и двинулся на Китай.

Что же получила от всего этого Япония? С точки зрения военной и политической – ничего. Привезли домой немалую добычу, включая такие странные предметы, как камни для строительства замков и садовые деревья. Самым неожиданным результатом корейской войны и наиболее долговечным ее памятником стал переезд в Японию десятков корейских гончаров. Благодаря пристрастию японцев к чайной церемонии их привезли в Японию, чтобы они продолжали там заниматься своим ремеслом. С ними, без исключения, хорошо обращались, некоторые из них вступили в смешанные браки, другие сохранили чистоту корейской крови и чисто корейский стиль керамики. Жестокая корейская война имела по крайней мере одно мирное последствие.

Глава XI

Последние счёты

Когда усталые самураи вернулись домой из Кореи, они обнаружили, что Япония стала совсем другой страной, отличной от той, которую они покинули. Великий диктатор заложил основы современной Японии, но умер так, как боятся окончить свои дни все диктаторы – оставив наследником малолетнего сына. Тоётоми Хидэёри было пять лет, когда умер его отец, и хотя многое говорит о том, что Хидэёси в последние годы жизни постепенно терял рассудок, его хватило на то, чтобы по возможности лучше обеспечить будущее Хидэёри. С этой целью он создал совет из пяти регентов, которые должны были править до совершеннолетия Хидэёри. Выбор его был интересен, каждое из этих имен уже знакомо читателю. То были Укита Хидэиэ, Маэда Тосииэ, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагакацу и Токугава Иэясу.

Особенно удивительна параллель между 1598 и 1582 годами. В 1582 г. Хидэёси объявил наследником годовалого внука Нобунага. Затем он укрепил свое политическое влияние и дождался, когда соперники дадут ему повод к войне. Результатом была кампания под Сидзугатакэ, и Хидэёси за десять месяцев захватил владения Нобунага. В 1598 г. роль Хидэёси сыграл Токугава Иэясу, самый могущественный даймё в Японии, с доходом в 2 557 000 коку. Если учесть, что один коку равен количеству риса, достаточному, чтобы в течение года прокормить одного человека, это была колоссальная сумма. Второе место поделили Мори Тэрумото и Уэсуги Кагэкацу, доход каждого из которых составлял примерно половину дохода Иэясу. Из них Мори, который «правил» Внутренним морем из своего замка в Хиросима, пользовался большим влиянием, чем Уэсуги, чьи владения находились на севере Хонсю. Мори, в отличие от Уэсуги, сражался в Корее. Ни у того, ни у другого тем не менее не было войска, равного армии Токугава.

Иэясу было уже пятьдесят шесть лет, он утратил

прежнюю гибкость, растолстел и стал похож на бульдога. Он уже не был тем дерзким молодым самураем, который потрясал копьем перед носом монахов Икко, но стал хладнокровным и умным полководцем. Он сохранил достаточно уважения к реалиям войны, чтобы понимать, что битву не выиграть, просто сидя на походном стуле и отдавая приказы. Он как-то заметил также, что сражение нельзя выиграть и глядя на спины своих самураев. Тем не менее он больше не подвергал риску будущее дома Токугава и не лез в драку. У него было много командиров, готовых сделать это за него, и несколько замечательных сыновей, один из которых, его наследник Хидэтада, был обучен искусству войны.

Амбиции Иэясу вскоре стали очевидны. Главную оппозицию его планам представляли, однако, не его соправители-регенты, а даймё по имени Исида Мицунари. Он уже упоминался дважды в этом повествовании. Он попал на службу к Хидэеси после того, как доказал свое умение сервировать чайный столик, что привело к его назначению одним из уполномоченных Хидэеси. Во время первого вторжения в Корею он служил в штабе Укита Хидэиэ в качестве генерального инспектора армии и к этой должности относился очень серьезно. В результате он приобрел нескольких врагов, в том числе Курода Нагамаса, который, по мнению Исида, больше интересовался игрой в го, чем войной. Исида возражал также против назначения Кобаякава Хидэаки главнокомандующим во время второй корейской экспедиции. Возникший между ними антагонизм привел к гораздо более роковой ссоре, чем можно было бы ожидать.

Иэясу рассчитывал, что Исида сыграет роль Сибата Кацуиэ и посеет раздор в совете регентов, таким образом спровоцировав ту войну, из которой Иэясу должен был выйти победителем. Иэясу приходилось действовать осторожно. Прежде всего ему нельзя было входить в открытую конфронтацию с Хидээри. Его прежним товарищам по оружию это показалось бы слишком откровенным предательством. Скандал должен был спровоцировать Исида,

и он это сделал.

Иэясу расположил свою временную ставку в принадлежавшем покойному Хидэеси замке Осака, где в 1600 г. он дал аудиенцию первому англичанину, ступившему на землю Японии, – Уиллу Адамсу. Адамс был штурманом на одном из голландских кораблей, стоявших в доке на Кюсю. Он был настоящим морским волком, в прошлом капитаном одного из английских кораблей, сражавшихся с испанской армадой. Говорят, что Иэясу нашел Адамса очень интересным собеседником, однако груз его корабля оказался для него куда более желанным. Он был конфискован Иэясу, который таким образом увеличил арсенал Токугава на несколько отличных европейских пушек, не говоря уже о 500 аркебузах, 5 000 железных пушечных ядрах, 300 цепных ядрах, двух тоннах пороха (европейский сорт особенно высоко ценился) и 350 зажигательных стрелах.

Пока Иэясу увеличивал запасы оружия, даймё Японии разделились на две партии – сторонников Исида Мицунари и сторонников Токугава Иэясу. Это разделение было более полным, чем расстановка сил в 1582 г. Среди хорошо известных имен, сделавших ставку на Исида, который приличия ради заявлял, что представляет интересы Хидээри, были Мори Тэрумото, к которому, конечно же, присоединились Кобаякава Хидэаки и Киккава Хироиэ, оба ветераны корейской войны; Укита Хидэиэ, в прошлом главнокомандующий в Корее; Симадзу Ёсихиро, чьи самураи из Сацума, казалось, всегда готовы сражаться; Тосокабэ Моритика с Сикоку, Кониси Юкинага и Уэсуги Кагэацу.

К счастью для Иэясу, его поддерживали многие из «старой гвардии» Хидээси, прежде всего потому, что он был настоящим солдатом, в отличие от Исида, которого Като Киёмаса характеризовал как «штатского, сующего свой нос в военные дела». Като объявил себя сторонником Иэясу, перейдя в лагерь, враждебный его старому сопернику Кониси Юкинага. К нему присоединились Асано, Хосокава Тадаоки, Курода Нагамаса и его отец Ёситака, а также все прежние

вассалы Токугава.

Первый ход сделала партия Исида, которую обычно называют Западной армией. Было замечено, что союзник Исида, Уэсуги Кагэкацу, с огромной скоростью возводит замки в своей северной провинции. В мае 1600 г. Иэясу пригласил его в Осака, чтобы тот объяснил свое поведение. Ответ был получен через главного советника Уэсуги, Нагоя Канэцугу, который посоветовал Иэясу заниматься собственными делами, сказав, что пока Иэясу и его городские самураи коллекционируют чайные чашки, они у себя в провинции предпочитают собирать оружие. Из последующих действий Иэясу ясно, что он прекрасно понимал, что происходит и что Исида хотел заставить его двинуться на восток, против Уэсуги, а тем временем Исида и союзники смогли бы захватить Осака и отрезать Иэясу от тыла. Поскольку планы Иэясу были столь же хорошо разработаны, как и планы Исида, он решил: неплохо бы заставить противника думать, что тот его одурачил, – и потихоньку двинулся на восток. Он выступил из Осака 26 июля и к 10 августа достиг Эдо. Затем он продвинулся дальше на север, как бы для того, чтобы вступить в бой с Уэсуги, но при этом постоянно контролировал все, что происходило в столице. Кампания против Уэсуги не была делом первостепенным, поскольку Иэясу имел ценных союзников в лице Датэ Масамунэ, «Одноглазого Дракона», и Могами Ёсиакира, которые и без него успешно справлялись с Уэсуги. В полночь 1 сентября Иэясу проснулся, чтобы принять вестника, который доставил достоверные сведения о мятеже на западе, который поднял Исида. Последний, бесспорно, руководствовался смелым, но ошибочным предположением, что Иэясу завязнет в войне с Уэсуги.

Первый удар Исида был направлен против стратегически важного замка Фусими, который Хидэёси построил в нескольких милях к югу от Киото, чтобы завершить, вместе с замком Осака, линию обороны Кинаи. Благодаря своему положению Фусими господствовал над

подходами к столице, и Иэясу доверил его защиту своему старому другу, Тории Мототада, которому было шестьдесят два года. Прежде чем отправиться на восток, Иэясу посетил Тории, и их встреча завершилась трогательным прощанием, поскольку оба знали, что, как только начнутся военные действия, Фусими примет на себя первый удар Западной армии.

Штурм Фусими начался 27 августа, и в течение десяти дней его защитники с невероятной стойкостью отбивали все атаки. Тории знал, что должен выиграть время, чтобы Иэясу мог захватить все стратегически важные крепости вдоль Токайдо и Накасэндэ, пока значительная часть самураев Исида бьется головой о стены замка Фусими. Гарнизон дрался храбро и уступил только тогда, когда один предатель, жену и детей которого Исида грозился распять, поджег одну из башен. Но даже тогда Тории отказался сдаваться и отверг предложение покончить жизнь самоубийством. Важна не его честь, заметил он, а то, что он должен задержать Исида, насколько это в человеческих силах. С двумя сотнями самураев, остатками его храброго гарнизона, он сделал вылазку из крепости. После пяти таких вылазок у него осталось десять человек. Тогда Тории отступил в замок и в изнеможении упал. Некий самурай по имени Сайга Сигэтомо подбежал к нему с копьем, рассчитывая взять его голову. Старик назвал себя, и молодой самурай с почтением дождался, когда Тории совершит харакири, а затем уже отсек ему голову. Его тактика проволок сработала, к тому же партия Исида насладились сомнительным удовольствием от пирровой победы, ибо при штурме замка они потеряли 3 000 человек.

Падение Фусими означало, что западные союзники Исида могут беспрепятственно подойти и присоединиться к своему вождю, который в то время находился в Огаки, около замка Гифу. Единственными бывшими с ним до сих пор войсками были отряды Симадзу и Кониси. Соответственно, что и он, и Иэясу старались выиграть время по одной и той же

причине.

Токугава Иэясу находился в Эдо, который соединяли с областью Кинаи две основные дороги – Токайдо и Накасэндо. Обе дороги относительно близко сходятся около Гифу, где расстояние между ними достигает около двадцати миль, прежде чем окончательно соединиться у южного берега озера Бива. Над «горловиной» между двумя дорогами господствуют крепости Гифу и Киёсу, в прошлом две важных военных базы Ода Нобунага. Если бы силы западной партии могли удержать обе крепости, они смогли бы контролировать все движение из восточной Японии и, возможно, удерживать Иэясу до тех пор, пока Уэсуги не прорвал бы блокаду в Тосандо. В сентябре 1600 г. каждая из крепостей удерживалась сторонниками одной из соперничавших сторон. Гифу удерживал для Исида Ода Хидэнобу, внук Ода Нобунага, тот самый младенец, которого Хидэёси провозгласил наследником в 1582 г. – примечательная связь с прошлым. Киёсу защищал Осаки Гэмба, вассал Фукусима Масанори, который был с Иэясу.

Пока Исида штурмовал замок Фусими, Иэясу выступил в поход. Он послал мобильный отряд по Токайдо, чтобы укрепить оборону Киёсу и захватить Гифу. Первой дивизией, 16 000 человек, командовали Курода Нагамаса, Фукусима Масанори, Хосокава Тадаоки, Хонда Тадакацу и Ии Наомаса. Вторая дивизия, численностью в 18 000 воинов, двигалась под командованием Икэда Тэрумаса, Асано Ёсинага и Яmanoути Кадзутоё. 21 сентября они вошли в замок Киёсу и пять дней спустя двинулись штурмом на Гифу. Атака едва не завершилась катастрофой еще в самом начале, ибо вновь явила себя самурайская Немезида. Икэда и Фукусима поспорили, чья армия должна идти на штурм первой. Фукусима даже вызвал Икэда на поединок, но, к счастью для восточной партии, кто-то предложил компромисс: пусть Фукусима атакует передние ворота, а Икэда – задние. Таким образом, когда Иэясу прибыл в Киёсу 17 октября, обе армии уже примирились, а оба замка перешли в его владение.

Соперники оказались теперь очень близко друг от друга. Исида в Огаки находился примерно в шестнадцати милях от Гифу. Крепость Огаки была не очень удобной позицией. В отличие от Гифу, она стояла не на Накасэндо, а в нескольких милях от этой дороги. Поскольку Иэясу контролировал обе дороги, он мог бы выделить небольшие силы, чтобы запереть Исида в Огаки, а тем временем главные силы Восточной армии могли бы беспрепятственно двинуться по Токайдо и Накасэндо. Угроза была столь очевидной, что Исида вынужден был принять меры для ее предотвращения, на что, собственно, и рассчитывал Иэясу. Иэясу больше всего желал заставить Исида вступить в открытое сражение, поэтому шпионы и предатели преподносили последнему ложную информацию: Иэясу будто бы действительно хочет заблокировать Огаки и продолжать движение на запад. В результате 20 октября Исида отдал общий приказ направить войска в какое-нибудь подходящее место, где можно было бы остановить продвижение Восточной армии. Его союзники прибывали небольшими отрядами в течение последних нескольких недель. Те, кто не последовал к нему в Огаки, разбили лагерь вдоль Накасэндо, начиная от озера Бива. Последним из прибывших был Кобаякава Хидэаки, которой расположился в месте, по мнению Исида, представлявшем идеальную позицию, – в маленькой деревушке Сэкигахара.

Сэкигахара находится примерно в двенадцати милях за Огаки, у подножия горы Ибуки, на важном перекрестке на Накасэндо. В Сэкигахара ответвление от Токайдо подходит к Накасэндо, в то время как другая дорога отходит на север и идет вокруг Ибуки на Хокурикудо. Ранним вечером 20 октября 1600 г. Западная армия приготовилась к двенадцатимильному переходу в Сэкигахара. Погода была отвратительная. Когда они выступили во главе с Исида, начался мелкий дождь. Вскоре он превратился в ливень, а поднявшийся с Бива ветер понес его в лицо самураям. Дорога была узкой, склоны гор образовали воронку для ветра, а по склонам стекала дождевая вода. Пока они пробивались сквозь

мглу, ноги 50 000 марширующих солдат превратили дорогу в грязевую ванну. 21 октября, около часа ночи, дивизия Исида достигла Сэкигахара. Высшие чины нашли приют в домах вдоль дороги Хокурикудо, остальные разместились на соседних холмах. В четыре утра подошел контингент Сацума, за которым последовали Кониси Юкинага и, наконец, Укита Хидэиэ, чьи промокшие и забрызганные грязью самураи вошли в Сэкигахара незадолго до рассвета. Утро, впрочем, мало отличалось от ночи, поскольку вся местность была окутана плотным сырым туманом, который ограничил видимость до двух метров. Измотанные самураи поспали, сколько смогли, и около семи утра стали выжимать воду из одежды, а те, у кого не было водонепроницаемых футляров для аркебуз, сушили оружие. Тем временем их командиры пытались выстроить солдат в боевой порядок, насколько это было возможно в непроглядном тумане.

Дорогу на север закрывал на левом фланге Исида Мицунари, который расположил свой штаб в небольшой роще на вершине невысокого холма. Перед ним расположились его главный военный советник Сима Сакон и Гамо Хидэюки, по прозвищу «Биттё», сын покойного Гамо Удзисато, вместе с отрядом гарнизона Осака. Справа от дороги стояли Симадзу из Сацума под командованием Симадзу Ёсихиро, перед которым расположился Симадзу Тоёхиса. Он был сыном покойного Иэхиса и, как ни странно, был вооружен луком, что считалось весьма старомодным. Центр Западной армии составляли две больших дивизии Кониси Юкинага и Укита Хидэиэ. У Накасэндэ стояли самураи менее крупных даймё – Киносита, Тода Хирацука и Отани Ёсикацу. За Накасэндэ, у подножия холма Мацуо, стояли Вакидзака Ёсицугу, адмирал корейской войны, и Отани Ёсицугу, который страдал проказой, так что его приходилось нести в паланкине. На вершине холма Мацуо находился Кобаякава Хидэаки, чьи войска, таким образом, составляли правый фланг армии Исида. Его родственники заняли позиции выше по дороге, на склонах горы Нангу, откуда они угрожали левому флангу

Восточной армии.

Всего в Западной армии было 80 000 человек. Еще 13 000 были оставлены в Огаки или защищали другие крепости. Это давало некоторое численное преимущество над 74 000 солдат Иэясу, однако лояльность некоторых вождей Западной армии была под сомнением, в особенности это касалось Кобаякава Хидэаки. Отношения между ним и Исида всегда были напряженными, особенно со времени назначения Кобаякава главнокомандующим в Корею, а теперь этот ненадежный и обидчивый союзник занимал господствующую позицию в расположении войск Запада. Иэясу же достоверно знал, что тот охотно перейдет на его сторону, как только начнется сражение.

Восточная армия двинулась на Сэкигахара около трех утра. К тому моменту буря, которая потрепала Западную армию, почти стихла, но дождь продолжался и промочил солдат Востока не меньше, чем их противников. Туман они тоже застали. Авангард Фукусима Масанори даже столкнулся в тумане с арьергардом Западного отряда Укита Хидэиэ, который почти уже дошел до намеченной цели. Трудно сказать, для кого из них это было большей неожиданностью, однако обе армии сумели разойтись без перестрелки. К семи часам утра Восточная армия выстроилась в боевой порядок, столкнувшись с теми же проблемами, что и противник. Только бряцание оружия и отдаваемые приказы говорили самураям о том, что сейчас должна начаться одна из самых знаменитых битв в истории Японии.

Подножие горы Ибуки тянется в нескольких сотнях метров от Накасэndo, и основная часть Восточной армии заняла этот промежуток. Курода Нагамаса, в шлеме с огромными деревянными воловьими рогами, командовал правым крылом. Рядом с ним стоял Хосокава Тадаоки, в шлеме, украшенном изрядно намокшим и грязным фазаньим хвостом. Далее шли Като Ёсиаки и Танака Ёсимаса, а на левом фланге у дороги были Ии Наомаса и «Красные Дьяволы». Через дорогу, намного впереди остальных, встал

Фукусима Масанори, который незадолго до того уже чуть было не завязал бой с противником. Позади него были Кёгоку Такатомо и Тодо Такатора, а за ними, по южной дороге, подтягивал свое войско «старый верный» Хонда Тадакацу, которому в то время исполнилось 52 года.

Таким вот образом Иэясу собирался вступить в самое решающее в его жизни сражение. Последние минуты перед выступлением были лишены, что характерно, какого-либо драматизма. Он позавтракал вареным рисом и облачился в доспехи. Шлема он не надел, на нем была только шапочка из коричневого шелка. Несколько слов, брошенных свите, убедили их, что он разгонит западных конфедератов, как прежде громил своих врагов при Нагакутэ. Свою короткую речь он завершил одним из своих обычных афоризмов. Есть только два пути, сказал он: либо вернуться назад с окровавленной головой врага в руках, либо быть принесенным, но без собственной головы. С этими вгоняющими в дрожь словами Токугава Иэясу, которому было уже 58 лет, выступил в туманную мглу. В течение часа передовые линии обеих армий вглядывались в непроницаемый туман, который все еще покрывал поле боя. О присутствии врага на расстоянии всего двух полетов стрелы говорили только гул голосов, звон конской сбруи или случайный проверочный выстрел из аркебузы. Какие мысли могли мелькать в головах самураев в этом всеохватывающем сером тумане? Что до Иэясу, его мысли постоянно возвращались к одному и тому же вопросу: где Хидэтада? Его сын и наследник был где-то на Накасэндэ, между Эдо и Сэкигахара, с 38 000 солдат. Он задержался, чтобы осадить замок Уэда, и теперь должен был спешить изо всех сил, чтобы присоединиться к отцу.

В восемь часов утра 21 октября 1600 г. туман неожиданно рассеялся и ушел вверх по неровным склонам Ибуки. Долго секунды армии глядели друг на друга, стоя под мокрыми знаменами. Затем напряжение взорвалось боевым кличем со стороны Востока, когда Ии Наомаса повел

тридцать самураев против отряда застрельщиков Запада. Потрясая копьями, «Красные Дьяволы» врезались в ряды самураев Западной армии и опрокинули их, в то время как остальные люди Ии двинулись против дивизии Укита. Одновременно с ними Фукусима атаковал Укита, перейдя Накасэндэ, и люди, в шесть утра казавшиеся друг другу призрачными тенями, вступили в схватку. Сделав залп из аркебуз, самураи Укита отбросили их, скатившись по грязи на врага с обнаженными мечами в руках. Первая атака перешла в огромную рукопашную схватку, и тогда остальные передовые части Востока двинулись прямо на Исида, а второй ряд выступил вперед, чтобы атаковать Кониси. Сима Сакон, советник Исида, был ранен пулей и отошел в тыл. Самураи Сацума пока не двигались с места, ибо Симадзу Ёсихиро решил, что их время еще не пришло, несмотря на приказы, требования, а затем просьбы Исида. Дивизия Кониси была практически рассечена надвое атакой восточных самураев, но равновесие было отчасти восстановлено вмешательством Отани с его хорошо обученными штурмовыми отрядами, которые отбросили назад наступавших Тодо и Кёгоку.

Их успех указал Исида, что пришло время для общего наступления, и он дал сигнал Кобаякава ударить с холма Мацуо во фланг Восточной армии. Но Кобаякава не пошевелился. Сигналы Исида становились все более отчаянными. Кониси и Отани послали гонцов на холм, убеждая его атаковать, но опять ни один человек не двинулся. Отани стал подозревать неладное. Он и так уже почти заподозрил какое-то предательство, когда заметил, что атаки Восточной армии обходят холм Мацуо. Тогда правое крыло под командованием Ёсицугу развернулось на девяносто градусов – на случай, если Кобаякава выступит против них. Не только Западная армия следила за Кобаякава. Иэясу восседал на коне, нервно кусая пальцы. Чтобы напомнить Кобаякава о серьезности положения, он выслал вперед нескольких аркебузирова, чтобы они выстрелили в его сторону и посмотрели, что он предпримет. Это, похоже, его

пробудило, и самураи Кобаякава бросились вниз по склону на Отани. Люди Отани были вполне готовы к этой предательской атаке. Они открыли по ним огонь из аркебуз, и те десятками скатились вниз по склонам Мацуо. Одного доказательства намерений Кобаякава было достаточно для Иэясу, который приказал начать наступление по всему фронту.

Отани все еще держался против дезертиров и новой волны отрядов Востока, когда события получили совсем уже неожиданный оборот. «Адмирал» Вакидзака присоединился к предателю Кобаякава и напал на Отани. Наступил решающий момент. Самураи Отани были разгромлены, и Ёсицугу попросил одного из приближенных прикончить его.

Тем временем дивизию Кониси постепенно теснили назад. Люди Кобаякава прорвались через остатки войск Отани, обошли дивизию Укита и атаковали Кониси с тыла. Со всех сторон раздались крики: «Предательство!», как только ужасная новость пронеслась по рядам. Следом была атакована дивизия Укита. Укита ринулся сквозь массу окровавленных грязных самураев, чтобы лично обезглавить предателя Кобаякава, и вполне мог бы преуспеть в этом, если бы не его офицеры, которые схватили его и заставили отступить вместе с ними. Центр Западной армии был теперь полностью разбит, и Исида бросил все силы против отрядов Востока, атаковавших его возвышенность. Вскоре и он бежал, оставив только клан Симадзу. Тоёхиса пал, и Симадзу Ёсихиро оказался один, во главе приблизительно восьмидесяти самураев, среди бушующего моря ужасных врагов. Ии Наомаса отвлекся от преследования дивизии Укита, чтобы вступить с Ёсихиро в поединок, но в своих красных доспехах с золотыми рогами он представлял собой отличную мишень, и один из аркебузирова Сацума всадил ему пулю в левую руку. Симадзу Ёсихиро пришпорил коня, и остатки Симадзу прорвались сквозь толпу орущих самураев и ускакали прочь по дороге, ведущей на юго-запад. Когда они обогнули гору Нангу, они наткнулись на разведчиков частей

Мори и Киккава, которые провели утро в долине, прислушиваясь к шуму битвы. Симадзу сообщили им, что битва в самом деле проиграна, и из этого факта Киккава извлек кое-что для себя, дезертировав вслед за Кобаякава. Тем самым он лишил Мори Тэрумото всякой возможности нанести удар по левому флангу Иэясу.

К двум часам дня Иэясу уже знал, что этот день принадлежит ему. Он сел на походный стул и наконец надел шлем. Плотно завязав шнурки забрала, он сказал: «Одержав победу, подтяните шнурки вашего шлема» – изречение, которое стало японской поговоркой. Затем, с жезлом в руке, он приступил к церемонии осмотра голов. Один за другим командиры подходили к нему с докладами. Он тепло их приветствовал: сперва Курода Нагамаса, затем Хонда Тадакацу и Фукусима Масанори, собственного сына Тадаёси и раненого Ии Наомаса, чью руку Иэясу самолично перевязал. Все обернулись, когда подошел Кобаякава Хидэаки, который, не сказав ни слова, склонился перед Иэясу. Его предательство разрушило западную коалицию, но спасло империю. В тот же день прибыл пристыженный Токугава Хидэтада, и отец упрекнул его за опоздание.

Из-за драматизма этого сражения и большого количества людей, в нем участвовавших, возникла тенденция к преувеличению значения Сэкигахара. Победа Иэясу разрушила союз даймё и обеспечила возвышение дома Токугава, но не уничтожила главного препятствия его амбициям – Тоётоми Хидэёри, который все еще оставался наследником своего отца и был еще жив. Для Иэясу битва при Сэкигахара стала его Сидзугатакэ, но не его Ватерлоо. Тем не менее он восторжествовал над Исида, но даже если бы битва при Сэкигахара была проиграна, сомнительно, чтобы это могло сбить Иэясу с пути. Уэсуги был под надежным контролем, а Хидэтада подходил со свежей армией. Так или иначе, а Исида проиграл, отчасти благодаря дезертирству Кобаякава, но также и потому, что Западная армия не имела единого главнокомандующего.

Следует заметить, что, пока разворачивалась эта кампания, союзники обеих сторон сражались в других районах Японии. Хосокава Юсай, престарелый родитель Тадаоки, сторонник Иэясу, был осажден в своем замке западной партией. Старика, который был известным поэтом и ученым, так уважали, что, когда осаждавшие обстреливали замок из орудий, они преднамеренно стреляли холостыми. Другой старый самурай развил бурную деятельность на Кюсю. Курода Ёситака, чей сын Нагамаса сражался при Сэкигахара, провел энергичную кампанию по набору рекрутов. Поскольку все боеспособные самураи ушли с Нагамаса, он собрал странную толпу стариков, подростков, ронинов, крестьян и торговцев, вооруженных ржавым оружием, в доспехах с болтающимися на шнурах пластинами. Его щедрый обычай награждения рекрутов уже был описан в девятой главе. Самым активным из сторонников восточной партии на Кюсю был Като Киёмаса, которого Иэясу попросил остаться на острове. Старый солдат прекрасно использовал такую возможность для сведения старых счетов. Кониси Юкинага, который владел южной частью Хиго, был, естественно, при Сэкигахара, и Като воспользовался отсутствием соперника, чтобы пограбить его владения. Войска Като окружили замок Кониси, и гарнизон сдался на милость победителя, как только пришло известие о исходе битвы при Сэкигахара.

Что до самого Кониси Юкинага, конец его был благороден и трагичен, как и пристало самураю. После сражения он бежал в горы, но вскоре попал в плен, и ему было приказано покончить с собой. Он отказался, сказав, что Бог даровал ему жизнь и что не его дело ее прерывать. Он решил умереть как истинный христианский рыцарь, каковым он и был. Любопытно, что он был в плену у Курода Нагамаса, который, по-видимому, окончательно отрекся от своей веры после корейской войны.

Еще два пленника сопровождали Кониси к месту казни. Одним был Анкокудзи Экэй, другим – Исида Мицунари,

который в течение трех дней ускользал от преследовавших его отрядов. Решительный, как всегда, он попытался пробраться к морю, но подхватил дизентерию и в таком плачевном состоянии был выдан врагу. Всех троих посадили на ослов и с завязанными глазами провезли по улицам Осака, а затем – в телеге по Киото. Когда их доставили к месту казни в Рокудзё, где четыре с половиной века назад склонил голову Минамото Тамэси, Кониси призвал Христа принять его и держал в поднятой руке изображение Спасителя до тех пор, пока меч не опустился на его шею. С уходом Кониси Като Киёмаса явил свое истинное лицо и начал яростное преследование христиан в Хиго. Однажды он похвастался своими успехами Хосокава Тадаоки, который ответил: «Не знаю, есть ли христиане среди моих приближенных, знаю лишь то, что все они честные и верные люди».

После Сэкигахара Иэясу приступил к созданию стабильного центрального правительства Японии, о чем более подробно будет рассказано в следующей главе. Существование Хидэёри создавало некоторую неловкость, но не было стеснительным. С ним предстояло разобраться со временем, и это время, между 1600 и 1614 гг., принесло много изменений, не говоря уже о смерти многих из тех, кто вписал свои имена на страницы самурайской истории. В течение этих четырнадцати лет Павильон Белой Яшмы принял Курода Ёситака, Като Киёмаса, Асано Нагамаса, Асано Юкинага, Икэда Тэрумаса, Маэда Тосинага (его отец Тосиэ умер в 1599 г.), Ии Наомаса и Хонда Тадакацу.

В 1603 г. Токугава Иэясу был провозглашен сёгуном – эта должность оставалась вакантной с тех пор, как тридцать лет назад Ода Нобунага низложил Асикага Ёсиаки. В то время как Нобунага и Хидэёси не были потомками Минамото, Иэясу мог похвастаться родословной, восходящей к Минамото Ёсиэ, «Хатиман-таро». С назначением первого сёгуна Токугава военное правительство, основанное Ёритомо, вновь стало военным. Иэясу правил из Эдо, а не из Киото, почему время правления Токугава вошло в историю под именем

периода Эдо или Токугава. Высшим достижением Иэясу, благодаря основам, которые заложили Нобунага и Хидэёси, было то, что правительство самураев, созданное самураями и для самураев, не исчезло с лица земли, а просуществовало с 1603 по 1868 гг.

Для тех даймё, которые не умерли между 1600 и 1614 гг., это было время больших перемен. Прежде всего, их земельные владения либо увеличились, либо уменьшились в зависимости от того, на чьей стороне они были при Сэкигахара. Во-вторых, они предприняли строительство целого ряда больших замков, многие из которых стоят по сей день. К тому времени относятся замки Химэдзи, Хиконэ и принадлежавший Като Киёмаса Кумамото. Самым великолепным, конечно, был замок Эдо, в настоящее время императорский дворец в Токио. Одним из итогов этих архитектурных начинаний было почти полное банкротство нескольких второстепенных даймё. К большому сожалению Иэясу, с Хидэёри этот трюк не прошел.

Напомним, что мечи, конфискованные во время «охоты за мечами» 1588 г., были расплавлены и превращены в гвозди и болты для сооружения гигантской статуи Будды «во благо нации». Гигантский Будда был полностью уничтожен землетрясением 1596 г., при жизни Хидэёси, и восстановление этой статуи было одним из его великих замыслов. Иэясу предложил, чтобы Хидэёри и его мать продолжили этот труд для умиротворения духа Хидэёси. К 1602 г. статуя уже была восстановлена до уровня шеи, но в этот момент окружавшие ее леса каким-то образом загорелись, и вся работа обратилась в ничто. В 1608 г. восстановительные работы возобновились. На них было занято 100 000 человек, а расходы покрывались за счет золота из сокровищницы замка Осака. Финансы Хидэёри казались бездонными, однако Будда все же доставил ему некоторое беспокойство.

Поводом для размолвки с Хидэёри стала не сама статуя, а огромный колокол, отлитый для нее. Работа над ним была

закончена в 1614 г.; этот бронзовый гигант весил 72 тонны и достигал в высоту четырех с половиной метров. Сделанная на колоколе надпись и привела к падению дома Тоётоми. Она начиналась словами: «Да будет государство мирным и процветающим», или, по-китайски, кокка анко. Иероглифы, которыми написана эта фраза, включают знаки из и ясу (соответственно ка и ко на китайском). Поскольку его имя оказалось разорванным на две части, Иэясу притворился, что этим весьма оскорблен. Фраза «На востоке оно приветствует бледную луну, а на западе прощается с заходящим солнцем» также была воспринята как намек на то, что владыка Востока, т.е. Иэясу в Эдо, стоит рангом ниже, чем Хидэёри на Западе. Повод вроде бы и незначительный, но достаточный для Иэясу. Пошли слухи, что Хидэёри набирает ронинов для защиты Осака. Маэда Тосицунэ якобы получил от Хидэёри письмо, в котором тот писал о больших запасах риса, собранных в замке, и просил его прибыть в Осака. Тосицунэ передал письмо Иэясу. И среди всех этих слухов – трогательная фигура Хидэёри, который был столь далек от мыслей о войне, что в июне 1614 г. даже отослал назад в Хирадо большую партию пороха, потому что не мог его продать. Иэясу, однако, был настроен столь решительно, что к октябрю Хидэёри пришлось своими действиями подтвердить все слухи и принять какие-то меры, чтобы встретить надвигающуюся бурю.

Порох, который Хидэёри отослал в Хирадо, был с готовностью куплен Иэясу, который одновременно приобрел пять пушек. Четыре из них были «кулеврины», стрелявшие 18-фунтовыми ядрами, а пятая – пятифунтовый «сакер». Английским пушкам отдавалось предпочтение перед любыми орудиями японского производства. Мы уже говорили, что Иэясу обзавелся несколькими голландскими пушками незадолго до битвы при Сэкигахара, однако едва ли последние применялись в этом сражении, поскольку погодные условия и состояние грунта были тогда совершенно неподходящими для артиллерии. Как только начались

приготовления к войне, английские «торговцы оружием» неплохо заработали и на Хидэёри. Между июнем и октябрём цена на английский порох поднялась на 60%, а к декабрю цена низкокачественного японского пороха в четыре раза превысила цену лучшего английского на март месяц.

Хидэёри обратился за помощью ко всем великим даймё, но четырнадцатилетнее правление Иэясу оказалось столь эффективным, что ни один не ответил. С другой стороны, те, для кого его победа при Сэкигахара означала конфискацию имущества и фактическое уничтожение их кланов, с готовностью откликнулись. Поэтому в списке защитников замка Осака мы встретим немного знакомых имен. Среди тех, кто уже был с Хидэёри, были Оно Харунага и его брат Харуфуса; Кимура Сигэнари, который, как подозревали, был христианином; Ода Юраку, брат Ода Нобунага – еще одна странная семейная связь с прошлым. Среди тех, кто к ним присоединился, следует назвать Тосокабэ Морисигэ, который сражался при Сэкигахара и сдался Курода Нагамаса; Гото Мотоцугу, еще одного христианина, чья семья поддержала Хидэёси во время вторжения на Кюсю; и, наконец, Санада Юкимура. Санада, вместе со своим отцом Масаюки, как раз и задержал Хидэтада и его 38 000 солдат под своим замком Уэда накануне битвы при Сэкигахара. Он был мастером осадного искусства и столь ценным союзником для Хидэёри, что его назначили главнокомандующим.

Остальные 60 000 самураев, собравшихся в замке Осака, были ронины, самурай, чьих хозяев лишили имущества или казнили. Защита Осака давала им возможность как отомстить, так и получить работу. Им нечего было терять в случае поражения, но в случае победы они могли получить все. Среди ронинов было немало христиан, и один иезуит, некий отец Гирао, писал: «... было так много крестов, Иисусов и Сантьяго на их знаменах, палатках и прочих военных эмблемах, которые японцы используют при устройстве военного лагеря, что Иэясу должно было тошнить от всего этого».

Что до осаждавших, то среди них было много потомков весьма благородных фамилий, равно как и много знакомых лиц. Там были Датэ Масамунэ, «Одноглазый Дракон», и Уэсуги Кагэкацу, окончательно покорившийся Иэясу. Среди сыновей знаменитых самураев надо отметить Асано Нагаакіра, сына Нагамаса; Хонда Тадамаса и Тадатомо, сыновей Тадакацу; Ии Наотака, который теперь командовал «Красными Дьяволами»; Маэда Тосицунэ, сына Тосииэ; Вакидзака Ясумото, сына Ясухару, и Симадзу Иэхиса, сына Ёсихиро, названного в честь своего доблестного дяди. Были там и некоторые из сыновей Иэясу. Их отцу было уже семьдесят три года, но этот «грозный старец» был хитер, как и прежде.

Замок, построенный на месте прежнего Исияма Хонгандзи, который так долго держался против Нобунага, был, бесспорно, самой мощной крепостью во всей Японии. Рельеф местности Осака, который с 1614 г. сильно изменился, был использован в полной мере. В то время море было на несколько миль ближе к замку, чем сейчас, и охватывало его с запада. К северу от него протекали реки Тэмма, Ёдо и Ямато, превращавшие плоские рисовые поля в запутанную сеть островков. Сам замок имел два рва и был окружен массивными стенами высотой 40 метров. Эти стены стоят до сих пор, а цитадель была восстановлена недавно, вскоре после второй мировой войны. В 1614 г. цитадель была чисто военным сооружением, а жилые покои располагались за внутренними стенами. Готовясь к осаде, Хидэёри значительно усилил укрепления замка. К западу от замка проходил канал, а к востоку – ручей. Ронины приступили к работе и соединили их рвом 80 метров шириной и 12 метров глубиной, который был заполнен водой на глубину от 4 до 8 метров. Позади этого нового рва была возведена каменная стена высотой в 3 метра. Когда работы были закончены, чтобы осмотреть внешние укрепления замка Осака, пришлось бы совершить прогулку в девять миль. Санада Юкимура расширил их, построив бастион, названный бастионом Санада, перед

воротами Хатомэ, со стеной и пустым рвом, с частоколом на обеих сторонах рва и внутри него. Помимо этого, защитники укрепили форпосты на окраинах Осака. У них была хорошая артиллерия, включая крепостные пушки, достигавшие в длину трех метров, и полевые орудия. Две пушки, в частности, стояли по сторонам от главных ворот. Повсюду стены оцетинились орудиями, через каждые сто метров стояли метавшие огонь баллисты. За этими стенами Хидэёри и его 90 000 изгоев готовились встретить «грозного старца».

2 ноября 1614 г. Иэясу приказал Хидэтада мобилизовать все войска, имевшиеся в Эдо. 5 ноября находившиеся в резиденции даймё отправились в свои владения, чтобы собрать войска, а Иэясу тем временем двинулся в Осака и 24 ноября прибыл в Киото, где его пятый сын Ёсинао поджидал его с 15 000 солдат из его нового замка Нагоя. В тот же день основные силы стали покидать Эдо: Токугава Хидэтада с 50 000 человек, Датэ Масамунэ с 10 000, Уэсуги с 5 000 и Сатакэ с 1 500. К 10 декабря вся Восточная армия, численностью 180 000 человек, ровно в два раза больше, чем у защитников Осака, набросилась на крепость, «как волк на стадо».

Присущая Иэясу самоуверенность не покинула его и теперь. На лояльность своих войск он мог положиться хотя бы уже потому, что их семьи практически оставались заложниками в Эдо. Атака с тыла была исключена, однако число противников оставалось неизвестным. Фанатизм подавляющего большинства ронинов Хидэёри питала надежда увидеть голову Иэясу выставленной на воротах замка. Одним из слабых звеньев обороны Осака, которое Иэясу рассчитывал использовать, было присутствие в крепости Ёдогими, матери Хидэёри, вдовы великого Хидэёси. Однако в психологической войне не было необходимости, когда преобладала военная сила, и военная машина Токугава пошла на приступ стен замка.

Первые стычки были связаны с захватом форпостов, что было достигнуто к концу 1614 г., хотя и не без тяжелых потерь для Восточной армии. 3 января 1615 г. Иэясу приказал

начать штурм южных укреплений замка. Перед рассветом войска Маэда Тосицунэ подошли к бастиону Санада. Санада послал нескольких самураев на стену, чтобы подразнить врагов. Несколько оскорблений вскоре произвели желаемое действие, и самураи Маэда попытались взобраться на стену, а люди Санада тем временем косили их прицельным аркебузным и мушкетным огнем. Подошел еще один отряд, но и он попал под обстрел – плотность огня не уступала Нагасино. На другом участке стены «Красные Дьяволы» Ии сумели взобраться на укрепления, но, прорвавшись во внешнее кольцо обороны, они встретили 8 000 самураев Кимура Сигэнари, вооруженных в основном огнестрельным оружием. Так еще одна дивизия была искрошена. На следующий день очередной штурм был отбит Тосокабэ.

Испытав боевой дух защитников, Иэясу приказал по – строить частокол и вал вокруг внешних стен. Хидэтада высказывался в пользу общего штурма и не мог понять колебаний отца. Иэясу же понимал, что замок слишком хорошо укреплен, чтобы его можно было взять штурмом, и приказал начать бомбардировку, которая продолжалась в течение трех дней, на рассвете и в десять вечера, в то время как саперы пытались сделать подкоп под башни внешних укреплений. Иэясу лично наблюдал за ходом операции, подвергая себя немалой опасности. Однажды защитники заметили знамя Токугава, развевавшееся на одной из осадных башен, и открыли по ней огонь из пушек и мушкетов, но Иэясу не пострадал.

Кампания под Осака не была пикником, как осада Одавара. Победа над Ходзё была одержана в разгар лета, а теперь стояла зима. Несмотря на страшный холод, от которого осаждавшие страдали больше, чем осажденные, самураи ухитрились поддерживать бодрое настроение. Фурута Сигэнари, известный мастер чайной церемонии и храбрый самурай, однажды обходил дозором частокол, поставленный солдатами Сатакэ к востоку от укреплений. Среди кольев он заметил изящный ствол бамбука и нагнулся,

чтобы срезать и сделать чайную ложку. Пока он этим занимался, бдительный снайпер со стены прицелился ему в голову и всадил пулю в назатыльник его шлема. Фурута остался невозмутим. К изумлению свиты, он извлек из-под доспехов пурпурный платок и тщательно вытер кровь со щеки.

Осада, таким образом, продолжалась. Было несколько стычек, особенно на северной стороне, где защитники обложили стены мешками с рисовой соломой, но от этого дело не продвинулось. Дело было в том, что до тех пор, пока гарнизон действовал заодно, замок оставался фактически неприступным. По реке Ёдо курсировал сторожевой корабль, но блокада не имела смысла, поскольку незадолго до начала осады в амбары замка были отгружены 200 000 коку риса, что было лишь частью общего запаса. В замке был свой колодец, огромные запасы пороха и ядер, и теоретически он мог выдерживать осаду при полном рационе в течение нескольких лет. К тому же, согласно некоторым источникам, к концу 1614 г. 35 000 из 180 000 людей Иэясу были выведены из строя. Теперь волноваться приходилось Иэясу, поскольку время работало на Хидэёри. В течение шести недель тот не уступал самой могущественной силе в стране, и на фасаде непобедимости Токугава стали появляться трещины. Если бы Хидэёри удалось продержаться еще некоторое время, вскоре выяснилось бы, кто из союзников Токугава находится под Осака только по принуждению, и началось бы массовое дезертирство. Короче говоря, удача семьи Токугава подвергалась гораздо более суровому испытанию, чем накануне Сэкигахара.

К счастью для «грозного старца», он прекрасно понимал сложившуюся ситуацию. Провал его первых атак заставил его полностью отказаться от решения проблемы чисто военным путем. Подкуп был столь обычным элементом осад, что превратился почти что в уважаемое дело. Нашелся и предатель, но несчастного укоротили на голову прежде, чем он сумел добраться до каких-либо ворот и открыть их. Тогда

Иэясу попытался подкупить храбрейшего из всех, Санада, предложив ему всю провинцию Синано, но Санада был неподкупен и гордо рассказывал об этом предложении в замке, как о признаке отчаяния Токугава.

Подкуп не удался, и Иэясу обратил все свое внимание на упомянутое уже слабое звено в обороне противника – мать Хидээри. Дама по имени Ата Цубонэ была послана Иэясу обсудить с ней ряд чисто фиктивных условий перемирия. Чтобы сделать Ёдогими более склонной к мирным переговорам, осаждавшие начали страшную бомбардировку из сотни пушек крупного калибра, которая не давала дамам спать ни минуты. Лучшие артиллеристы Токугава навели несколько пушек на женскую половину дворца, и им удалось забросить за стену тринадцатифунтовое ядро, которая попало в чайную комнату Ёдогими и убило двух слуг. Несколько дней спустя те же пушкири угодили ядром в святилище, построенное в память Хидээси, и едва не снесли Хидээри голову.

Давление продолжалось, а Ата Цубонэ тем временем вела переговоры. Иэясу, похоже, прекрасно понял настроение Ёдогими, поскольку она стала умолять сына пойти на компромисс. Командиры гарнизона с негодованием отнеслись к этим пацифистским настроениям. Гото Мотоцугу подчеркивал необходимость сохранить единство любой ценой, а Хидээри утверждал, что, если надо, он готов сделать замок своей могилой. Оба были согласны в одном – Иэясу доверять нельзя. Много лет назад, во время кампании против Икко-икки, он уже проявил подобное коварство. Тогда тоже велись мирные переговоры, и, согласно одному из пунктов, по которому стороны пришли к соглашению, всем принадлежавшим монахам храмам должен был быть возвращен их первоначальный вид. Сразу после заключения договора люди Иэясу подожгли храмы и спалили их дотла. Когда монахи выразили протест по поводу такого вероломства, Иэясу пояснил, что под «первоначальным видом» следует понимать зеленые поля, на которых изначально не

стояло никаких храмов!

Обстрел тем временем продолжался, а Восточная армия, чтобы доставить больше неудобства осажденным, периодически поднимала страшный крик под стенами, применяя тактику Иисуса Навина под Иерихоном. Стены не обрушились, но воющие в унисон 100 000 самураев действовали Ёдогими на нервы.

Сколь бы невероятным это ни казалось, но Хидээри удалось переубедить при помощи Оно и Ода, которые в соглашении с Токугава видели способ вернуть то, что они потеряли. Мирные условия были выдвинуты, обсуждены и подписаны со всей возможной торжественностью кровью из кончика пальца Иэясу. Это был самый лживый и предательский документ в истории самураев. Меньше всего Иэясу жаждал мира. Единственной его целью, когда он выдвигал мирные условия, было ослабить защиту замка перед грядущей осадой. Условия были очень простыми: полное прощение всем ронинам, полная свобода выбора места жительства для Хидээри в обмен на клятву не поднимать восстания против Иэясу. Важным было то, что не было упомянуто в документе. Во время затянувшихся переговоров Иэясу, как бы между делом, сказал посреднику из Осака, что, поскольку война подходит к концу, надо бы засыпать внешний ров замка. Это дополнительное условие упоминалось Иэясу и его представителями по меньшей мере три раза, однако засыпка рва так и не была ни должным образом обсуждена, ни востребована и не была включена в окончательный вариант договора.

22 января 1615 г., на следующий день после заключения договора, Иэясу сделал вид, что распускает свою армию. На деле это свелось к тому, что Симадзу отошли к ближайшему порту. В тот же день почти все войско Токугава принялось засыпать внешний ров. Руководить работами по сносу укреплений было поручено клану Хонда, которые так торопили и напрягали самураев, что в течение недели внешняя стена укреплений была целиком сброшена во

внешний ров, который таким образом прекратил свое существование. Командиры в Осака, естественно, протестовали, и их протесты стали еще более неистовыми, когда «землекопы» Хонда принялись за второй ров. Хонда извинился и объяснил, что, по-видимому, его офицеры неправильно поняли его приказание. В присутствии представителей из Осака он лично велел прекратить заполнение рва. Как только представители удалились, работа возобновилась с удвоенной силой. Тогда стала жаловаться Ёдогими, которая отправилась в Киото выразить протест старшему Хонда, Масанобу. Тот убедил ее, что обязательно проследит, чтобы ничего больше не разрушалось. К сожалению, объяснил он, сейчас у него сильная простуда, но он обязательно свяжется с племянником, как только поправится.

Верный своему слову, Хонда Масанобу отправился в Осака, где пожурил племянника за его «глупость», однако, сказал он Ёдогими, чтобы выкопать второй ров, потребуется в десять раз больше труда, чем было затрачено на его засыпку. К тому же теперь, когда заключен мир, этот ров стал и вовсе не нужен. Через двадцать шесть дней после начала работ второй ров также был полностью засыпан и укрепления Осака сведены к одному рву и стене. Неудивительно, что для японцев «зимняя кампания под Осака» стала синонимом глупого пацифизма.

Через три месяца Иэясу вновь напал на замок Осака. В эту «летнюю кампанию», как ее называют, он намеревался сокрушить Осака «окончательно, решительно и эффективно». Единственное, что ему требовалось, – это предлог для начала войны, и сообщения, что Хидээри лихорадочно восстанавливает второй ров, послужили поводом для обвинения его в нарушении договора. Расчетливо распространенных по Киото слухов, что ронины Осака вернулись назад и собираются грабить столицу, было достаточно, чтобы Иэясу предстал едва ли не спасителем.

Хидээри на самом деле успел выкопать значительные

участки второго рва и к началу летней кампании установил вокруг него частокол. Ему также удалось привлечь под свои знамена, вернее, под «золотой ковш» своего отца, который воодушевлял всякого, кто его видел, гораздо больше ронинов, чем прежде. Общее количество солдат, набранных Хидэёри, было 120 000 – на 60 000 больше, чем во время зимней кампании, и среди них опять было много христиан. Шесть больших знамен имели изображение креста, в крепости было несколько иностранных священников. Достоверно неизвестно, сколь велики были силы Токугава, но они вполне могли достигать четверти миллиона.

Первыми в наступление перешли войска Осака. 28 мая Оно Харуфуса ввел 2 000 солдат в провинцию Ямато. Сжигая все на своем пути, они дошли до Нара. 30 мая он вновь повернул на юг, чтобы блокировать продвижение армии Асано, и сжег город Сакаи. Гарнизон Осака вновь воодушевился. Они были унижены во время зимней кампании, но не побеждены. Если бы они могли разбить отдельные дивизии армии Токугава прежде, чем те достигнут Осака, тогда вторая осада их предательским образом ослабленного замка не состоялась бы. Им это почти удалось. 1 июня армия выступила, чтобы блокировать пути, ведущие из Нара. К несчастью, основная часть войска заблудилась в тумане, оставив 2 400 человек с Гото Мотоцугу, чьи небольшие силы вскоре были смяты численно превосходящим противником. Тем временем Тосокабэ и Кимура пытались сдержать Тодо и Ии, но и они были отброшены назад, и гарнизон отступил в замок Осака, вернее в то, что от него осталось.

На военном совете, который был собран 2 июня 1615 г., решено было встретить войско Токугава в открытом бою к югу от бывшего внешнего рва. Этой битве, битве при Тэннодзи, суждено было стать тем, за что часто принимают сражение при Сэкигахара – последней битвой самураев в истории Японии. Если не говорить о мелких восстаниях и стычках, 3 июня произошло последнее столкновение между

двумя огромными армиями японских самураев – то, чего мир больше никогда не увидит.

План был следующий: Санада, Оно и другие командиры предпримут сдерживающую атаку во фронт Токугава, а тем временем Акаси Морисигэ совершит широкий обход и нападет на Токугава с тыла. Когда атакует Акаси, гарнизон сделает вылазку во главе с Хидэёри, неся перед собой «золотой ковш» Хидэёси. Столь грандиозный план достоин был бы увенчаться успехом.

Утром того рокового дня войска Токугава растянулись от реки Хирано до берега моря. Справа был Маэда Тосицунэ, слева от него Тодо, далее стоял Ии Наотака с «Красными Дьяволами». Наотака был облачен в доспехи, подобные тем, что его отец носил при Сэкигахара. Они весили около 40 кг, и Иэясу считал, что это из-за их чрезмерной тяжести Наомаса получил ранение в этой битве. В авангарде основных сил Токугава был младший сын Хонда, Тадатомо. На левом фланге, ближе к тылу, стоял Датэ Масамунэ, а в тылу, у самого берега моря – Асано Нагаакира. По мнению их отца, битва должна была дать «полезный практический опыт» младшим сыновьям Иэясу – Ёринобу и Ёсиано. Главнокомандующим Иэясу назначил Хидэтада.

Передовые части Осака, около 54 000, выстроили свои главные силы за Тэннодзи, напротив центра Токугава, под командованием Санада Юкимура и Мори Кацунага, который не приходился родственником другому Мори. Позади них дивизии резерва развернулись до самого замка, где Ода Харунага занял позицию перед бывшим бастионом Санада.

Стоял ясный летний день. Не было тумана, скрывавшего передвижения войск, и не было беспорядка, только тщательно выравненный строй, дым фитилей и колыхание высоких знамен. Иэясу посоветовал самураям оставить коней позади и двигаться в пешем строю с длинными копьями. Некоторое время обе армии глядели друг на друга, думая, видимо, о том, что кровавое дело, к которому они вскоре должны приступить, решит все. Одержат ли они победу или будут

разбиты – в любом случае это будет последняя битва, в которой они примут участие. Века четыре назад на этой стадии боя они вступили бы в перестрелку из луков или стали бы вызывать друг друга на поединки. Вместо этого нетерпеливые ронины Мори Кацунага открыли аркебузный огонь по стоящим напротив них войскам Токугава. Санада, желая избежать преждевременного столкновения, на тот случай, если Акаси задержится со своим обходным маневром, приказал им прекратить огонь, но они лишь удвоили свои усилия и уложили нескольких врагов. Быстро обсудив ситуацию с Санада, Мори решил использовать приподнятое настроение своих людей и повел их в атаку, которая прорвала передние ряды Токугава и вынесла их к стоявшим позади главным силам.

Санада понял, что раз сражение началось, оно должно продолжаться, и послал своего сына галопом в замок сказать Хидэёри, чтобы тот выступал немедленно, а сам повел свои отряды против рекрутов из провинции Этидзэн на левом фланге Токугава. Они обрушились на эти 15 тысяч, и успеху их стремительной атаки способствовал самый неожиданный маневр: по морскому берегу, направляясь к левому флангу Токугава, двигались самураи Асано Нагаакира. Это внезапное передвижение слишком напоминало Сэкигахара, и крики «предательство!» раздались со всех сторон. Задние ряды солдат Этидзэн в беспорядке отступили к основным силам Токугава, которые полностью развернулись, сдерживая ронинов Мори, сражавшихся как дикие кошки. В этой рукопашной схватке наступала то одна сторона, то другая, и Иэясу был так обеспокоен, что сам полез в схватку, чтобы поддержать боевой дух своих солдат. Традиция упорно утверждает, что в этом бою он был ранен копьем, которое прошло рядом с почкой. Достоверно лишь то, что предполагаемое предательство Асано посеяло такую панику среди его людей, что Иэясу был вполне готов совершить харакири.

День спас молодой Хонда. Он повел свои войска против

Санада и вместе с перестроившимися воинами Этидзэн сумел оттеснить его к Тэннодзи. Санада был измотан и присел на походный стул, чтобы прийти в себя. Самурай по имени Нисио Нидзэмон заметил его, но Санада слишком устал, чтобы принять вызов. Он просто представился и снял шлем. Вскоре Нисио ушел с головой храбрейшего из храбрых.

Быстро разлетевшаяся новость о смерти Санада воодушевила Восточную армию, к тому же стало очевидно, что подозрительные передвижения Асано были всего лишь неуклюжей попыткой послать подкрепления. Хидэтада отделил Ии и Тодо от правого крыла и послал их поддержать главные силы, которые теперь стали теснить войско Осака назад к замку. Солдаты Тодо испытали на себе превратности войны, когда под ними взорвалась подземная мина.

Как только Хидэтада отправил отряды Ии и Тодо, он лихорадочно начал давать им сигналы, чтобы они вернулись, ибо Ода использовал свое положение в центре, чтобы бросить против Хидэтада своих самураев. Маэда на правом фланге тоже был призван на помощь, но не двинулся. Вновь заподозрили предательство, однако бездействие Маэда, как оказалось, было вызвано тем, что его солдаты еще не кончили обедать. Увидев, что войска Осака двигаются против армии «господина», Ии Наотака развернулся и поспешил на выручку. Солдаты Осака были хорошо обеспечены аркебузами, они застрелили двух знаменосцев Ии, которые несли его красное знамя и «штандарт-мухоловку». Люди Ии были оттеснены к дивизии Хидэтада, и все пришло в смятение. Хидэтада сам бросился в гущу сражения, но два офицера схватили его коня под уздцы и вернули его обратно, а тем временем Като Ёсиаки и Хонда Масанобу сумели навести некоторый порядок в рядах. Солдаты Маэда, должным образом подкрепившись, теперь сражались с Оно, который отошел слишком далеко от стен замка. Датэ Масамунэ тем временем разделался на своем фланге с очередным «предательством», пристрелив самурая, который, как оказалось, слишком устал, чтобы двигаться. Если бы

внезапная атака армии Осака шла по плану, она, вероятно, удалась бы, но Акаси перехватили по дороге, а Хидэёри еще не появлялся. К тому моменту, когда он появился у ворот, было уже поздно. Превосходящие силы Восточной армии теснили гарнизон Осака к стенам.

Последующие действия этой драмы запутаны. Восточная армия проникла в замок и вступила в яростную рукопашную схватку с внутренним гарнизоном. Мидзуно Кацусигэ из Восточной армии установил свой штандарт напротив ворот Сакура, южных ворот внутренней крепости. Вскоре и она пала. Восточная армия устремилась внутрь, а гражданские и прислуга в страхе бежали. Хидэёри отступил в цитадель, где Иэясу велел Ии Наотака его стеречь. Ии понял этот приказ по-своему и стал обстреливать цитадель из орудий. Пламя уже поднималось в нескольких концах замка; первый пожар, говорят, устроил повар Хидэёри. К пяти вечера весь замок оказался в руках Иэясу, а Хидэёри был заперт в цитадели. Ии Наотака продолжал обстреливать ее всю ночь, и к утру Хидэёри понял, что ему не будет пощады. Вскоре над цитаделью поднялось пламя. Хидэёри и Ёдогими покончили с собой среди огня, и цитадель могучей крепости Хидэёси стала погребальным костром семьи Тоётоми.

Пока пепел остывал, пришло возмездие. Никакие восстания в будущем не должны были нарушать правление Токугава Иэясу. Поэтому восьмилетний сын Хидэёри был обезглавлен. Он был последним из Тоётоми. Тосокабэ тоже обезглавили вместе с таким количеством ронинов, что их головы были выставлены вдоль всей дороги от Киото до Фусими.

Читатель, вероятно, не мог не заметить снижения боевых качеств самураев Токугава. Прошло сорок лет со времен Миката-га-хара, и самураи под Осака принадлежали совсем иному поколению чем те, которые сражались с Сингэном. Самураи Токугава перестали быть маленьким храбрым кланом, боровшимся за свое существование. Они превратились в армию сёгуната Токугава, армию

правительства. Ронины в Осака, напротив, отчаянно дрались за свою жизнь, героизм проявлялся главным образом с их стороны. Санада Юкимура достоин встать в один ряд с благороднейшими из самураев.

Лишь одно не изменилось на стороне Токугава. Токугава Иэясу участвовал в своем первом сражении, когда ему было семнадцать лет, в двадцать семь он прикрывал отступление Нобунага из Этидзэн. Теперь, в семьдесят четыре, он все еще был настоящим, хотя и зловещим, героем. Падение Осака завершило военную часть великого замысла Токугава, но Иэясу не довелось долго наслаждаться своим триумфом. Следующей весной его подкосила болезнь – как считают, рак желудка. Благодаря активной жизни он сохранял удивительное для того времени здоровье. Он еще размахивал мечом на смертном ложе, но через несколько дней все же отправился в Павильон Белой Яшмы. Не было ни восстаний, ни мятежей. Бремя власти спокойно перешло на могучие плечи Хидэтада, а Иэясу похоронили в самой великолепной гробнице в мире, в храме Никко, одном из чудес Японии. Его обожествили и поклонялись ему как Тосё-гу, солнечному богу Востока. Едва ли он мог просить большего.

Глава XII

Упадок и возрождение

Достигнув вершин в искусстве войны, сёгунат Токугава смог обратиться к мирным проблемам. Главной из проблем было содержание того, что после Осака превратилось в армию мирного времени. Армия клана Токугава стала армией японского государства. Она значительно выросла с тех пор, как молодой Иэясу водил в бой своих самураев, и в ее организации произошло, по крайней мере, одно значительное изменение. Мы уже видели, как, после поражения Такэда, Иэясу принял в свои ряды бывших приближенных великого Такэда Сингэна. Мало кто знает, что Иэясу был обязан Сингэну не только присутствием в своем войске лучших самураев Японии. Ему пришлось полностью реорганизовывать армию около 1584 г., когда один из его си – тэнно, Исикава Кадзумаса, перебежал к Хидэеси (это было во время кампании при Комаки) и передал ему сведения о структуре, организации, снабжении и размещении армии Иэясу. Модель, по которой Иэясу воссоздал свою реформированную армию, принадлежала Такэда Сингэну. Она оказалась столь удачной, что в основе своей просуществовала до самого конца сёгуната Токугава.

Кроме Токугава, которые владели 20% всех земель, были и другие имена, одни – их прежние союзники, другие – бывшие враги, которые управляли своими владениями так же, как и их господа в Эдо, только владения их были меньше. Крупнейшими из этих даймё были Маэда, доход которых составлял примерно четверть дохода Токугава. Когда установился сёгунат Токугава, термин даймё, до тех пор применимый к любому крупному землевладельцу, стал обозначать землевладельца, годовой доход которого составлял 10 000 коку или более. Даймё, таким образом, стали высшей прослойкой самурайского сословия при сёгунате. Стремительный рост укрепленных городов и распределение даймё по провинциям, указанным Токугава, еще более

усилили заметную уже при Нобунага тенденцию к превращению самураев в замкнутое сословие. Хидэёси отнял у крестьян оружие. Теперь Иэясу и его преемники лишали их самоуважения. Если крестьянин оскорбил самурая, он мог быть убит на месте самурайским мечом. Рассказывают историю, как один старый торговец маслом обругал Иэясу, и тогда один из его приближенных рубанул его мечом по шее. Клинок прошел сквозь нее так стремительно, что торговец сделал еще несколько шагов, прежде чем голова скатилась с его плеч. Случаи столь быстрого возмездия были, к счастью, очень редкими, но два меча на поясе самурая оставались символом его власти, которую низшие сословия волей-неволей должны были признавать.

С военной точки зрения, в годы мира и организация, и личный состав военной машины Токугава все больше и больше бюрократизировались. В системе Токугава самурайское сословие делилось на хатамото, или «знаменных», и го-кэнин, или «домашних». Хатамото, что буквально означает «под знаменем», – самурай с доходом от 100 до 10 000 коку. «Домашние» имели доход менее 100 коку; существовали также соответствующие подразделения для приближенных даймё.

Основной военной функцией «знаменных» и «домашних» было формирование армии запаса. В случае войны «знаменные» должны были снарядить определенное число всадников, соответствующим образом вооруженных, и число это зависело от их дохода. В самом начале сёгуната Токугава число это равнялось приблизительно трем воинам на каждые 100 коку, откуда можно рассчитать и вклад отдельных даймё в формирование армий, сражавшихся при Сэкигахара. Надо отметить, что во время корейской войны Хидэёси потребовал от даймё Кюсю по шесть человек на каждые 100 коку и меньшее число людей от других магнатов, пропорционально удаленности их владений от Кюсю. Разнарядка, или предписание о распределении по видам оружия, пересматривалась в 1616, 1632 и 1642 гг., и

последнее предписание оставалось в силе до конца существования сёгуната. По предписанию 1649 г. «знаменный» с доходом, скажем, в 200 коку должен был выставить одного меченосца самурайского сословия («домашнего»), одного копьеносца (дитто) и трех человек прислуги (простолудинов), что составляло, включая его самого, шесть человек. «Знаменный» с доходом в 1 000 коку выставлял одного аркебузира, одного лучника, двух копьеносцев, пять меченосцев и пять человек прислуги. Это совпадает с описанием европейского наблюдателя того времени, согласно которому даймё должен был снарядить по двадцать пехотинцев и по два всадника на каждые 1 000 коку своего годового дохода.

Элиту армии Токугава составляла О-бан, или Великая Гвардия, которая первоначально делилась на три отряда. Когда армия Иэясу во время корейской войны отправилась в Нагоя нести гарнизонную службу, их было уже пять, а к 1623 г. число отрядов достигло двенадцати. Каждый отряд включал капитана (о-бан касира), пять лейтенантов (о-бан кумигасира) и пятнадцать гвардейцев (о-бан). Каждый капитан имел под своим началом тридцать «домашних», а его перечисленные выше подчиненные выставляли своих людей в соответствии с разнарядкой. Помимо Великой Гвардии, существовали также лейб-гвардия (соин-бан), охранявшая персону сёгуна; Внутренняя Стража (косо-бан), охранявшая замок Эдо; Новая Гвардия (син-бан), ничего конкретного не охранявшая и сформированная в 1643 г., скорее всего, затем, чтобы обеспечить должностями родственников многочисленных наложниц третьего сёгуна Токугава, Иэмицу.

Помимо бан, существовал еще целый ряд специальных подразделений, различавшихся главным образом вооружением, как, например, 25 отрядов по сотне всадников, вооруженных ружьями и известных как тэппо хяку-нин – гуми. С точки зрения военной они были эффективнее вооруженных мечами конников Великой Гвардии, но по статусу тем не менее стояли гораздо ниже. Зачисление в бан,

особенно в Великую Гвардию, было престижно и служило началом военной карьеры. Особого мастерства в обращении с оружием для этого не требовалось, и, поскольку воевать было не с кем, поддерживать боеспособность армии было непросто. В 1650 г. вышел закон, запрещающий праздным гвардейцам устраивать поединки и осуществлять кровную месть, за которым последовал другой закон, предписывавший им содержать в порядке военное снаряжение. В 1694 г. появился даже закон, требовавший, чтобы самураи армии сёгуната совершенствовались в военном искусстве, что странным образом противоречит распространенному взгляду на самураев. Многие гвардейцы Великой Гвардии, как оказалось, не умели даже плавать, не говоря уже об обращении с мечом. Энергичный сёгун Ёсимунэ попытался в 1701 г. возродить спартанские доблести самурайства, но его призывы ни к чему не привели. Упадок самурайства был вызван не только отсутствием возможности попрактиковаться в военном деле. К концу семнадцатого века самураев занимали не столько тонкости фехтовального искусства, сколь необходимость сохранить платежеспособность. В мире постоянно растущих цен ежегодное жалованье, выраженное в рисе, обеспечивало самураю фиксированный годовой доход. Уже в 1630 г. расходы, связанные с периодическим пребыванием в Эдо для несения стражи и выполнения других обязанностей, вызывали у многих финансовые затруднения. Предметы роскоши, которых требовала жизнь в столице сёгунов, стоили дорого, и это сказывалось на способности знаменного самурая содержать ту вооруженную свиту, которую он обязан был выставять согласно предписанию. В 1633 г. жалованье было повышено, однако его все равно было недостаточно, чтобы удержать самураев от посещения ломбардов и ростовщиков. В 1673 г. один самурай, с жалованьем в 300 коку, столкнулся с неразрешимой финансовой проблемой. Его жалованье было равно 75 рё в серебряной монете (что соответствует примерно полутора килограммам золота), однако в тот год он потратил 38 рё на содержание всадников и прислуги, 10 на покупку

коня и фураж, 18 на масло, овощи и прочие предметы первой необходимости и 30 на одежду, бумагу и всякую всячину, что составило в итоге 108 рё. Недостающие деньги ему пришлось занимать у ростовщиков. В конце XVIII века один самурай продал свое жалование в рисе, чтобы заплатить за жилье. Хотя самурай и пользовался правом носить два меча, звонкой монетой владело презренное торговое сословие.

Самый яркий пример все большего обнищания самурайского сословия относится к 1856 г., к самому концу правления Токугава, когда один самурай вынужден был занимать деньги у тех самых крестьян, которые обрабатывали его земли. Крестьяне, над которыми в теории он имел право жизни и смерти, грозили оставить должности сельских старост, если он не сократит свои расходы; для начала, предложили они, ему неплохо было бы выгнать собственного брата, бездельника и транжира.

В Японии Токугава далеко не все самураи занимались исключительно военным делом. Многие самураи, с важным видом шествовавшие по Эдо, выполняли всего-навсего различные мелкие поручения, вроде наблюдения за ремонтом стен замка или оценки ущерба от наводнения. Пусть сама идея вооруженных до зубов гражданских служащих и кажется забавной, эти люди также были самураями, их статус был равен статусу военнослужащих, и теоретически они также были обязаны содержать вооруженную свиту в соответствии с предписанием. Представьте себе городскую ратушу, где вместо обычных чиновников за столами сидят офицеры местного гарнизона. К тому же, как и у их коллег в гвардии, у них возникали те же самые экономические проблемы.

Одним из способов облегчения финансового бремени было продвижение по службе. Это было не так просто, как могло бы казаться, поскольку социальный менталитет Токугава требовал, чтобы человек оставался членом того социального слоя, в котором родился. В первые годы сёгуната заслуги на поле боя способствовали продвижению в большей степени, чем что-либо еще. Тогда ранг самурая и,

соответственно, его доход могли повыситься в результате его заслуг, например, во время кампаний под Осака. В качестве наиболее яркого примера можно привести одного самурая по имени Уэмура Иэмаса. Отец Иэмаса был ронин, служивший наемником у Иэясу. Он умер в 1599 г., когда Иэмаса было всего одиннадцать лет, и Хидэтада сделал мальчика своим пажом. В 1608 г. он уже был капитаном пехоты. В этом качестве он участвовал в осаде Осака, где проявил себя, патрулируя линию обороны противника. Это принесло ему дополнительные 1 000 коку, а в 1623 г. – чин капитана Великой Гвардии. Затем благодаря проводимой Токугава политике раздачи замков бывших врагов своим верным соратникам он в 1640 г. получил во владение замок Такатори с доходом в 25 000 коку. Таким образом он стал даймё. В мирное время столь впечатляющее продвижение по службе было, естественно, невозможно, и процессы, приведенные в движение Хидэеси и Иэясу, наверняка не позволили бы этому повториться.

Когда возникают финансовые проблемы, прежде всего страдают те группы населения, чей доход составляет минимум. Это применимо и к самураям. Самураи низшего ранга, или «домашние», должны были получать приблизительно по 100 коку в год. На деле же получали они значительно меньше. «Домашние», в отличие от «знаменных», не были обязаны содержать вооруженную свиту и прислугу, однако самим им надлежало оставаться истинными самураями, что при столь низком жалованье превращалось в проблему. Некоторые из них, как известно, настолько обнищали, что вынуждены были продать клинки своих мечей и заменить их бамбуковыми палками. В некоторых случаях они продавали мечи целиком, а для несения службы одалживали пару мечей у товарищей. К счастью для домашнего самурая, ему было позволено работать в свободное от службы время. Если его жена тоже работала, это снимало некоторые финансовые проблемы. В списке приемлемых для самурая занятий можно найти

изготовление бумажных фонарей, зонтиков, выращивание сверчков и торговлю побегами бамбука. В крайнем случае самурай мог торговать своим самурайским рангом, хотя это и было строго запрещено. Богатый купец, желавший приобрести ранг самурая для своего сына, мог за соответствующую плату устроить его усыновление каким-нибудь мелким самураем.

Все сказанное выше относится к самураям, состоявшим на службе у сёгуната. Положение самураев, составлявших свиту даймё, было примерно таким же, только еще хуже, поскольку доход многих из них был ниже, чем у простолюдинов. Хотя, как правило, цены в провинции были ниже, чем в столице, самураю доводилось вкусить столичной жизни, когда раз в два года он сопровождал туда своего господина, отправлявшегося выразить свое почтение сёгуну. Это правило, придуманное для того, чтобы даймё тратили как можно больше денег, требовало, чтобы даймё по очереди жили один год в столице, другой в своей родной провинции, за исключением даймё из Канто, которые меняли место жительства каждые шесть месяцев. Эта система «чередующегося присутствия» была изобретением сёгуна Иэмицу, и практическим ее результатом было то, что даймё в сопровождении, как положено, большой свиты большую часть времени проводили в дороге, то направляясь в Эдо, то выезжая из столицы. Поскольку их женам и семьям приходилось жить в Эдо постоянно, это была еще и эффективная система заложничества. Заложников, естественно, брали с незапамятных времен, и едва ли система выжимания денег из даймё могла считаться новшеством, однако, как и многие другие вещи, при Токугава система «чередующегося присутствия» была формализована и кодифицирована.

Для некоторых даймё во внешних областях, на которых лежали особые обязанности, связанные с обороной, делалась скидка. Например, даймё Сё со стратегически важного острова Цусима приезжали в Эдо только на четыре месяца раз

в три года. Остальные даймё должны были следовать общему правилу, и потому большие дороги Японии, в особенности Токайдо, представляли великолепное и яркое зрелище, что засвидетельствовано знаменитыми офортами Хиросигэ. Несмотря на все расходы, которых требовал подобный образ жизни, даймё соперничали друг с другом в пышности сопровождавшего их эскорта. Поскольку эти процессии произошли от боевых колонн, идущих на войну, все их люди имели оружие, главным образом для выставления напоказ. По мере того как вкусы требовали все большей роскоши, подобные процессии становились все более дорогим удовольствием. Маэда Цунаёси (1642–1724) мог позволить себе иметь свиту из 4 000 человек, но, поскольку расходы все увеличивались, даже он к 1747 г. вынужден был сократить ее численность примерно до полутора тысяч. В среднем в правление Токугава численность эскорта даймё составляла от 150 до 300 самураев. Непредвиденные расходы во время путешествия могли значительно увеличить его стоимость. В 1852 г. ночь застала даймё из Инаба на дороге через горы Хаконэ, и ему пришлось нанять дополнительно 200 носильщиков и 45 людей с фонарями, а также приобрести 8 863 свечи и 350 сосновых факелов.

Для даймё одним из способов сокращения повседневных расходов было урезание жалования его самураям. В результате им не только позволяли работать в свободное время, но даже поощряли эту практику. Самураи Одавара производили, помимо всего прочего, рыболовные крючки и зубочистки. Другие самураи открывали ломбарды или торговали овощами. В провинции Сага они превратились в фермеров – необычное возвращение к прежнему состоянию. С военной точки зрения наиболее интересным из самурайских занятий стало изготовление доспехов. В провинции Кага (владения Маэда) было произведено так много доспехов, что изделия «Кага» хорошо известны и в наше время.

По мере того как росла занятость самураев, характер этого сословия, по наблюдениям современников, стал

изменяться не в лучшую сторону. Около 1780 г. Мурата Сэйфу (1746–1811) писал: Уже многие годы самураи терпят нужду, и все их мысли заняты тем, как свести концы с концами. «Купи это, продай то», «заложь то, чтобы заплатить за это», – вот к чему сводится все их существование. Стало неизбежным, что даже те, кто верен своему долгу, вынуждены унижаться и вести себя недостойно. Только мечи у пояса напоминают им об их ранге...

Несомненно, что если бы этот достойный автор попробовал повнимательнее рассмотреть иные из этих мечей, он был бы неприятно шокирован.

Некоторые самураи, конечно, не допускали, чтобы денежные и прочие низменные дела влияли на исполнение их воинского долга. Таким был, например, Кумадзава Бандзан (1619–1691), отнюдь не кровожадный бродячий самурай, подобный тем, которых изображают в кинофильмах, но весьма образованный человек. Он начал свою военную карьеру как ронин, поступив на службу к Икэда Мицумаса из Окаяма в возрасте пятнадцати лет. Молодой самурай серьезно относился к своей профессии и упражнялся в военном искусстве с усердием, которое сделало бы честь любому из первых самураев Нобунага. Он отказался от риса, чтобы не набирать вес, в течение десяти лет воздерживался от общения с женщинами – очевидно, ради умерщвления плоти. Когда он исполнял обязанности стражника в Эдо, он по ночам упражнялся в фехтовании на деревянных мечах, а для поддержания формы бегал по крышам замка Эдо, что весьма забавляло его коллег, которым казалось, что в него вселился дьявол.

Бандзан в конце концов дослужился до высокого административного поста и обратил свой ум к изучению философских и экономических проблем самурайской жизни. Его сочинения следует рассматривать в контексте того мира и праздности, которые, как он заметил, оказывали столь расслабляющее воздействие на это сословие. Бандзан верил, что маньчжуры, которые завоевали Китай в разгар корейской

войны, вполне могут попытаться пойти по стопам Хубилай-хана и вторгнуться в Японию. Поэтому он неустанно порицал происходившую в стране бессмысленную растрату риса и талантов. Вместо того чтобы выплачивать самураям жалование рисом, считал он, рис, выращенный крестьянами, следует запасать на случай иноземного вторжения, а самураям следует вернуться к своему прежнему состоянию «самураев-земледельцев». «С тех пор, как самураи и крестьяне превратились в отдельные сословия, – писал он, – самураи стали болезненными, а их руки и ноги ослабели». С особой яростью Бандзан порицал систему «чередующегося присутствия».

Иноземного вторжения, которого Бандзан опасался, не произошло, однако, когда он был еще молодым, самураи были весьма обескуражены одним внутренним событием. Это было восстание на Симабара, мятеж, которому по причине его религиозной подоплеки много внимания было уделено западными историками. Само восстание началось как крестьянский бунт, возглавленный горсткой отчаянных ронинов, которые восстали против чудовищных злоупотреблений местного даймё, Мацукура Сигэхару. Этот отвратительный тип имел обыкновение пытаться своих крестьян всевозможными мучительными способами, как-то: связывал их, одевая в соломенный дождевик, а затем поджигал солому. Мало у кого из повстанцев было оружие, когда начался мятеж, но они быстро восполнили этот пробел, заманив в засаду правительственный карательный отряд. Затем они укрылись в полуразрушенном замке Хара на полуострове Симабара, который наскоро восстановили. Вскоре на стенах замка появились христианские знамена и большие деревянные кресты, и он превратился в средоточие сопротивления любым формам угнетения. Считают, что в замке собралось до 37 000 человек, включая женщин и детей, когда Итакура Сигэмаса попытался взять его штурмом во главе 50-тысячной армии. К великому изумлению и негодованию самураев, им пришлось отступить с большими

потерями. Во время очередного приступа, в день японского нового года в 1638 г., Итакура был убит, а его преемник Мацудайра Нобуцуна начал блокаду замка. И здесь, уже не в первый раз в истории Японии, пришли на помощь европейские «торговцы оружием». Голландские пушки бомбардировали замок с суши, а голландские корабли обстреливали его с моря. Голландское участие, однако, вскоре прекратилось – в лагерь осаждавших были выпущены из замка стрелы с посланиями, где их осмеивали за то, что они полагаются на иностранцев. К 4 апреля 1638 г. в замке кончилась провизия, а вылазка, которую осажденные предприняли, чтобы захватить припасы, окончилась неудачно. 12 апреля осаждавшие атаковали ослабленный гарнизон, и им удалось прорваться через внешние стены. После двухдневного сражения замок пал, его защитники отбивались до последнего, используя в качестве оружия горшки и кухонные котлы.

Восстание на Симабара было потрясением для сёгуната. Толпа христиан, земледельцев и ронинов, смогла противостоять армии хорошо обученных, как считалось, самураев. Это событие было предвестником упадка самурайства.

Самым непосредственным результатом восстания на Симабара стало появление амбициозного проекта, который, будь он осуществлен, мог бы добавить немало интересных глав к истории самураев. В 1624 г. несколько кораблей, принадлежавших Мацукура Сигэмаса, даймё Симабара и отцу упомянутого выше тирана Сигэхару, были занесены ветром в Лусон на Филиппинских островах. Моряки вступили в контакт с местным населением и по возвращении доложили обо всем Мацукура. Описание Филиппин заставило Мацукура подумать о вторжении на эти острова, и он обратился за разрешением к сёгуну. Столь невероятный замысел едва ли мог получить поддержку, если бы не тогдашнее соперничество между голландскими протестантами и испанскими католиками. Голландцы увидели в этом плане

прекрасный способ уменьшить испанское влияние в регионе и снабдили сёгуна картами, лоциями, пушками и бесчисленными советами. Они предложили даже переправить всю японскую армию вторжения численностью порядка 10 000 солдат и обеспечить охрану транспортных судов от испанских галеонов. Проект отложили, когда в 1630 г. умер Мацукура, но в 1637 г. сёгун дал разрешение продолжить подготовку к вторжению на Филиппины. Однако в 1637 г. сын Мацукура Сигэмаса был занят подавлением мятежа на Симабара, а когда восстание закончилось, бессмысленность этого проекта стала очевидна, и от него просто отказались.

Еще одним следствием восстания на Симабара стало то, что сёгунат вновь обратил внимание на европейскую военную технологию. Неудачная бомбардировка Симабара продемонстрировала японцам необходимость взять на вооружение что-то вроде мортиры, на случай, если подобное восстание повторится. Голландцы уже предлагали им мортиры, видимо, в оправдание неэффективности произведенного ими обстрела замка; так или иначе, в 1639 г. голландцы продемонстрировали это новое оружие японцам. Самураи и прежде сталкивались с подобным оружием, однако голландские мортиры произвели на них гораздо большее впечатление. Они стреляли двенадцатидюймовыми бомбами, обладавшими огромной разрушительной силой. В качестве испытательного полигона был выбран участок земли с пятью стоявшими на нем домами. Несчастных жителей выселили, и демонстрация началась. Первый выстрел не достиг цели, и бомба упала на залитое водой рисовое поле. Японские наблюдатели уже решили, что она пропала, как вдруг она разорвалась с такой силой, что в воздух взлетели кучи грязи. Второй снаряд разорвался в стволе и произвел большие разрушения. Японцев, однако, это не обескуражило: раны перевязали, и демонстрация продолжалась. Следующая бомба также не долетела до домов, но упала на твердую землю, где после взрыва образовалась воронка в три метра шириной и в два глубиной. Пятый снаряд разорвался в воздухе, что очень

удивило японцев, и тогда голландский артиллерист пояснил, что он сделал это специально, чтобы повеселить их. Всего было выпущено одиннадцать бомб, и японцы убедились, что, упади они в крепости, наделали бы много вреда; однако они были разочарованы тем, что ни один из снарядов не попал в дома. Поэтому голландцев попросили поместить бомбу в один из домов и поджечь запал. Так и сделали. Бомба взорвалась со страшным грохотом и подожгла крышу. Зрителей это так восхитило, что они разразились бурными аплодисментами.

Поставки мортир и другого оружия, наряду с твердой антикатолической позицией, обеспечили голландцам определенный иммунитет при изгнании иноземцев в 1640 г. В течение последующих двух столетий маленькая голландская фактория на Дэдзима, искусственном островке в гавани Нагасаки, оставалась центром распространения европейской военной науки. За этим единственным исключением ни одному иностранцу не разрешалось ступить на японскую землю и ни одному японцу не позволялось ее покидать. И хотя закрытие Японии вовсе не было столь абсолютным, как часто думают, оно имело далеко идущие последствия для истории этой страны.

Еще одним свидетельством упадка самурайства стала деградация японских доспехов. Затяжные войны шестнадцатого века довели защитное вооружение до такого совершенства, что доспехи могли выдержать выстрел из аркебузы и в то же время допускали максимально возможную свободу движения. Был разработан новый тип доспехов, где нагрузка снималась с плеч и переносилась на бедра; возникло массовое производство доспехов для асигару, включая дзингаса, или «солдатскую шляпу», которую, по совету Иэясу, следовало делать из железа, чтобы солдаты могли варить в ней рис.

Когда на смену воинственному периоду Момояма пришли мирные дни Эдо, те свойства вооружения, которые делали его столь удобным «боевым облачением», пришли в

упадок или совсем исчезли. Увеличение количества украшений создавало больше мест, где мог застрять наконечник копья. Использование рельефных украшений настолько ослабило прочность брони, что она уже не могла противостоять аркебузной пуле. Семейство Мётин, в прошлом известные изготовители боевых доспехов, обратилось к созданию произведений искусства. Теперь их изысканные, богато украшенные изделия едва ли смогли бы принести какую-то пользу в бою. Действительно, это вооружение, столь редкое и дорогое в наши дни, было ничуть не менее редким и дорогим уже тогда, когда его только что изготовили. Самураи, не достигшие ранга даймё, покупали то вооружение, которое было им по карману, а для подавляющего большинства самураев понятия «полный комплект доспехов» вообще не существовало. Они выбирали у оружейников панцири, перчатки и шлемы по той цене, которую могли себе позволить. Потому самураи низших рангов чаще всего приобретали доспехи попроще и, соответственно, более эффективные в условиях войны.

Одним из проявлений упадка в оружейном деле было возрождение старых стилей вооружения, тенденция, получившая значительный стимул благодаря вышедшей в 1725 г. книге историка Араи Хакусэки «Хонто гункико». Хакусэки обожал старые стили ёрои, и кузнецы того времени попытались воспроизвести их, порой создавая причудливые и невероятные «помеси». Сочетание сасимоно шестнадцатого века и плоского «воротника» четырнадцатого не могло не вызывать сильной боли в шее несчастного, который носил подобный доспех, однако их все равно производили. Пока оружейники старались облачить самурая в соответствующие доспехи, писатели, такие, как Кумадзава Бандзан, пытались вбить ему в голову столь же изысканные идеи. Один из его современников внес немалый вклад в самурайскую философию. То был Ямага Соко (1622–1685). В его жизни есть много общего с жизнью Кумадзава, однако в его произведениях рассматриваются главным образом военные

аспекты самурайства. Ямага считал разведку одной из самых доблестных сторон военного дела и привлекал внимание к необходимости изучения западного оружия и тактики. Как и Кумадзава Бандзан, он больше всего был озабочен затянувшейся бездеятельностью самурайского сословия. Не то чтобы он проповедовал вторжение куданибудь в Корею или на Филиппины, совсем нет. Он верил, что самурай обязан оправдывать свой особый высокий статус, совершенствуясь в военном искусстве. Чтобы быть самураем, считал он, недостаточно получать жалование, есть пищу, выращенную другими, носить одежду, сотканную другими; самурай должен культивировать те идеалы, которые позволили бы ему быть примером остальному населению. Раз другие сословия выполняют свои функции, значит, и самурая надлежит выполнять свою, то есть быть образцом бескорыстной преданности своему господину. Соко проповедовал такие спартанские ценности, как суровость, самодисциплина и готовность встретить смерть, обществу, которое в своей повседневной жизни все меньше и меньше нуждалось в подобных вещах. Призывать самураев вести себя по-самурайски под стенами Осака было естественно. В 1690 г., когда они задолжали ростовщикам и клевали носом над кипами деловых бумаг, такой призыв был анахронизмом.

Соко был достаточно мудр, чтобы понять, что для выживания самурайского сословия все эти воинские доблести следует приспособить к условиям мирного времени. Его убеждения не ограничивались верой в военную дисциплину. Он искренне верил в необходимость пробуждения и перерождения самурайского духа, если правящий класс Японии действительно готов стать тем интеллектуальным и моральным лидером, в котором так нуждалась страна. «В своем сердце, – писал Соко, – самурай привержен миру, но вовне он держит свое оружие наготове». Те самураи, которые не осознают своей высокой миссии, должны перейти в одно из низших сословий, заняться ремеслом и торговлей. Для Соко первым заветом самурая было «познай самого себя».

В сочинениях Соко мы встречаем одно из первых изложений того, что впоследствии получило известность под именем буси-до, или «путь воина» – термин, не менее известный западному читателю, чем слово «самурай». Следующий отрывок также должен показаться читателю знакомым: Корея была покорена, замок ее правителя вынужден был сдаться. Японские военные ставки были учреждены в чужих землях, а слава японского оружия возобладала над четырьмя морями с древнейших времен до нынешнего дня. Наша доблесть в бою внушала страх иноземцам. Что до вторжений извне, то иноземцам никогда не удавалось завоевать нас, захватить или заставить уступить часть нашей земли. В самом деле, ведь в изготовлении доспехов для человека и коня, в создании мечей и копий и в умении с ними обращаться и, наконец, в военном искусстве, в стратегии и тактике ни одна страна не может сравниться с нами. Разве в пределах четырех морей мы не превосходим всех доблестью?

Читатель пусть сам судит, с учетом событий на Симабара, доспехов, покрытых рельефными украшениями, и жадных ростовщиков, содержит ли этот отрывок достоверную оценку боеспособности японской армии на 1670 г. Тем не менее это великолепный пример того, как пышно мог расцвести самурайский дух, когда его не сдерживала досадная необходимость время от времени выигрывать реальные сражения. Что касается «кодекса воина», или «пути воина», – можно, конечно, возразить, что в XVI веке какой-то воинский кодекс должен был существовать, хотя бы просто для выживания. Однако нельзя научиться воевать по учебнику, и создание воинского кодекса отложили до мирных дней Эдо. Лучшее изложение воинского кодекса в XVI веке сделал Цукухара Бокудэн, великий мастер и преподаватель искусства меча. Он просто заметил, что «воин, не знающий своего дела, подобен кошке, не умеющей ловить крыс». Иными словами, чтобы следовать путем воина, надо быть воином, вот и все. Читатель вспомнит, что завешание, которое Ходзё Соун

оставил своему сыну, заканчивается словами: «В литературе и в военном искусстве следует совершенствоваться постоянно... Грамота – это левая рука, а военное дело – правая. Ни тем, ни другим не следует пренебрегать».

В уютной обстановке эпохи Эдо кабинетные самураи (или «самураи соломенных циновок», что ближе к истине) смогли, наконец, заняться перечислением доблестей идеального воина. Это и есть то буси-до, которое мы знаем. Основной упор делается на таких достоинствах, как храбрость, честность, верность, умеренность, стоицизм и сыновняя почтительность. Насколько же все это присутствует в действительной истории самураев?

О храбрости говорить не приходится. Их мужество и презрение к смерти не может не впечатлять. Как замечено в случае с Тории Сунъэмоном при Нагасино, наивысшего уважения заслуживает столь выдающаяся храбрость, что ей не могут не восхищаться как друзья, так и враги. Примеры настоящей трусости крайне редки. Похоже, что самурайская традиция кончать самоубийством ради спасения чести стоила Японии многих хороших военачальников, которые в противном случае могли бы дожить до следующего сражения и взять реванш. Поучительным примером здесь может служить адмирал Ли Сунсин, которого подвергли немилости, пытали, бросили в тюрьму, поскольку его победы во время первой корейской войны вызвали зависть его коллеги Вон-Гюна. Будь Ли японским адмиралом, он несомненно покончил бы с собой, а Ли вынес весь этот позор и вернулся, чтобы снова воевать с японцами в 1598 г.

Самоубийство никогда не представлялось легким выходом из затруднительного положения и часто было весьма драматичным. Мы уже встречали множество поразительных случаев, однако автору трудно удержаться, чтобы не упомянуть один из самых экстравагантных примеров самоубийства в японской истории. Оно было совершено полуполюгендарным, по всей очевидности, самураем по имени Того Сигэтика, который потерпел неудачу при штурме

вражеской крепости. В отчаянии он велел похоронить себя заживо, в полном вооружении, верхом на коне и при этом клялся отомстить врагам с того света.

Верность и честность – наиболее трудноуловимые доблести; первая, очевидно, оказалась в числе самых первых военных потерь. Совет Мори Мотонари не доверять никому, в особенности родственникам, достаточно полно характеризует период Сэнгоку, век, породивший такой образец самурайской доблести, как Ходзё Соун. И в самом деле, в то время, когда боевой дух достиг своего апогея, верность оказалась наименее распространенной из добродетелей. Акэти Мицухидэ, бесспорно, наш лучший эксперт по части вероломства, недаром сказал, что ложь воина следует называть стратегией и что честные люди встречаются только среди крестьян и горожан.

Конечно, легко иронизировать по поводу нации, которая идеализирует свою раннюю историю. Все нации так поступают. Что несомненно, так это то, что идеи и мнения таких авторов, как Ямага Соко и Кумадзава Бандзан, нашли свое место в сердцах самураев. Призыв отказаться от самого себя и следовать явно идеализированной модели самурайского поведения даром не пропал. Самый яркий пример успеха Ямага Соко – это случай со знаменитыми «сорока семью ронинами», без которой ни одна история самураев не может быть полной. Предводитель 47 ронинов, Оиси Кураносукэ, был учеником Ямага Соко. Что самое примечательное в этой классической истории мести – это то, как далеко зашли заговорщики, чтобы усыпить бдительность жертвы. Они сделали вид, что судьба дома их прежнего хозяина их больше не волнует, предавались пьянству и гульбе, используя их как ширму для прикрытия заговора. 14 декабря 1702 г. 47 ронинов ворвались в дом своего врага, убили его и установили его голову на могиле своего покойного господина. Этот акт мести потряс представителей власти. Следовало ли им наказать ронинов за убийство или наградить за то, что они более чем кто – либо за прошедшее

столетие повели себя как истинные самураи? В конце концов закон взял верх, и 46 оставшихся в живых ронинов (один был убит во время нападения) совершили массовое харакири.

Сомнительно, сделали ли 47 ронинов что-либо для современной Японии, кроме как предоставили сюжет для бесчисленных пьес и рассказов, продемонстрировав миру, насколько примитивной и отсталой порой может быть Япония. Позитивный вклад буси-до лучше всего представлен в лице Мито Мицукуни (1628–1700) из семьи Мито, одной из ветвей Токугава, который занимался изучением японской истории. Особенно примечателен его панегирик доблестям Кусуноки Масасигэ и Масацура, сделавший их популярными героями сегодняшнего дня.

Истинные достоинства буси-до проявились гораздо позже, когда, как и надеялся Ямага Соко, сословие самураев или, по крайней мере, его лучшие представители поднялись над своей праздностью, нищетой и духовным упадком, чтобы стать мозгом движения за Реставрацию и создателями современной Японии. Тогда они действительно превратились в аристократию, служившую примером всему народу, стали его лидерами и вдохновителями. Здесь нет места для подробного описания великих событий революции Мэйдзи и выхода Японии из своей уединенной кельи, однако на отдельных моментах, связанных с нашей историей, следует остановиться.

Семьи, сыгравшие главную роль при Реставрации, носят знакомые нам имена. Токугава (Мито) Нариаки был потомком Мицукуни и ревностным сторонником самурайского воспитания в те дни, когда европейские и американские корабли стали появляться у берегов Японии. В 1853 г. ему была доверена оборона страны, однако очевидное превосходство иностранных держав лишало подобные военные приготовления всякого смысла. В связи с вопросом об иностранном вмешательстве он встретил ярого противника в лице Ии Наосукэ, прямого потомка Наомаса и Наокацу, «Красных Дьяволов» Хиконэ. В 1858 г. Наосукэ подписал

договор с Соединенными Штатами, а вскоре также с Англией и Францией. Эти соглашения вызвали сильное негодование среди настроенных против иностранцев консерваторов, и в 1860 г. Наосукэ был убит ронином из даймёта Мито.

Реставрация повлекла за собой все изменения, которых так опасались ее противники. Самураи как сословие были упразднены, вместо жалованья им была выплачена компенсация, которая, как полагали, поможет им открыть собственное дело. В 1876 г. ношение мечей запрещено было всем, кроме представителей вооруженных сил, которые теперь формировались согласно закону о всеобщей воинской повинности.

Одному из самураев, Сайго Такамори, все это показалось уж вовсе невыносимым, и он удалился в родную провинцию Сацума, где стал обучать молодых самураев военному искусству. Правительство предчувствовало опасность, прилагало все усилия для того, чтобы вернуть Такамори обратно, но тщетно. Движение сопротивления назревало и в конце концов вылилось в «восстание на Сацума» в 1877 г. 15 февраля Сайго Такамори во главе 15 000 человек захватил Кагосима, затем атаковал армию Кумамото, разгромил ее и осадил замок Кумамото. Узнав об этом, правительство послало регулярную армию под командованием Арисугава Тарухито. Под натиском численно превосходящего противника повстанцы отступили в Хюга, где, несмотря на весь свой героизм, были разбиты в нескольких сражениях. В конце концов армия Сайго была оттеснена назад в Кагосима. Сопротивление стало невозможным. Окруженные со всех сторон, и с моря и с суши, последние самураи приготовились дорого продать свою жизнь. Последняя битва произошла при Сирояма 24 сентября 1877 г. Сайго пал, раненный в ногу пулей одного из обученных в Европе солдат, и один из его верных приближенных по его просьбе лишил его жизни.

Долг был путь от принца Ямато через Ёсицунэ, Кусуноки Масасигэ и Ода Нобунага до Сайго Такамори, но

стереотип остается прежним. Герой – все та же одинокая фигура, он всегда трагически погибает в неравном бою. В этом весь дух самурайства. Говоря словами великой хроники самурайского героизма, «Хэйкэ моногатари»: «Звук колокола Гионсодза отражает непостоянство всех вещей. Цвет тикового дерева говорит о том, что тем, кто сейчас процветает, суждено пасть. Да, гордые живут лишь мгновение, как вечерний сон в разгар весны. И могучие в конце концов погибают; они лишь пыль, несомая ветром».

Приложения

Хронологический список сёгунов

Минамото

Ёритомо 1192

Ёриизэ 1199

Санэтомо 1203

Регенство Ходзё (сиккэн)

Токимаса 1199

Ёситоки 1205

Ясутоки 1225

Цунэтоки 1242

Токиёри 1246

Нагатоки 1256

Токимунэ 1270

Садатоки 1284

Моротоки 1300

Такатоки 1315

После падения Камакура пост сёгуна занимал принц Морикуни.

Асикага

Такаудзи 1338

Ёсиакира 1358

Ёсимицу 1367

Ёсимоти 1395

Ёсикадзу 1423

Ёсинори 1428

Ёсикацу 1441

Ёсимаса 1443

Ёсихиса 1474
Ёситанэ 1490
Ёсидзуми 1493
Ёситанэ 1508
Ёсихару 1521
Ёситэру 1545
Ёсихидэ 1565
Ёсиаки 1568

Администраторы

Ода Нобунага 1573
Тоётоми Хидэёси 1582
Тоётоми Хидэёри 1598

Токугава

Иэясу 1603
Хидэтада 1605
Иэмицу 1623
Иэцуна 1651
Цунаёси 1681
Иэнобу 1709
Иэцугу 1713
Ёсимунэ 1717
Иэсигэ 1745
Иэхару 1762
Иэнари 1787
Иэёси 1837
Иэсада 1853
Иэмоти 1858
Ёсинобу 1866

Литература

TASJ: Transactions of the Asiatic Society of Japan.

TJSL: Transactions and Proceedings of the Japan Society of London.

Alex W. Japanese Architecture. London. 1968.

Anderson L. J. Japanese Armour. An illustrated guide to the work of Myochin and Saotome families from the fifteenth to the twentieth century. London. 1966.

– The Yukinoshita-do. //Journal of the Token Society of Great Britain. I. ii. London. 1966.

Asakawa K. The Documents of Iriki. Yale University. 1929.

– Some aspects of Japanese feudal institutions. //TASJ. 46. I. 1918.

Aston W. G. Hideyoshi's invasion of Korea. //TASJ. 9. 1878-1888.

Ballard G. A. The Influence of the Sea on the Political History of Japan. London. 1921.

Barr P. The Coming of the Barbarians. London. 1967.

– The Deer Cry Pavillon. London. 1968.

Bertin L.E. Les grandes guerres civiles du Japan. Paris. 1894.

Bonar H. A. C. On maritime enterprise in Japan. //TASJ. 15. 1887.

Boots J. L. Korean Weapons and Armour. Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. 23.1934.

Bottomley I. and Hopson A. P. Arms and armour of the Samurai. London. 1988.

Bottomley I. D. and Hopson J. The Armour of Feudal Japan (in preparation).

Boxer C. R. The Christian Century in Japan. University of California Press. 1951.

– Jan Compagnie in Japan. The Hague. 1950.

– Notes on Early European Military Influence in Japan (1543-1853). //TASJ. 2nd Ser. 8. 1931.

Bramsen V. Japanese chronological tables. //TASJ. 37.

1910.

Brinkley F. Japan, its History, Arts and Literature. Boston.

1901.

Brown D. M. The impact of firearms on Japanese warfare 1543-1598. *Far Eastern Quarterly*. 8. 1948.

Chamberlain B.H. Handbook for Travellers in Japan. London. 1913.

Cole W. Kyoto in the Momoyama Period. Oklahoma University. 1967.

Conder J. The history of Japanese costume. II. Armour. //TASJ. 9. 1881.

Cooper M. The Southern Barbarians. Tokyo. 1971.

– They came to Japan. London. 1968.

Davis F. H. Myths and Legends of Japan. London. 1913.

Dautremere J. The vendetta or legal revenge in Japan. //TASJ. 13. 1885.

Denning W. The Life of Toyotomi Hideyoshi. London. 1930.

Dilts M.M. The Pageant of Japanese History. New York. 1938.

Diosy A. Yoshitsune, the Boy Hero of Japan. //TJSL. 10. 1911.

Dunn C.J. Everyday Life in Traditional Japan. London. 1969.

Farris W.W. Heavenly Warriors: The evolution of Japan's Military, 500-1300. Harvard 1992.

Fisher G. Kumazawa Banzan. //TASJ. 45 (ii). 1918.

Frederic L. Daily Life in Japan at the time of the Samurai. London. 1972.

Friday K. Hired Swords: The Rise of Private Warrior Power in Early Japan. Stanford. 1992.

Fujioka M. Japanese Castles. Tokyo. 1968.

Garbutt M. Japanese armour from the inside. //TJSL. 9. 1912.

– Military works in Old Japan. //TJSL. 8. 1907.

Gilbertson B. Japanese archery and archers. //TJSL. 4. 1895.

– The decoration of swords and sword furniture. //TJSL. 3.

1893.

Gilbertson E. and Kowaki G. The genealogy of the Miochin family. //TJSL. 1. 1892.

Goedertier J. A Dictionary of Japanese History. New York. 1968.

Griffs W. E. Corea the Hermit Kingdom. New York. 1882.

– The Mikado's Empire. New York. 1906.

Gubbins J. H. Hideyoshi and die Satsuma clan in the sixteenth century. //TASJ. 8. 1880.

Hall J.C. Japanese feudal laws. //TASJ. 34, 36, 38, 41. 1913.

Hall J. W. The caste town and Japans modem urbanization. Far East Quarterly. 1955.

Hall J.W. Japan before Tokugawa. Princeton. 1981.

Hall J.W. and Mass J.P. Medieval Japan. Essays in Institutional History. Yale University Press. 1974.

Hall J.W. and Takeshi T. (eds.) Japan in the Muromachi Age. Berkeley 1977.

Hall M.P. Koya-san. Los Angeles. 1970.

Harada T. The Faith of Japan. New York. 1926.

Hawley W. M. Introduction to Japanese Swords. Los Angeles. 1973.

Hayashi G. The fall of the Tokugawa government. //TJSL. 4.1895.

Hearn L. Kokoro. Hints and echoes of Japanese inner life. London. 1914.

Herrigel E. Zen in the Art of Archery. London. 1953.

Hikone, City of: How to see Hikone. 1970. Guide to Hikone Castle. 1969.

Hirai K. Feudal Architecture of Japan. Tokyo. 1973.

Hulbert H.B. The History of Korea. Seoul. 1905.

Jennes J. A History of the Catholic Church in Japan. Tokyo. 1959.

Joly H.L. Legend in Japanese Art. London. 1908.

Kasuga Shrine. Catalogue of Objects in the Kasuga Shrine Museum Nara. 1968.

Kellogg E. R. Selective Translation of «Hogen Monogatari».

//TASJ. 45 (i). 1917.

Kiralfy A. Japanese naval strategy. //E.M. Earle (ed.). *Makers of Modern Strategy*. Princeton. 1943.

Kirby J.B. *From Castle to Teahouse. Japanese Architecture of the Momoyama Period*. Rutland. Vermont. 1962.

Knutsen R. *Japanese Polearms*. London. 1963.

Koop A. J. The Construction and Blazonry of Mon. //TJSL. 9. 1910.

Kurata H. *Shinran*. Tokyo. 1964.

Kuno Y. S. *Japanese Expansion on the Asiatic Continent*. Berkeley. 1937.

Kunozan: Catalogue of Armour etc. in the Kunozan Toshogu Shrine Museum. 1965.

Laures J. *The Catholic Church in Japan, A Short History*. Tokyo. 1954.

Lee G.A. Some notes on Japanese heraldry. //TJSL. 8. 1910.

Lewis A. *Knights and Samurai*. London. 1974.

Ley C.D. *Portuguese Voyages, 1498-1663*. London. 1947.

Longford J.H. *The Story of Old Japan*. London. 1910.

Marder A.J. From Jimmu Tenno to Perry – Sea power in early Japanese history. //American Historical Review. 51. 1945.

Martin F.C. *Arms and Armor of Ancient Japan*. Los Angeles. 1964.

Mass J.P. *Warrior Government in Early Medieval Japan*. Yale University Press. 1974.

Mass J.P. *Court and Bakufu in Japan*. New Haven 1982: *Antiquity and Anachronism in Japanese History*. Stanford. 1992.

McClatchie T. The feudal mansions of Edo. //TASJ. 7. 1876.

– Japanese heraldry. //TASJ. 5. 1876.

– The sword of Japan, its history and tradition. //TASJ. 3. 1873.

McCullough H. *The Taiheiki*. Columbia University. 1959.

– *Yoshitsune*. Stanford University. 1966.

Miyamoto M. *A Book of Five Rings*, translated by V. Harris. London. 1974.

Morris I. *The World of the Shining Prince*. London. 1964.

- Moule G.H. *The Spirit of Japan*. London. 1913.
- Murdoch J. *A History of Japan*. London. 1925.
- Nishino S. *Tokugawa Mitsukuni (Giko)*. Mito. 1961.
- Nishioka I. *Shin nihon-shi zuroku*. Tokyo. 1958.
- Nitobe I. *Bushido, the Soul of Japan*. New York. 1905.
- Ogasawara N. *Japanese Swords*. Tokyo. 1970.
- Ogawa K. *Military Costume in Old Japan*. Tokyo. 1893.
- Okada Y. *Japanese Family Crests*. Tokyo. 1941.
- Orui N. and Toba M. *Castles in Japan*. Tokyo. 1935.
- Papinot E. *Historical and Geographical Dictionary of Japan*. Yokohama. 1909.
- Possonby S.T. *Japanese naval strategy*. U.S. Naval Institute Proceedings. 70. 1944.
- Purnell C. J. *The Logbook of Will Adams*. //TJSL. 13. 1914.
- Purvis F. P. *Ship construction in Japan*. //TASJ. 47. 1919.
- Rabinovitch J. *Shomonki: The Story of Masakado's Rebellion*. Tokyo. 1986.
- Redesdale, Lord. *Tales of Old Japan*. London. 1910.
- Reischauer E.O. *Japan, Past and Present*. New York (2nd Ed.). 1952.
- Robinson B.W. *Arms and Armour of Old Japan*. London. 1951.
- *The Arts of the Japanese Sword*. London. 1961.
- Robinson H.R. *The Armour Book in Honcho Gunkiko*. London. 1964.
- *The Manufacture of Armour and Helmets in Sixteenth-Century Japan*. London. 1962.
- Rotermund H.O. *Die Yamabushi*. (Monographien zur Volkerkunde). Hamburg. 1968.
- Sadler A.L. *Heike Monogatari*. //TASJ. 46. 1918. 49. 1921.
- *Cha-no-yu, the Japanese Tea Ceremony*. New York. 1962.
- *The Maker of Modern Japan, the Life of Tokugawa Ieyasu*. London. 1937.
- *The Naval campaign in the Korean War of Hideyoshi*. //TASJ. 2nd Ser. 14. 1937.
- *A Short History of Japan*. London. 1963.

- Saito R. Japanese Coiffure. Tokyo. 1939.
- Sakakibara Kozan. Chuko Kachu Seisakuben. Edo. 1800.
- Sansom G.B. A History of Japan. (3 volumes.) London. 1959.
- Sendai Municipal Museum. Catalogue of an Exhibition of objects belonging to the Maeda family. 1966.
- Catalogue of objects belonging to the Date family. 1970.
- Schegel G. On the invention and use of firearms and gunpowder in China prior to the arrival of the Europeans. //T'oung pao. 2nd Ser. 3. 1902.
- Shimizu Y. (ed.). Japan: The Shaping of Daimyo Culture. Washington 1988.
- Shinoda M. The Founding of the Kamakura Shogunate. Columbia University. 1960.
- Spohr C. Gempei, The Civil Wars of Old Japan. (Privately published.) Chicago. 1967.
- Spuler B. The Mongols in History. London. 1971.
- Smith B. Japan, a History in Art. London. 1972.
- Summers J. Notes on Osaka. //TASJ. 7. 1879.
- Takekoshi Y. The Economic Aspects of the History of the Civisation of Japan. London. 1930.
- Totman C. Politics in the Tokugawa Bakufu. Harvard University Press. 1967.
- Tsunoda R. et al. Sources of Japanese Tradition. Columbia University. 1958.
- Turnbull S.R. Samurai Armies 1550-1615. London. 1979.
- Warlords of Japan. London. 1979.
- The Mongols. London. 1980.
- The Book of the Samurai: The Warrior Class of Japan. London. 1982.
- Samurai Warriors. London. 1987.
- Battles of the Samurai. London. 1987.
- Samurai Warlords – The Book of the Daimyo. London. 1989.
- The Lone Samurai and the Martial Arts. London. 1990.
- Ninja: The True Story of Japan's Secret Warrior Cult.

London. 1991.

– Samurai Warfare. London. 1996.

– The World of the Samurai. London. 1996.

Uesugi Museum. Catalogue of objects in the Uesugi Shrine Museum. Yonezawa. 1970.

Underwood H.H. Korean boats and ships. Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. 23. 1934.

Varley H.P. The Onin War. Columbia University. 1967.

Varley H.P. Warriors of Japan as portrayed in the War Tales. Honolulu. 1994.

Vianello G. Armi in Oriente. Milano. 1966.

Waterhouse D.B. Firearms in Japanese history, with notes on a Japanese wall gun. British Museum Quarterly. 27. 1963.

Yamada N. Ghenko, the Mongol Invasion of Japan. New York. 1916.

Yamagami H. Japan's Ancient Armour. Tokyo. 1940.

Yamamura K. A. Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Harvard. 1974.

Yoshida K. Research into Tosei Gusoku of the Edo Era. (Unpublished MS.) 1973.

Yoshioka S. Collection of Antique Guns. Tokyo. 1965.